

Любимый предатель

АНАСТАСИЯ ВОРОНЦОВА

— Мы можем решить все по плохому. Привлечь юристов. Поднять шумиху. Мне ничего не стоит засудить тебя за то, что ты скрывала ее от меня столько лет... Или сделать все тихо, по-хорошему. Я знаю, что он прав. Именно поэтому я надеялась, что правда никогда не всплывет. Сжав кулаки, я медленно вдохнула и выдохнула, пытаюсь сдержать слезы. Не хотела, чтобы он снова видел меня слабой и жалкой, как раньше. И все же мои глаза заблестели. — Чего ты хочешь? — тихо спрашиваю я со смесью страха и усталости. — Думаю ты и сама знаешь.

Когда мама входит в кухню, мое сердце начинает бешено колотиться, ее лицо выглядит бледным и измученным. Под ее карими глазами залегли темные круги.

— Все в порядке? — спрашиваю я, когда мы садимся за продолговатый кухонный стол.

— Доченька, мне очень тяжело это говорить, но тебе стоит знать правду. Я знала, что поступаю неправильно, но твой отчим оставил нам столько долгов... — подавив судорожный всхлип, она протягивает мне конверт дрожащей рукой, и я неохотно беру его у нее.

Вытащив содержимое, на мгновение я перестаю дышать, и мое сердце замирает. Бумага в моих руках — это счет за долг, и сумма настолько велика, что мне кажется, будто я упустила ее от ужаса.

— Сколько ты должна? — спрашиваю я, пытаюсь сохранять спокойствие.

Моя мать, кажется, на грани истерики. Она не может даже смотреть мне в глаза, когда повторяет сумму вслух.

— Мне так жаль, прости меня. Я давно должна была рассказать тебе все.

— Я не могу поверить... — шепчу я, и чувствую, как меня охватывает ярость и непонимание. Кто мог одолжить такую огромную сумму моей матери? Кто мог поверить, что она способна вернуть этот долг?

— Я не знала, что делать, — шепчет мама, опустив глаза, к которым подступают слезы, — Теперь нам придется продать дом, чтобы выплатить долг.

— Как... Кто дал тебе эти деньги?

— Он обещал, что это останется между нами. Ведь мы одна семья и...

Сначала я не могла понять, о ком она говорит, но потом, как гром среди ясного неба, до меня дошло. Я почувствовала, как моя кровь начинает кипеть от гнева и обиды.

— Мама, ты заняла деньги у него?

Она кивает, и я понимаю, что это правда. Моя мать заняла деньги у мужчины, который изменил мне, и разбил мое сердце. Она обратилась к нему за помощью, и теперь наш дом под угрозой.

Это был удар ниже пояса.

Дом, в котором я выросла. С которым были связаны мои детские воспоминания. И, хоть я давно здесь не живу, это место дорого мне из-за папы. И он это прекрасно знал.

— Мама, зачем ты это сделала? — выдавливаю из себя, едва сдерживая слезы, но она только качает головой и повторяет:

— У меня не было выбора.

Аня

Лежа на шелковых простынях, я пытаюсь противостоять навязчивым воспоминаниям. Сжимаю подушку крепче, в надежде, что это поможет забыть о том дне, когда моя жизнь разделилась на до и после.

Он был моим мужем, моим другом, моей опорой. Он был тем, кто удерживал меня от падения в бездну. И все же он предал меня, разорвав мое сердце на части.

Я много раз пыталась заставить себя забыть его. Стереть из памяти все хорошее и плохое. Забыть все, что было между нами. Перечеркнуть, как перечеркнул он, и просто жить дальше. Но время от времени эти воспоминания все равно возвращались ко мне, вновь вызывая ощущение той невыразимой боли, все глубже и острее.

Мои пальцы судорожно сминают простыню, словно это может помочь изгнать призрак прошлого и успокоить душу. Я пытаюсь успокоиться, делая глубокие вдохи и напоминая себе, что я сильная, что я смогу преодолеть это. Я знаю, что мое сердце заживет, и что однажды я снова смогу полюбить и довериться. Но сейчас, в эту ночь, мне нужно дать себе разрешение на слабость, чтобы позволить эмоциям выйти наружу...

Пять лет назад

Солнце медленно опускается за горизонт, окутывая комнату мягкими лучами. Я стою в гостиной, сжимая в руках свежий выпуск журнала, на обложке которого изображено лицо моего мужа. Грусть в моем сердце сменяется гневом. Это фото напоминает о днях и ночах, проведенных в одиночестве. Его улыбка на обложке кажется жестокой насмешкой, и я уже не могу сдерживать нарастающее раздражение.

Услышав звук открывающейся двери, я напрягаюсь. Вот и он. Наконец-то вернулся. Когда-то я с нетерпением его ждала. Верная. Любящая. Наивная и глупая. Но сейчас, вместо радости, я испытываю лишь горечь и разочарование. Не могу больше молчать, притворяться, что все хорошо.

— Надоело! Вечно я вижу тебя только на фотографиях, но не дома! — прожигая его ненавидящим взглядом, я кидаю в него журнал. К несчастью, Андрей успевает увернуться, и журнал с шелестом падает на пол.

— Я сегодня дико устал, мне не до твоих истерик, — с ледяным спокойствием отмахивается он, пытаюсь пройти мимо меня к лестнице.

В этом весь он. Никаких чувств. Никаких эмоций. Не человек, а машина. Дровосек из сказки, который так и не получил от волшебника свое сердце.

Андрей был из тех, кто останется холоден даже перед лицом смерти. Так что и его реакция на мои слова была ожидаемой. И все же это больно.

Проклятье. Я хотела быть сильной. Я обещала себе, что не пророню больше ни слезинки, но вот, стою, сглатывая комок подступающих слез.

Будь ты проклят, бездушная машина.

— Это не истерика. Зачем тебе я? Я целыми днями одна, я вечно жду тебя, словно преданная собака! Кто я вообще для тебя? — слезы наворачиваются, но я отчаянно пытаюсь их сдержать. Мои боль и разочарование превращаются в ярость, когда я смотрю ему в глаза, ожидая ответа.

Я снова не могу его прочитать. Не могу уловить в его глазах ни одной эмоции. Черт, да я

вообще не уверена в том, что этот человек в состоянии их испытывать.

— Я знаю, что я не идеальный муж, — произносит он.

— Мы должны что-то менять, Андрей. Мы не можем продолжать жить так, как сейчас.

Я не хочу так жить.

— Аня, я знаю, что ты переживаешь, но сейчас это очень важно для меня. Обещаю...

— Я сыта по горло твоими обещаниями, Громов. Мне нужен человек, которого я когда-то знала. Тот, с кем я могу разделить свою жизнь, а не тень, которая приходит домой только ради сна.

Мой голос дрожит, и я до боли сжимаю кулаки, чтобы не разреветься.

— У меня работа. Я делаю это для нас, я не виноват, что тебе нечем заняться.

— У тебя есть кто-то еще?

Я давно подозревала. Все те разы, что он оставался в офисе допоздна, или же вовсе не ночевал дома. Это его безразличие. Холод...

Андрей хмурит брови, и я впервые за долгое время улавливаю человеческие эмоции на его лице. Вот только это не любовь и не нежность. Он смотрит на меня с недоумением и гневом, а его голос становится резче:

— Аня, это абсурд. У меня нет никаких связей с другими женщинами. Я занят предстоящим проектом, потому что хочу обеспечить нас и наше будущее. Ты должна это понимать.

— Будущее... — у меня вырывается нервный смешок.

— Дай мне закончить этот проект, и я все тебе расскажу.

— Я это слышала уже не один раз.

Я устала. Как же я устала. Неужели я правда вышла замуж за этого человека?..

— Я держусь из последних сил, чтобы тебе не нагрубить. Давай отложим этот разговор. Приди в себя. Можешь заказать парочку новых тряпок из последней коллекции.

— Неужели ты так и не понял? — с горечью спрашиваю я, — Мне не нужны деньги.

Мне нужен ты, придурок.

— Хочешь, чтобы я сутками сидел возле твоей юбки?

Его слова заставляют меня вздрогнуть, как от пощечины. Я не выдерживаю и по моей щеке скатывается одинокая слеза, а он не обращает внимания. Просто проходит мимо, направляясь к лестнице, ведущей в нашу спальню. Когда за ним закрывается дверь, мне кажется, что последняя ниточка, благодаря которой я держалась, обрывается, и я спускаюсь на пол, опустив голову, и обняв руками колени.

Слезы продолжают струиться по моим щекам, обнажая всю боль и одиночество, которые стали моими единственными спутниками в последнее время. Мои плечи дрожат от всхлипов, и кажется, что пол рушится прямо под моими ногами. Что стало с ним? С нами? Со мной? И самое главное: что мне делать дальше?

Заходя в офис мужа, я чувствую себя немного потерянной. Это место кардинально изменилось с тех пор, как я была здесь в последний раз. Оглядываясь по сторонам, я поражаюсь, насколько этот офис преобразился, выглядит роскошно и современно. В глаза бросается новая мебель, профессиональное освещение и дорогие картины на стенах. Мне нравится окружающая обстановка, но мысль о том, что мой муж проводит больше времени здесь, чем дома, заставляет меня сжимать кулаки.

Проходя мимо удивленных коллег Андрея, которые на мгновение притихли и смотрят

на меня, я подхожу к двери его кабинета, намереваясь войти без стука. Однако, на моем пути встает молодая секретарша с самой фальшивой улыбкой на лице.

— Извините, но вы не можете просто так войти, — говорит она, преграждая мне дорогу.

Я чувствую, как воздух густеет от напряжения, моя кожа горит от множества взглядов, прикованных ко мне. Все это кажется абсурдным и унижительным, но я не собираюсь отступать.

— Я его жена, и мне не нужно разрешение, чтобы пройти к своему мужу, — с достоинством произношу я и, не дожидаясь ее ответа, ловко огибаю ее. На мгновение мое сердце замирает, и я медленно открываю дверь. За столом сидит мой муж, а на краю стола, совсем близко, расположилась молодая девушка с длинными светлыми волосами, явно нагло заигрывая с ним. Она наклоняется, открывая ему вид на свое роскошное декольте, и страстно покусывает губу.

Гнев, смешанный с ревностью, раздувает огонь в моей душе, но я делаю все возможное, чтобы сохранить самообладание.

— Ты знаешь, как меня раздражают эти вечные отчеты.

— Не переживай, я помогу тебе, — она игриво хихикает, и мне кажется, будто все мои внутренности скручиваются в узел. Я хочу уйти, сбежать, но стою, будто прикованная к полу.

— Ну, если ты так настаиваешь... — он смеется, не отводя взгляда от блондинки.

Глубоко в душе я знала это. Я знала, что меня ждет за этой дверью, еще до того, как открыла ее. И теперь... Теперь я должна покончить с этой отвратительной частью своей жизни. — Привет, дорогой, — на удивление холодно произношу я, подавляя эмоции.

— Что ты здесь делаешь, Анна? — как и ожидалось, даже сейчас, когда я застала его за изменой, голос Андрея резок и холоден. На его лице не осталось даже тени улыбки и того тепла, которым он секунду назад одаривал свою гостью. — Я пришла поговорить, — отвечаю, пытаясь собраться с мыслями. — Но, похоже, выбрала не самое подходящее время, правда?

Андрей хмурит брови и встает из-за стола. Спасибо хоть не в расстегнутых штанах. У меня нет иллюзий по поводу того, чем они тут занимались, но я не испытываю ни малейшего желания смотреть на его расстегнутую ширинку.

Слез нет, желания плакать тоже. Все, что я чувствую — это пустота и... Омерзение. Он мне омерзителен.

— Не сейчас, — холодно отвечает он, — Я занят, и тебе следовало предупредить о своем приходе.

Я со злой улыбкой смотрю на девушку, которая нервно стоит в стороне, пытаясь провалиться сквозь землю, и возвращаюсь к мужу.

— Разве жена должна предупреждать о своем приходе собственного мужа? — я до последнего боялась, что мой голос подведет меня, дрогнет, но он впервые звучит так ровно. Пожалуй я даже немного горжусь собой.

Громов сжимает губы, и его глаза вспыхивают раздражением.

— Лиза, выйди, пожалуйста.

Блондинка робко кивает, и выходит из кабинета под бодрый перестук каблуков по ровному паркету. Андрей закрывает за ней дверь, и смотрит на меня.

— Кто это? — безразлично спрашиваю я.

— Моя помощница.

— И как она справляется? — не могу сдержать злой насмешки.

Он смотрит на меня, словно я полная идиотка и несу несусветную чушь. А я... Перевожу взгляд на место, где только что сидела Лиза, и в каком-то смысле даже чувствую облегчение от того, что он такая скотина.

— Не волнуйся. Мне все равно, как давно ты мне с ней изменяешь. Мне не нужны твои деньги. И, даже если бы я решила их у тебя отобрать, уверена, твои адвокаты сожрали бы меня с потрохами. Все, чего я хочу — тихо и максимально быстро разойтись. Надеюсь ты найдешь время, чтобы подписать документы о разводе.

Я сбегая из его кабинета прежде, чем он успеваает что-либо ответить, и прячусь в женском туалете, давая себе время успокоиться и привести себя в порядок. Не хочу ничего слышать. Только не от него.

Подонки, какой же он подонки.

Я потратила на него столько времени. Подумать только, я даже винила себя в том, что он охладел ко мне! Какая же я дура! Идиотка!

Оперевшись об раковину, я смотрю на свое отражение. Из него на меня смотрит взвинченная, растрепанная девушка. Да, может не топ-модель, но и ничуть не уступающая всяким развратным помощницам.

Умывшись холодной водой, я вытираю лицо и пытаюсь успокоиться, остыть. Не хочу, чтобы кто-нибудь видел меня в таком виде.

Закрывая за собой дверь кабинки, я тяжело дышу, и вдруг слышу голоса сотрудниц, которые, видимо, не заметили как я вошла. Мое сердце начинает биться быстрее, и я невольно прислушиваюсь к их разговору.

— Ну и драма была сегодня, правда? — начинает одна из них, и я понимаю, что мой скандал с мужем был слышен за пределами кабинета.

— Да, конечно! Это так жалко! Заявилась в кабинет, а там его любовница! — отвечает другая.

— Ага, — соглашается другая, — Вот уж неудачница, ее муж уже давно развлекается на стороне, а она понятия не имеет. Неужели настолько наивна?

Я снова до боли сжимаю кулаки. Мне кажется, что меня вот-вот стошнит.

— Слышала, он поедет в командировку с новенькой?

— Это и не удивительно. Об этих двоих уже давно поговаривают. Как думаешь, сколько поз они уже перепробовали?

— Одно я знаю точно: у них еще не было секса в самолете, но все еще впереди.

— Ну что ж, будем наблюдать за развитием событий, — незнакомки смеются, а потом уходят, оставляя меня в полном одиночестве.

В этот момент, положив руку на живот, я задумалась о нашей жизни, и поняла, что в ней никогда не было ничего идеального. Все произошло не сегодня и не вчера. Наш брак уже давно разрушен. Пора положить этому конец.

Наше время

За окном солнечный апрельский день. Оно открыто, наполняя офис свежим весенним воздухом, но я не в состоянии насладиться им. Я сижу за рабочим столом, пытаюсь сосредоточиться на текущих проектах: разработке рекламных кампаний для нескольких известных брендов. Впрочем, мне сложно сконцентрироваться на работе. От одной мысли о предстоящем разговоре с бывшим мужем меня подташнивает от отвращения и обиды.

Ну почему? Почему мама связалась именно с ним? Неужели она не понимала как это унижительно для меня после всего, через что он заставил меня пройти?

Честное слово, я бы охотнее пообщалась с коллекторами или самим Сатаной, чем с Андреем, но теперь... Теперь у меня нет выбора.

Лена, моя коллега и близкая подруга, замечает мое напряжение и подходит ко мне с чашкой кофе. Она ставит его на стол передо мной, присаживаясь рядом.

— Аня, ты в порядке? — осторожно спрашивает она, — Ты какая-то замкнутая сегодня. Я пытаюсь улыбнуться, но получается неискренне. Фальшиво и натянуто. Совсем как тогда.

— Да, все в порядке, просто... У мамы неприятности, — тяжело вздыхаю я.

Лена, пожалуй, единственный человек, с которым я могу поговорить об этом.

Она складывает руки на столе, выражая свою поддержку и готовность выслушать, и я сдаюсь.

— Мама заняла деньги у Андрея, и теперь мне нужно с ним связаться, чтобы вернуть ему долг. Но после всего, что он сделал, я не хочу его видеть, — вздохнув, я устало провожу рукой по волосам, и ненадолго прикрываю глаза, — Я так надеялась, что больше никогда не увижу его. Что все закончилось тогда, много лет назад, в его проклятом офисе...

Лена поджимает губы и крепко сжимает мою руку в знаке поддержки.

— Ох, дорогая... Не могу поверить в то, что твоя мама сделала это.

Я киваю, принимая ее сочувствие.

— Я не знаю, как мне быть, — признаюсь я. — Я могла бы... — я сглатываю, — Я могла бы нанять кого-то вроде адвоката, чтобы разрешить все без лишних встреч, но не хочу, чтобы он думал, будто все еще что-то значит для меня, понимаешь?

Дверь в офис с грохотом распахивается, и входит наш начальник, Сергей. Его мрачный взгляд устремлен на меня, и он кивает мне, чтобы я последовала за ним в кабинет.

Мое сердце сжимается от тревожного предчувствия, но я встаю, чтобы последовать за ним. В это время в моей голове проносится множество мыслей: что же я могла сделать не так? Неужели кто-то из заказчиков остался недоволен? Пока мы идем, коллеги внимательно следят за нами, и мне становится не по себе.

Когда мы, наконец, скрываемся за дверью его кабинета, начальник опускается в высокое кожаное кресло и складывает руки на груди.

— Аня, у нас есть новый проект, и я хочу, чтобы ты взялась за него. Это очень важный клиент, и работа должна быть выполнена идеально. У нас много работы впереди, и я знаю, что ты справишься.

Я слушаю его, и чувствую, как мое сердце ускоряется. Конечно я рада, что мне доверяют

серьезные проекты, но у меня такое чувство, будто мои проблемы только накапливаются.

— Сергей Викторович, я понимаю, что проект важен, но мой отпуск должен начаться через неделю. Я давно его планировала и очень нуждаюсь в перерыве, — говорю я с надеждой на понимание, но на лице начальника нет и следа того, что я надеялась увидеть.

— Аня, отпуск может подождать. Мы не можем потерять этого клиента. Тебе придется отложить свои планы и сосредоточиться на работе, — решительно заявляет он, и я понимаю, что уговаривать его бесполезно. Даже если я закачу истерику, я ничего не добьюсь. Разве что нарвусь на его недовольство. И все же мне сложно скрыть свое раздражение.

— Но я действительно нуждаюсь в перерыве, — как можно спокойнее произношу я, — К тому же мы это давно оговаривали. Неужели вы не можете поручить этот проект кому-нибудь другому?

— Ты знаешь, что не могу. У других нет твоего опыта. Ты можешь взять дополнительную неделю отдыха к своему отпуску, когда мы закончим работу, но на этом все, — он бросает на меня строгий взгляд из-под густых бровей, давая понять, что дискуссии больше не будет, и мне остается только смириться. В конце концов, дополнительная неделя отпуска — лучше, чем его полное отсутствие.

Покинув кабинет, я возвращаюсь к своему рабочему месту и устало смотрю на Лену, которая замечает мое состояние и подходит ко мне.

— Что случилось? Ругался, да? — в ответ я качаю головой, и подруга удивленно поднимает брови, — А что такое?

— Мой отпуск откладывается. У нас появился важный проект, и Сергей Викторович хочет, чтобы я взялась за него.

Лена сочувственно вздыхает и качает головой.

— Боже, неужели он не может доверить этот проект кому-нибудь другому? Ты же давно предупредила его о том, что планируешь взять отпуск. Невероятно!

— Видимо нет... — тихо отвечаю я, включая рабочий ноутбук.

На самом деле это случалось не впервые. Мой отпуск и раньше откладывался по самым разным причинам, и иногда мне казалось, что я вообще никогда не смогу отдохнуть. И все же эта работа приносила неплохой доход, поэтому я держалась за свое место.

— Послушай, я знаю, что сейчас тяжело, но ты сильная и талантливая. Ты справишься с этим, и потом сможешь отдохнуть, как заслуживаешь. Может быть, так даже лучше, потому что ты сможешь полностью расслабиться, зная, что справилась с вызовом. Да и, кто знает, если этот проект действительно так важен, может тебе выпишут премию за успешное выполнение? — говорит она, пытаясь поднять мне настроение.

Я благодарю Лену за поддержку и решаю сосредоточиться.

В какой-то момент, сидя за рабочим столом, я внезапно осознаю, что осталась в офисе совершенно одна. День был насыщен делами и переживаниями, к тому же я так увлеклась работой, что не заметила, как пролетело время.

Мне неприятно это осознавать, но больше оттягивать нельзя — пора решить появившуюся проблему.

Вспомнив, что у меня нет номера бывшего мужа, я обращаюсь к своему смартфону, и нахожу контакты одного из его помощников, который привозил мне документы на развод. С каждым нажатием на экран чувствую, как мои пальцы дрожат, а к горлу подступает паника. Я набираю номер и из динамика раздаются гудки.

Помощник, по имени Дмитрий, сначала очень удивлен и растерян, но после того, как я

объясняю ему ситуацию, он говорит, что передаст мою просьбу бывшему мужу.

После короткого разговора, я устало откидываюсь на спинку рабочего кресла, и последние события наваливаются на мои плечи тяжким грузом. А ведь это был всего лишь разговор с его помощником.

Проклятие. Я всего лишь хотела быть сильной. После всех унижений, через которые мне пришлось пройти, надеюсь, что между нами все наладится, как последняя дура, я всего лишь хотела остаться сильной в своих глазах. Хотела, чтобы он знал, что мне все равно, что я забыла про него точно так же, как и он про меня. Но теперь, когда наш разговор стал неминуемым, я не уверена, что смогу сохранить самообладание рядом с ним, и это убивает меня.

Забыв о документах, разбросанных по столу, я закрываю глаза, пытаюсь успокоиться. Молюсь, чтобы этот разговор был последним, и закончился как можно быстрее.

Я возвращаюсь домой глубокой ночью. Как же все-таки быстро летит время. Шелест листвы заставляет меня замереть и резко обернуться. Растерянная, я вглядываюсь в темноту, но могу разглядеть лишь очертания деревьев. Когда с той стороны снова слышится шелест, это заставляет меня поежиться, разыгрывая мое и без того бурное воображение.

— Дыши глубже, — мысленно приказываю я себе.

На ходу достаю телефон, пытаюсь привести его в чувства.

Дьявол! Экран остается черным и пустым. Ускоряю шаг, чтобы как можно быстрее добраться домой. Сегодня снова пришлось задержаться на работе. После того, как на меня свалилась гора папок, весом в тонну, сил просто не осталось. Внутри медленно разгорается раздражение на начальника из-за отложившегося отпуска.

Неожиданно из темноты появляется мужчина. Он быстро приближается ко мне. Мое сердце ускоряется, и я не могу избавиться от нарастающей тревоги. Чувствуя липкий взгляд на своей коже, я отступаю назад.

Все мои чувства кричат, что он опасен, и помощи ждать неоткуда.

— Привет, красотка, — говорит мужчина, останавливаясь передо мной. — Разве ты не знаешь, что девушкам опасно гулять самим в такое время? Можно наткнуться на негодяя...

Я замираю, чувствуя как каждая клеточка в моем теле напрягается.

— Чего вы хотите? — спрашиваю я, стараясь сохранять спокойствие, но мой голос предательски дрожит.

— Ну, не нужно так волноваться! Твоя сумочка, наверное, очень тяжелая. Давай я тебе помогу...

Ага, знаю я таких помощников. На доске с объявлениями с надписью разыскивается висят.

Уровень адреналина в крови резко подскочил. Беги! Разворачивайся и беги! Но как только я делаю шаг назад, цепкие руки мужчины до боли впиваются в мою руку.

Беспомощность и страх заставляют меня злиться, вспоминая времена, когда я только молча плакала, не в состоянии постоять за себя.

— Я отдам вам все, что нужно. Только отпустите меня, — молю его, пытаюсь подавить панику, и уже готовлюсь распрощаться с сумочкой и ее содержимым, как вдруг из-за деревьев появляется другой мужчина с огромной собакой на поводке. Вскоре они приближаются к нам, и его собака начинает громко лаять.

— Все в порядке? — хмуро спрашивает он.

— Я... — Секундная задержка нападающего дает мне возможность высвободиться из цепких рук, и спрятаться за спиной незнакомца, — Просто хотел помочь.

— Думаю, что теперь я справлюсь сам, — голос мужчины ровный, но в нем чувствуется угроза.

— Да, конечно, — быстро отвечает несостоявшийся вор, тут же меняя свой тон и начинает отступать.

Мужчина с собакой недобро смотрит на уходящего незнакомца, пока тот не исчезает в темноте, а затем переключает внимание на меня.

— Вы целы? — его мягкий, приятный тембр внушает доверие и спокойствие, и я чувствую, что снова могу дышать.

— Да, спасибо. Вы как раз вовремя, — с улыбкой отвечаю я, потирая ноющую руку. Ни капли не сомневаюсь в том, что у меня останется синяк, но я по крайней мере избежала ограбления, а может и чего похуже...

— Будьте осторожнее, когда гуляете в такое время, — говорит он, но из его уст это звучит действительно искренне.

Незнакомец предлагает проводить меня до дома, чтобы убедиться, что нападение не повторит, и я охотно соглашаюсь.

— Как вас зовут? — спрашиваю я, идя рядом с ним. Теперь, когда его собака, успокоилась, она радостно машет хвостом, и я даже рискую ее погладить, проводя рукой по темной мягкой шерсти.

— Алексей, — отвечает он, улыбаясь. — А ваше имя?

— Анна, — говорю я, чувствуя, как побледневшая от страха кожа на лице медленно возвращается в норму, и начинаю рассматривать незнакомца. Высокий и светловолосый, с крепкими, широкими плечами, и мышцами, которые не смогла скрыть даже наброшенная поверх белой футболки кожаная куртка, он наверняка немало времени проводил в спортзале. А еще почти наверняка пользовался интересом у девушек. Даже без оглядки на крепкое, тренированное тело, его лицо приковывало внимание.

Пока мы идем через парк, Алексей рассказывает мне о себе. Я узнаю, что он работает ветеринаром и часто гуляет с собакой вечером, и замечаю, как его голубые глаза сверкают в лунном свете. Его улыбка кажется искренней и доброй.

Когда мы приходим к моему дому, я благодарю Алексея за то, что он проводил меня. Он улыбается и говорит, что рад был помочь.

— Если вам будет нужна помощь или компания для прогулок, — говорит Алексей, протягивая мне свой телефонный номер, — не стесняйтесь звонить.

Прежде чем мы прощаемся, я улыбаюсь и благодарю его еще раз.

Квартира встречает меня тишиной. Желая смыть с себя остатки ужасного дня, я тихо прохожу в ванную комнату, чтобы никого не разбудить. В коридоре наступаю на детскую резиновую игрушку, и ее писк разрезает тишину. Я вздрагиваю, но, к счастью, это не будит домашних.

Подняв игрушку, я перекладываю ее на полку, к другим, и скрываясь за дверью. Там я включаю душ и позволяю горячей воде скатиться по моим плечам, расслабляя каждую клеточку моего тела. Мысли о произошедшем не выходят у меня из головы, но теплый душ, как всегда, успокаивает меня, помогая расслабиться.

После душа я надеваю мягкий халат и прохожу на кухню. Вскипятив воду в чайнике, я завариваю чашку успокаивающего чая, дышу ароматом лаванды и мяты, пытаюсь

расслабиться и отвлечься от произошедшего, как вдруг телефон на столе начинает вибрировать.

Я беру его в руки и читаю сообщение, ощущая, как леденящий холод расплзается по моему телу:

Завтра жду тебя в по этому адресу. У тебя всего один день.

Громов.

Шумно вздохнув, я едва удерживаюсь от желания швырнуть телефон в стену. Медленно приходя в себя, я буквально падаю в стоящее рядом кресло. От слабости едва могу шевельнуть пальцами на руке, не то, что подняться.

Неужели он все еще так влияет на меня?

Я чувствую, как мои ладони становятся влажными от нервов, а по телу проносится волна мелкой дрожи.

Только не сейчас. Я готовила себя к телефонному разговору, но не к личной встрече.

Да и зачем это ему? Зачем лететь в другой конец страны, чтобы просто уладить несколько вопросов? Неужели хочет поиздеваться? Унизить лично?

Вздохнув, я закусываю губу и трясую головой.

Проклятие! Как же хочется послать его к черту! Пожелать всего наилучшего, снова удалить номер и навсегда забыть о существовании этого подонка. Но, пока ее мать должна ему столько денег, этому не бывать.

Глава 3

Аня

Когда я сажусь в такси и сообщаю водителю адрес, который мне прислал бывший муж, мое сердце колотится как сумасшедшее. У меня так дрожат руки, что я даже не могу вытащить нужные купюры из сумочки. От тревоги мне не хватает воздуха, и даже открытое окно ни капли не спасает ситуацию.

Этот и без того ужасный день рискует превратиться в настоящую катастрофу. Почему он предложил встретиться именно в отеле? Что он задумал?

Зажмурившись от внезапной пульсирующей головной боли, я начинаю медленно растирать виски.

Прибыв в отель, я прохожу через роскошный холл и подхожу к девушке на ресепшн. Сообщив свои данные и номер комнаты, я получаю ключ, и инструкцию, как добраться до назначенного места.

Поднимаясь на лифте, я чувствую, что почти не дышу от подступающей паники.

Почему я вообще здесь? Поверить не могу, что действительно согласилась на эту проклятую встречу.

Я останавливаюсь посреди коридора и нервно оглядываюсь по сторонам. Еще не поздно сбежать, но я не могу. Я должна с ним поговорить. Ради мамы. Без меня она никогда не вернет ему этот долг.

Дойдя до номера, я ненадолго останавливаюсь, мысленно считая до десяти, и стучу в дверь.

Вот бы он не ответил! Вот бы этот подоконник по какой-то причине не смог прийти... Да хотя бы из-за очередной помощницы! Но, вопреки надеждам, я слышу холодный, до боли знакомый голос, и они превращаются в пыль.

— Входи.

Я поворачиваю ручку и толкаю тяжелую дверь. Комната выглядит просторной и светлой, а на круглом столе стоят два бокала с красным вином. Мой взгляд быстро оценивает обстановку, и останавливается на бывшем муже.

К несчастью, Андрей выглядит как всегда великолепно, и держится соответствующе, чего нельзя сказать про меня. Он смотрит на меня, как хищник, нацелившийся на добычу.

— Ты что, ошибся номером, и случайно послал мне сообщение вместо своей любовницы? — с нервным смешком спрашиваю я, указывая на бокалы, и остаюсь стоять. Что бы он здесь ни устроил, у меня нет ни малейшего желания принимать в этом участие.

Он ничего не отвечает. Просто откидывается в кресле и в упор смотрит на меня.

Его спокойствие заставляет меня паниковать.

— Мама не должна была просить тебя о помощи.

— Меня поражает твоя наглость. Спустил семь лет врывается в мою жизнь, и критикуешь мою щедрость по отношению к твоим родственникам.

— Послушай я понятия не имела что мать взяла у тебя деньги в долг, я уже говорила. Я не понимаю на что ты рассчитывал? Думал она сможет его тебе вернуть?

— Что ты сейчас от меня хочешь? Я не заставлял ее делать это. Есть соглашение, условия сделки прописаны в договоре, — в его тоне слышится вызов, и я устало вздыхаю.

Знала же, что будет непросто.

— Громов при разводе я не взяла с тебя ни копейки...

— Решила наверстать упущенное? — он насмешливо выгибает бровь, и я едва сдерживаюсь, чтобы не зарычать.

— Мне не нужны твои деньги, — повторяю я, — И никогда не были, нужны. Я здесь только для того, чтобы сохранить дом матери. Измени условия сделки.

— Не думай, что можешь ко мне обращаться таким тоном.

— Верно, я сейчас не в том положении. И тебе прекрасно об этом известно. Готова поспорить ты этим наслаждаешься, — раздраженно выплевываю я.

— У меня нет желания слушать твои слезливые истории.

Мои глаза вспыхивают гневом, и я сжимаю кулаки, пытаюсь сдержаться.

Проклятье! Хотела же оставаться холодной, но с этим подонком просто невозможно сдерживать эмоции.

— Слезливые истории? Ты думаешь, я буду умолять тебя о помощи? — с ненавистью выплевываю я, — Да я лучше в быстрозайме долгов нахватуюсь, и буду собственноручно отбиваться от громил, чем приму от тебя хотя бы копейку! Забудь, я разберусь со всем сама. Только держись от меня и моей матери подальше.

Какое-то время Андрей прожигает меня раздраженным взглядом, и я даже на расстоянии слышу его шумное медленное дыхание, а затем он одним махом осушает свой бокал, и выплевывает:

— Ты просто неблагодарная глупая женщина, знаешь об этом?

— Теперь знаю. Уверена твоя новая пассия подходит тебе куда больше, — отвечаю я, стараясь придать своему голосу язвительный тон.

Он встает, его кресло откатывается назад, и я неосознанно начинаю отступать к двери. Вжавшись в нее спиной, я испуганно вздрагиваю и закрываю глаза. Андрей оказывается слишком близко. Настолько, что за запахом дорогого вина я почувствовала совсем другой: его собственный. Тот, что я почти забыла. Слегка мускусный и пряный, с нотками хвои и сандалового дерева.

— Что такое? Боишься? — шепчет он мне на ухо, опалая кожу горячим дыханием, — А идти ко мне страшно не было?

— Пусти, я уйду! Я не собираюсь играть с тобой!

Я попыталась оттолкнуть его, но он не сдвинулся с места.

— О, ты уже давно это делаешь... Ты любишь заставлять людей полагаться на тебя, лишь для того чтобы в итоге причинить им страдания, верно?

Вздвогнув, я больно ударяюсь спиной о дверную ручку, и растерянно поднимаю на него глаза.

— О чем ты говоришь? — мой голос дрожит от страха. Я никогда не видела его таким, и не знаю чего от него ожидать, но определенно не жду ничего хорошего.

Он поднимает руку и осторожно убирает прядь волос с моего лица. Я испуганно закрываю глаза, и почти не дышу, когда его пальцы скользят вниз к моему горлу.

— Отпусти меня, — шепчу на грани отчаяния.

— Отпустить? Тебе не нравится?

— Ты сумасшедший...

— Может быть, но это ты сделала меня таким. Чего тебе не хватало? Сколько он заплатил тебе? Уверен что дал бы больше, если бы ты только попросила...

— О чем ты? Что ты несешь?

На мои глаза наворачиваются слезы, и на его лице появляется разочарованная улыбка.

— Какая же ты лживая...

— Лживая? — повторяю я, не веря своим ушам, — Ты не имеешь ни малейшего права обвинять меня в лживости!

Я пытаюсь вырваться из его хватки, но он крепко держит меня за запястье.

— Непорядочная маленькая лгунья, — шепчет и его горячее дыхание вновь касается моей кожи. — Ты так восхитительна, когда сердисься...

— Хватит! — кричу я, уже не сдерживая слез, — Пусти! Я ненавижу тебя! Ты растоптал меня! Уничтожил мою гордость, мою любовь, а сейчас смеешь в чем-то обвинять?! Пошел к черту! Я справлюсь без тебя! Ты мне не нужен!

Я с трудом вырываюсь из его хватки и выбегаю за дверь. Слезы застилают мои глаза. Я бегу в сторону лифта, не оборачиваясь, и будто сквозь толщу воды слышу, как Андрей что-то произносит, но это уже неважно.

В какой-то момент я оступаюсь, и чувствую, как моя левая нога горит от боли, но не останавливаюсь. Я не могу остановиться. Выбежав из отеля и пробежав два квартала, я без сил опускаюсь на скамейку и обнимаю себя за дрожащие плечи. Я пытаюсь взять себя в руки, но ничего не получается.

Я все еще чувствую запах этого мерзавца, его дыхание на моей коже.

В мою жизнь он принес только боль. Столько боли, что трудно дышать, но с меня хватит. Я не позволю ему снова превратить мою жизнь в ад.

Аня

Я вхожу в дом, и будто снова погружаюсь в прошлое: в воздухе витает запах старой мебели, лаванды и домашней выпечки. Запах, который всегда вызывал у меня чувство тепла и уюта, сейчас приобрел горький оттенок.

Мама, как всегда, сидит у стола, рассеянно перебирая в руках столовые приборы. Наверное, она просто пытается сосредоточиться на чем-то, что ей знакомо и понятно. У меня нет для нее хороших новостей. Не сегодня. Думаю она это чувствует. В глубине души она догадывается о том, что я собираюсь ей сказать.

— Мам... — начинаю я, и не могу закончить, чувствуя как в горле образуется комок. Она смотрит на меня с тревогой и грустью, — Я говорила с Андреем.

Она поджимает губы, понимая, что это значит.

— Мне так и не удалось договориться... Нам придется покинуть дом.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но не успевает. Внезапно в кухню врывается мой отчим, Григорий. Он был ужасным человеком. Грубый, вечно в плохом настроении, обвиняющий всех вокруг в своих неудачах. Именно он втянул мою мать в этот долговой водоворот, которому не было конца.

— А, так это ты, Анна! — с недовольством выплевывает он, словно я — злой дух, пришедший сеять раздор. — Что ты здесь делаешь?

Я смотрю на него, до боли сжимая кулаки, и глубоко дышу, из последних сил сдерживая свой гнев.

— Я рассказываю маме о проблемах, которые ты создал, — отвечаю, не позволяя ему взять верх.

Григорий хмурится, его лицо покрывается красными пятнами.

В этом противостоянии я чувствую себя на удивление уверенно. Были времена когда я боялась его, и была не в силах дать отпор, но сейчас, стоя перед ним и встречая его взгляд, я понимаю, что больше не боюсь. Вместо этого я вижу его таким, каким он есть на самом деле: жалким, трусливым и закомплексованным мужчиной, который в состоянии нападать только на тех, кто слабее него.

— Я?! Это ты виновата в том, что мы теряем дом!

— Я? — переспрашиваю я, закипая от гнева. — Ты ничего не перепутал?! Может это я влезла в долги, и повесила их на мать?! Может это я сижу без работы, продолжая разбрасываться деньгами, которые не заработала, вынуждая мою мать брать новые долги, чтобы расплатиться со старыми?! Ты просто жалок!

Отчим молчит, сжимая кулаки. Я вижу, как на его лице играют желваки, а его глаза наливаются кровью, совсем как в детстве, когда он меня бил. Но я больше не ребенок, и не позволю какому-то жалкому мерзкому ублюдку так с собой обращаться.

— Это все из-за тебя. Из-за твоих долгов и твоего эгоизма. Из-за того, что ты никогда не думал о ней, только о себе.

Он пытается что-то возразить, но я уже закончила. Я смотрю на него так, как он того и заслуживает — как на пустое место, и он сжимается, отступает.

— Ты забыла свое место, — в его голосе больше нет той уверенности, которую я привыкла слышать. Он уходит, бросая нас наедине с проблемами, которые сам же и создал, как всегда.

— Мама, ты не можешь оставаться с ним, — начинаю я, оборачиваясь к ней. — Так не может дальше продолжаться. Он утянет тебя на дно. Ты знаешь, выплатой этого долга все не закончится. Он снова займет деньги, если еще не занял. Рано или поздно он столкнется с опасными людьми, и ты можешь пострадать.

— Он же мой муж... — тихо произносит она, и я понимаю, что она боится. Боится перемен. Боится потерять то, что у неё есть. Боится остаться одна. Совсем как я когда-то. Но она уже одна. Он никогда не был с ней по-настоящему.

— Мам, он не любит тебя. Он не заботится о тебе, — говорю я, подходя к ней и беря её за руки. — Твоя жизнь не изменится, если ты не решишься на этот шаг. Это не жизнь.

Мама вздыхает, глядя на наши переплетенные пальцы со смесью вины и грусти. Она не отвечает, и в кухне повисает гнетущая тишина.

— Мам, я знаю, это трудно, — продолжаю я. — Но ты должна думать о себе. Ты заслуживаешь лучшего. Ты заслуживаешь любви и заботы, а не бесконечных проблем и отношения, как к бесплатной домработнице.

— Я хочу прилечь, — тихо вздыхает она, — Прости эти головные боли...

Ясно, снова одно и то же. Мне ничего не остается кроме как отступить. Я молча киваю, понимая, что на сегодня битва проиграна.

— Прости, но это в последний раз когда я пытаюсь решить проблемы твоего мужа.

Я выхожу из дома, оставляя за спиной маму, дом своего детства, которого я больше никогда не увижу, и мерзавца, которого вынуждена звать отчимом. Нельзя помочь тому, кто не пытается спасти сам себя.

Андрей

После нашей встречи я чувствую, как изнутри поднимается неконтролируемый гнев, словно мощное цунами. Закрывая глаза, я снова вижу перед собой лицо Ани. Я был так зол, что едва не оставил следы на ее шее. Когда воспоминания вновь накрывают меня, мое дыхание становится неровным.

"Лживая? Ты не имеешь ни малейшего права обвинять меня в лживости!"

Я сижу, вновь и вновь прокручивая ее слова в своей голове. Они преследуют меня, словно эхо в тоннеле. Лгунья... Она всегда была хорошей актрисой. Она умела играть на чувствах, знала, как ранить меня глубже всего, и сделала это.

Раздражающе звонит мобильник. Посмотрев на экран, я вижу имя, которое вызывает у меня только отвращение. Отвечая на звонок, я чувствовал, как оно выбирается наружу, накрывая меня с головой.

— Андрей?

— Если ты хочешь занять у меня еще денег, даже не думай. Ты уже должен достаточно. И даже не вздумай снова подсылать ко мне свою женушку. Второй раз со мной этот номер не пройдет.

— Я думаю, у нас есть дело, о котором стоит поговорить, — самодовольно произносит он, даже через телефон я чувствую его мерзкую улыбку, — Думаю тебе это будет интересно.

— Не трать мое время, — раздраженно бросаю я. Общение с этим человеком не вызывает у меня ничего кроме брезгливости.

— У меня есть информация, за которую ты готов списать долг...

— Ты думаешь, я поверю в это? — даже слушать ничего не желаю. Я просто хочу поскорее отвязаться от этого ничтожества.

— Это касается тебя, Андрей, и твоей бывшей жены. Ее обман. Ну, и кое-что, что она скрыла от тебя при разводе... — хмыкнул он, — Но без договора я тебе ничего не скажу...

Я назначаю встречу в ресторане одного из отелей города, выбрав место, откуда могу с легкостью уйти, если это всё окажется пустой трепней.

Мой взгляд проникает в полумрак ресторана, и я нахожу Григория за столом у окна. Отвращение вспыхивает с новой силой, но все же я прохожу через зал, занимая свободное место напротив него.

Отчим моей бывшей жены выглядит усталым и нервным. Он внимательно следит за мной, съездившись от моего взгляда, словно пытаясь спрятаться за своим стаканом.

— Не буду тянуть время, Андрей, — говорит он, доставая из кармана своего пиджака конверт.

Я открываю его, вынимая содержимое, и моё сердце пропускает удар. На фотографии изображена маленькая девочка, которая смотрит в камеру большими голубыми глазами. Ее волосы светлые, как у Анны, и упрямо вьются вокруг маленьких ушек. На лице играет улыбка — искренняя и беззаботная. С озорной искрой в глазах, она держит в руках плюшевого зайца, судя по потасканному виду, ее любимого.

— Она была беременна, — наконец говорит он.

— Что ты сказал? — еле слышно шепчу я, ощущая, как пол уходит у меня из-под ног.

— Она была беременна, когда вы развелись. Она родила ребенка. Твоего ребенка, — сухо повторяет он, — Можешь потребовать у нее ДНК-тест, если не веришь. Я поднимаю голову и смотрю на него, на его самодовольную улыбку, и едва сдерживаюсь, чтобы не ударить его.

Сукин сын, все это время знал, что мой ребенок растет без отца.

— Надеюсь увидеть документ о списании долга как можно быстрее, хмыкает он, а потом просто поднимается и уходит.

Сжимая в пальцах детскую фотографию, я смотрю ему вслед, пока его фигура не скрывается за дверью ресторана.

Проклятье! Я смирился с ее предательством, с тем, что она ушла, но это...

Какого черта, Аня?!

Аня

Я вхожу в офис, в спешке направляясь к своему рабочему месту. Сегодняшний день был отмечен в календаре красным маркером из-за важной презентации, от которой зависело слишком многое. Опоздание просто недопустимо.

В руках держу кружку с ароматным кофе, который должен помочь мне проснуться и сосредоточиться. Это единственная минутка спокойствия, которую я могу себе позволить. Но и ей вскоре приходит конец.

В коридоре на меня налетает незнакомый мужчина. Я замечаю его недостаточно быстро, чтобы увернуться или затормозить, и, будто в замедленной съемке, вижу, как моя кружка с кофе взлетает в воздух, и напиток проливается на блузку, оставляя на светлой ткани темные пятна. Я разочарованно вздыхаю. Повезло так повезло...

— О, боже, мне так жаль! Я оплачу химчистку — проговорил незнакомец. Он выглядит таким же удивленным, как и я. Выдавив неловкую улыбку, он протягивает мне сухую бумажную салфетку, пытаюсь исправить ситуацию, и я с благодарностью принимаю ее.

Легкое раздражение сменяется досадой. В конце концов, это была просто случайность.

— Ничего страшного, — отвечаю я, пытаюсь скрыть своё разочарование за дружелюбной улыбкой.

Я вздыхаю, мысленно говоря себе, что это всего лишь кофе. В моей жизни случались вещи и похуже. Такой мелочи меня не сломить.

Я киваю ему и прохожу дальше, надеясь как можно быстрее добраться до своего рабочего места.

— Что с твоей блузкой? — спрашивает Лена, удивленно глядя на меня. — Ничего. Просто столкнулась с каким-то парнем в коридоре.

— Ты в порядке? — Да, конечно, это просто кофе.

— Я могу дать тебе свою запасную блузку. Я всегда держу одну в машине на всякий случай. Она тебе подойдет, — предлагает она, и я соглашаюсь.

— Спасибо, Лена. Мне и правда не помешает переодеться. Если бос увидит меня в таком виде, он будет недоволен. Лена кивает, и мы спешим к ее машине, расположенной на подземной парковке офисного здания. Она открывает багажник и вынимает из него свернутую в аккуратный рулон блузку, и протягивает ее мне. Я с благодарностью беру сверток в руки.

— Спасибо! Я пойду переоденусь!

Поблагодарив подругу, я спешу в туалет, чтобы сменить одежду, и в течение нескольких минут возвращаюсь уже в новой, белой блузке Лены.

— Так гораздо лучше, — с улыбкой подмигивает она, и я продолжаю готовиться к важной встрече.

После презентации, моя голова раскалывается от усталости и обилия информации. Все звуки доходят до меня будто сквозь толщу воды. Прежде чем я успеваю прийти в себя, замечаю, что начальник направляется ко мне.

— Отличная работа, Аня, — с улыбкой хвалит он, радуясь моему успеху. и приправляет это одобрительным кивком. — Это было нелегко, но ты справилась.

— Спасибо, Сергей, — отвечаю я, выдавливая натянутую улыбку. Все, чего я хочу, это прийти домой и рухнуть в кровать, но дома меня ждет ребенок, которому нужна забота и внимание.

Начальник еще несколько минут что-то говорит, но я почти не слышу его, просто кивая, не в состоянии воспринимать информацию.

Проклятье, да замолчит он когда-то или нет? Не видит что ли в каком я состоянии?

Новость о долгах матери, о продаже дома, встреча с бывшим мужем, отложенный отпуск и попытка ограбления... Эта неделя точно проклята.

Единственное, что помогает мне держаться, — это дочь, Алиса. Благодаря ей я изменилась, стала сильнее ради нее. Ради нас обеих.

С того самого дня, как я узнала, что беременна, я делала все, что в моих силах, чтобы она росла здоровым и счастливым ребенком. Пусть из-за работы я и не могла быть рядом с ней двадцать четыре на семь, я позаботилась о том, чтобы рядом с ней всегда был любящий и заботливый человек.

После развода я не стала возвращаться в дом родителей. В основном из-за отчима. Хотя нет. Именно он и был главной причиной.

Этот подонок превратил мое детство в настоящий ад, и я не могла позволить подобному ничтожеству находиться рядом с моим ребенком.

Вместо этого я обратилась к тете. Единственной родной сестре моего отца.

Узнав об измене Андрея, и о том, что я беременна, она приютила меня, не сомневаясь ни секунды. У тети никогда не было детей, но она всегда хотела быть мамой, так что заботилась об Алисе, как о родной. Покупала ей одежду, книги и игрушки. А благодаря тому, что она работала на дому, мне не пришлось искать Алисе няню.

К концу рабочего дня я чувствую себя как выжатый лимон, и уже еле переставляю ноги.

Готовая продать душу за минутку отдыха, я иду в комнату отдыха для сотрудников. В ней нет ничего особенного, только диван, стол, пара кресел, небольшой старенький холодильник и чайник с микроволновкой.

Закрыв за собой дверь, я опустилась на диван, и ненадолго прикрыла глаза.

Сидя вот так, я вдруг вспомнила о маме, и в голове мелькнула мысль, что я так и не договорилась с ней о грузчиках.

Наш дом... Я вздохнула, пытаясь подавить непрошенные слезы.

Он все еще помнит отца. Обои, которые они с мамой клеили вместе, дверца на кухне, которую он трижды чинил... И это только малая часть того, что связывает с ним этот дом.

Я достаю телефон из кармана, и звоню маме. Слышатся гудки, но она почти сразу отвечает.

— Привет, мам.

— Аня, дорогая! У нас отличные новости! — ее голос звучит по-настоящему радостно, и это настораживает. Я неосознанно напрягаюсь.

— Что случилось?

— Григорий смог все уладить! Представляешь? Нам больше не нужно продавать дом!

Этот человек решил проблему, вместо того, чтобы создавать новые? Я скорее поверю в то, что земля плоская.

Нет. Что-то здесь не чисто.

С тех пор, как он впервые переступил порог нашего дома, у него не было не только нормальных доходов, но и перспектив. Человек без особых умений, диплома или амбиций. Даже если бы он и устроился на работу, его зарплаты не хватило бы, чтобы покрыть даже половину долга.

— Как он это сделал, мам? — я тру виски, понимая, что мать не видит в этой ситуации ни капли подвоха. Она, как всегда, слепа во всем, что касается этого ублюдка. Черт знает почему. — Он просто нашел решение, дорогая! — легкомысленно отмахивается она, и добавляет: — И еще... Он сказал, что у нас появились деньги на отпуск! Мы собираемся в Турцию на следующей неделе!

А вот это уже интересно.

— Мам, ты уверена, что все в порядке? Ты знаешь, как Григорий любит влезать в авантюры...

— Да, дорогая, я знаю... Но в этот раз он клянется, что все в порядке. Просто порадуйся за нас, хорошо?

Я молчу.

Хотела бы я порадоваться за нее. Правда. Я желаю ей только лучшего, и была бы рада, будь это правдой. Но у меня не было ни грамма доверия к Григорию.

— Хорошо, мам, — устало вздыхаю я, — Наслаждайся отпуском. И будь осторожна, хорошо?

— Обещаю, Анечка. Мы тебя любим.

Когда она говорит “мы”, я едва сдерживаю презрительное фырканье. Не хочу ее обижать, но это моя естественная реакция на все хорошее, что она говорит про отчима.

Услышав гудки, я закрываю глаза, стараясь успокоиться, но это непросто.

Григорий, подонок, что же ты натворил на этот раз?..

Какое-то время я теряюсь в догадках, а затем резко вскакиваю со стула.

Нет, не может быть! Неужели они снова пошли к Андрею?

Вспоминая нашу последнюю встречу, я чувствую, как мои пальцы начинают мелко дрожать. Мое сердце бьется так громко, будто грозит проломить ребра, и я медленно сжимаю кулаки.

Андрей никогда не любил Григория. Он ни за что не пошел бы на это без веских причин.

Неужели... Нет. Не может быть! После развода я решила скрыть правду о своей беременности. Соврала матери об отце Алисы. Заставила всех поверить в то, что нагуляла ребенка, и Григорий никогда не упускал возможности ткнуть меня в это носом. Только тетя знала правду с самого начала.

Значит есть что-то другое. Но что?

Я чувствую, как меня накрывает новой волной головной боли. Сильнее прошлой, и с силой сжимаю виски.

Видимо снова давление меняется на погоду... Или же работа и события последних дней окончательно доконали меня.

Проклятье! Внезапно раздаётся стук в дверь, и в комнату отдыха, качая бедрами, входит Ирина, секретарша Сергея.

— Аня, Сергей просил передать, что на сегодня все. Ты можешь вернуться домой.

Я удивленно смотрю на нее.

До конца рабочего дня осталось еще несколько часов. И то, что мне позволили уйти пораньше, показалось мне подозрительным, но я не жаловалась. В таком состоянии ни о какой работе не могло быть и речи.

Собравшись и помахав на прощание подруге, я выхожу из здания офиса и наконец сажусь в такси, которое ждет меня у входа. После трудного рабочего дня заднее сидение автомобиля кажется мне королевским тронem. Мой адрес уже вбит в навигатор водителя, поездка оплачена через приложение, так что я просто откидываюсь на спинку сидения и закрываю глаза.

Дорога до дома проходит в тишине, которую разбавляет тихая музыка из радио.

В таком состоянии меня довольно быстро укачивает, так что я не слежу за дорогой, и открываю глаза лишь тогда, когда чувствую, что машина остановилась. Вот только дома тети рядом и близко нет. Вместо него я оказалась у печально знакомого отеля.

— Извините, но здесь какая-то ошибка! — растерянно говорю я, обращаясь к водителю.

— Вы — Анна? — спокойно спрашивает он, сверяясь с информацией из приложения. Я молча киваю, как болванчик, и мужчина улыбается, — Тогда никакой ошибки нет. Я привез вас в указанное место.

Какое-то мгновение я тупо открываю и закрываю рот, как рыба, выброшенная на берег, а затем меня накрывает волной возмущения.

— Но это не мой дом!

— Конечно это не ваш дом, — хмыкает водитель, — Это отель “Сердце города”. И, если честно, вы меня задерживаете. Между прочим я уже принял другой заказ. Меня люди ждут.

Подхватив сумку, я раздраженно выхожу из машины и нарочно громко хлопаю дверцей, зная, как водители этого не любят. А потом достаю телефон и сверяюсь с информацией в приложении.

Ну вот! Все правильно! Я указала свой адрес. Вернее адрес тети, но это не важно. Главное, что никакого “Сердца города” там и в помине нет.

Стоп... Что это?

Как это “водитель ожидает”?!

Глава 5

Аня

Ничего не понимая, я звоню водителю. И спустя несколько коротких гудков слышу недовольный мужской голос:

— Да?

— Простите... В приложении сказано, что машина все еще ожидает... — растерянно говорю я, и недовольство водителя вспыхивает с новой силой.

— Ах, значит это вы? Сколько еще я должен вас ждать? Имейте ввиду, что за превышение времени ожидания стоимость поездки будет только расти!

Я моргаю, пытаюсь понять, что происходит.

— Но меня уже забрала другая машина! Может в вашей службе что-то напутали и отправили ко мне две машины?

Мужчина шумно сопит, явно недовольный происходящим, но отвечает довольно сдержанно:

— Девушка, если вам уже не нужна машина, просто отмените заказ. Приложение спишет с вас деньги за неудобства. У меня нет времени.

— Хорошо, простите пожалуйста.

Из динамика доносятся гудки, и, зайдя в приложение, я отменяю заказ. Все происходящее кажется каким-то дурным сном.

Спрятав телефон в карман, я бросаю затравленный взгляд на здание отеля, и шумно сглатываю. После встречи с Андреем я даже смотреть на эти двери не хочу. Нужно убираться отсюда.

Я уже собираюсь пойти в сторону метро, как вдруг у меня звонит телефон, заставляя меня невольно сжаться от тревожного предчувствия.

“Дыши, Аня, это всего-лишь телефон”, — говорю я себе, нащупывая устройство дрожащей рукой. Однако все попытки вернуть себе самообладание рассыпаются в пыль, стоит увидеть ненавистный номер на экране.

Сжимая кулаки, я вспоминаю, как он прижал меня к двери, его руки и горячее дыхание на моей коже, и решительно отклоняю вызов.

Нет уж, что бы там ни было, я не собираюсь играть в его игры.

Убедив себя в этом, я снова прячу телефон, и, сжимая ручку сумки, начинаю быстро идти в сторону метро, ускоряясь с каждым шагом. Мое сердце тоже колотится, заходится в безумном ритме, выдавая раздражение и страх.

Нет, тебе больше не заманить меня в свои сети.

Однако он не собирается оставлять меня в покое. Мой телефон звонит снова и снова, и в конце концов я не выдерживаю, принимая вызов.

— Что бы ты ни хотел мне сказать, я не хочу этого слышать. Оставь меня в покое, слышишь?

Я хочу, чтобы мой голос звучал уверенно и холодно, но он все равно предательски дрожит. Я собираюсь сбросить вызов и заблокировать его номер, но, прежде чем успеваю это сделать, Андрей хмыкает:

— Снова убегаешь. Неужели так боишься меня?

Я знаю, что это неправильно. Что для него это очередная игра, манипуляция. Ни в коем случае нельзя поддаваться и реагировать. И все же я замираю на месте. Стою, сжимая кулаки.

— Я? Боюсь тебя? — с ненавистью выплевываю я, — Ты слишком много на себя берешь, Громов. Я не собираюсь тратить на тебя свое время.

И, прежде чем он успевает что-либо добавить, я сбрасываю вызов и шумно дышу, пытаюсь успокоиться.

Фух. Я снова это сделала. Сорвалась, хотя собиралась оставаться холодной. А все из-за него. Проклятье! И чего только привязался?

Отправляя номер бывшего в черный список, я надеюсь, что на этом все закончится, как вдруг мне снова кто-то звонит. В этот раз уже с другого номера.

Наверное у меня развилась паранойя, но я не собираюсь отвечать, отклоняя вызов и отключая звук на телефоне, и едва не подпрыгиваю, когда тот начинает вибрировать.

— Я уже сказала, оставь меня в покое! — рычу я в телефон, уверенная, что это Андрей звонит мне с другого номера, как вдруг слышу растерянный и слегка огорченный голос мамы.

— Милая, у тебя что-то произошло?

Растерянно моргнув, я ненадолго замираю и осторожно спрашиваю:

— Мам? Почему ты звонишь с этого номера?

— Ах, милая, это такая долгая история... Главное что мне нужна твоя помощь...

Я хмурюсь и устало растираю пульсирующие виски, чувствуя как моя головная боль усиливается.

— Григорий снова что-то натворил? Мам, я уже говорила, я не могу вечно вмешиваться в ваши разборки...

— Нет-нет! Что ты такое говоришь? С ним все замечательно, просто соседка, которая должна была приглядывать за Степой, вдруг уехала из города, ничего толком не объяснив... Ты же сможешь за ним присмотреть?

Степа был пушистым белым котом с гетерохромией, которого мама подобрала два года назад. Красавец с ужасным характером. У него постоянно менялось настроение: в один момент он ласково терся об ноги, а в следующий мог неожиданно укусить. И это я молчу про то, сколько раз это чудовище драло мамины любимые подушки и справляло нужду в цветочных горшках.

— Сомневаюсь, что тетя согласится впустить его в свою квартиру, — честно отвечаю я, — Ты же знаешь как она любит свои цветы... Но я могу приехать, чтобы накормить его и сменить ему лоток.

— Знаю, знаю, но, Анечка, как же он будет там один эти две недели? Он очень социальный! Ему нужна компания!

Тяжело вздохнув, я закатила глаза, уже предвкушая общение с этим социальным товарищем.

— Хорошо, мам, я присмотрю за ним, — наконец сдаюсь я, и, спустя несколько реплик, мы заканчиваем разговор, и я продолжаю идти дальше.

Больше ничего из ряда вон не происходит. До самого метро да и после мой телефон молчит, и от недавних событий остаются только воспоминания.

Не то, чтобы я совсем не думала о том, что произошло. Все таки такси и этот звонок от Андрея — все это было достаточно странно. Как будто он все это подстроил...

Нет, это невозможно. Подменить такси, и привести меня к отелю — это чистое безумие даже для него. С чего бы ему на это идти? Чтобы просто поиздеваться надо мной? Ему, у которого для меня раньше и пяти минут не было?

Наверное от стресса я стала слишком мнительной, вот и кажется всякая ерунда. Ну в самом деле, он же не такой псих, чтобы этим заниматься?

Подбодрив себя, я окончательно успокоилась, и поехала домой, первым делом купив в супермаркете фруктов для Алисы, и детскую книгу со сказками. Последняя обошлась дороже, но я не смогла удержаться. Алиса очень любит сказки. Больше чем мультики, кукол или прогулки. Поэтому и я, и тетя, регулярно покупаем ей их.

Сама Алиса пока читает неуверенно, по слогам, но ей очень нравится пытаться.

Стоя в очереди у кассы, я замечаю знакомое лицо. Позади меня стоит Алексей — тот парень с собакой, что спас меня от грабителя тем вечером. Когда он отрывает взгляд от телефона и наконец замечает меня, я улыбаюсь и машу ему, но почти сразу отворачиваюсь, чтобы пробить и оплатить продукты.

Когда он оплачивает корм для своей собаки, мы встречаемся возле выхода и наконец здороваемся.

— Привет! Не ожидала тебя здесь увидеть.

Алексей улыбается, приподняв мешок собачьего корма.

— Привет. Лаки довольно прожорливый. Не успеешь заметить, как мешка корма уже нет. А ты тут какими судьбами?

В ответ я поднимаю пакет с фруктами и детской книгой.

— Решила порадовать ребенка. Из-за работы я много времени провожу вне дома, так что это своего рода извинение наверное.

— У тебя ребенок? — спрашивает он.

Обычно этот факт отпугивает мужчин, но Алексей не выглядит напуганным или расстроенным, что делает его в моих глазах еще привлекательнее.

— Да, дочка.

— И сколько ей?

— Почти пять. Будет через пару месяцев.

— Большая уже, — с улыбкой кивает он.

— Да, если честно, думаю никогда не привыкну к тому, как быстро она растет. Еще вчера она была совсем малюткой, а теперь сама читает сказки, и моет за собой посуду, стоя на стульчике. Когда она пойдет в школу, я, наверное, с ума сойду от волнения.

Мы говорим еще какое-то время по пути к дому, про Алису и про Лаки, и в конце концов я прихожу домой. Моя голова все еще болит, но настроение значительно улучшилось.

Открыв дверь, я слышу топот детских ног и радостный голос:

— Мамочка!

Подбежав ко мне, Алиса обнимает меня. Широко улыбнувшись, я подхватываю ее на руки и недолго кружу. Недолго, потому что давление снова дает о себе знать, и у меня начинает кружиться голова.

— Привет, родная. Ты хорошо себя вела? — с улыбкой спрашиваю я, и вижу тетю, выходящую из комнаты. Судя по хитрой улыбке, настроение у нее было отличное.

— Да! Мы полили цветочки и тетя учила меня делать блинчики!

— Правда? А мне дашь попробовать?

Вместо ответа Алиска отрицательно мотает головой, и я удивленно приподнимаю

брови.

— А почему?

Алиса машет ручкой, как бы просит меня наклониться, и, когда я это делаю, шепчет мне на ухо:

— Потому что они сгорели!

— Ну и ладно, — с улыбкой отвечаю я, — Зато у меня для тебя кое-что есть...

— А что? — моргнув, Алиска с любопытством заглядывает в пакет, достает оттуда книжку со сказками, и радостно обнимает меня, а потом убегает в комнату, видимо читать, — Ура! Спасибо, мамочка!

— Ты сегодня рано, — замечает тетя, — На работе все хорошо?

— Да, не волнуйся, — отвечаю я, а потом виновато добавляю: — Но мне опять нужно отъехать. Ненадолго. Мама позвонила, попросила присмотреть за Степой. Соседка, с которой она договаривалась раньше, не сможет этого сделать, а они с отчимом вдруг собрались в отпуск...

— Так, погоди! Какой еще отпуск? — удивленно спрашивает тетя, — Они же еще совсем недавно еле концы с концами сводили из-за долгов ее никчемного мужа!

Я пожала плечами.

— Если честно, понятия не имею. Мама сказала, что все разрешилось, и они с Григорием улетают в Турцию на две недели.

От шока у тети округлились глаза, и, если честно, в этом я могла ее понять.

— И это не кажется тебе подозрительным? — спросила она.

— Конечно кажется. Я практически уверена в том, что Григорий снова что-то натворил, и это выльется в новые проблемы для мамы, но я больше не могу вмешиваться. Я правда люблю ее и желаю ей лучшего, но я не могу бороться вместо нее, когда она делает все, чтобы навсегда остаться в этой трясине из долгов и лжи. Она держится за Григория так, как будто он последний мужчина на планете, и я ничего не могу с этим поделать. Я нужна своей дочери. Я не могу позволить, чтобы это влияло и на нее.

Какое-то время тетя хмуро смотрела на меня, а затем кивнула.

— Никогда не понимала, как она могла выбрать такого мужчину после смерти моего брата, — сказала она.

— Думаю ей было одиноко... Но сейчас, глядя на то, во что он ее втянул, уверена, что ей было бы лучше одной.

Я правда так считала. Отчасти это было причиной моего одиночества. Особенно теперь, когда мой выбор мог повлиять не только на меня, но и на Алису.

После развода я боялась подпускать к себе новых мужчин. Алисе и без того было тяжело расти без папы. Новые, сменяющие друг друга мужчины в моей жизни сделали бы только хуже. Поэтому я привыкла отказываться от любых предложений и знаков внимания. Даже разговоры с Алексеем, хоть и довольно приятные, никогда не перерастут во что-то большее.

— Ладно, корми этого монстра, — сказала тетя, — Я посижу с Алиской. Только не вздумай тащить этого шкодника ко мне в дом!

Я тихо хихикнула. Чего-то такого следовало ожидать.

— Хорошо, постараюсь вернуться поскорее, — пообещала я, вызывая такси, и, хоть и не хотела быть чересчур мнительной, в этот раз на всякий случай записала себе номер и марку машины, которая должна ко мне приехать.

Когда, садясь в машину, я на всякий случай уточнила у водителя конечный адрес, он

посмотрел на меня так, как будто у меня из головы как минимум рос гриб, но все же ответил, и, услышав ответ, я окончательно расслабилась, и даже решила послушать музыку по дороге.

Ничто не предвещало беды. Все было как обычно.

Я поднялась вверх по лестнице пятиэтажного дома, и, подойдя к старой двери, открыла замок запасным ключом.

В квартире было темно и тихо, но это и неудивительно. В конце концов она была пустой, если не считать одну белую пушистую заразу.

Закрыв за собой дверь, и услышав позади шорох, я не обратила на это ни малейшего внимания, так как была уверена в том, что это Степа прибежал проверить кто принес ему поест. Вот только я ошиблась.

Степа точно не мог положить горячую ладонь к моему животу, нависая сверху. И уж тем более его хриплый шепот не мог коснуться моего уха, заставляя волну дрожи прокатиться по всему моему телу:

— Ну привет, дорогая... Кажется нам о многом следует поговорить...

Глава 6

Андрей

Организовать встречу с Аней было непросто. После нашего последнего разговора она старалась держаться от меня подальше, и, наверное, в этом не было ничего удивительного. В тот раз я потерял самообладание. Ничего не мог с собой поделаться. Но сегодня... Сегодня все будет по-другому.

Правда, кое в чем я все-таки сорвался.

Узнать о том, где она работает, было несложно. Было достаточно сделать пару звонков. А подкупить секретаршу ее начальника, чтобы узнать когда она вызовет такси домой, и что та достаточно вымотана, чтобы не заметить подмену машины, еще проще.

Что тут скажешь? Я умею убеждать. Да и мою бывшую жену, судя по всему, там не слишком то жалуют.

Признаюсь, позвонив ей, когда ее высадили возле отеля, я достаточно повеселился.

Само собой, мое приглашение не было серьезным. Я и не ждал, что она поднимется ко мне в номер после того, что было. И все же я испытывал странное возбуждение, играя с ней.

Я знал, что единственный способ поговорить с ней — это застать ее врасплох, и с этим мне помог Григорий. Оказывается даже мерзкий червяк вроде него может быть полезен.

Так мы и оказались в доме ее родителей, у самой двери.

Услышав мой голос, она испуганно вздрогнула и обернулась, глядя на меня широко распахнутыми глазами. Мы стояли так близко, что я чувствовал, как колотится ее сердце в груди.

Я улыбнулся, не смотря на злость на нее за то, что она скрыла. За то, что молчала столько лет. Мне не нужно подтверждение отцовства, потому что у дочери моя ямочка на щеке. Но я хочу услышать это от нее.

— Что ты здесь делаешь?! — рычит она.

Я насмешливо хмыкаю. Аня старается быть грозной, но страх в глазах выдает ее.

— Я думаю ты догадываешься. Как и о том, откуда у твоего жалкого отчима вдруг появились деньги.

Она молчит. Смотрит на меня, пытается прочитать, понять сколько на самом деле я знаю, и в конце концов решает прибегнуть к самому банальному отрицанию. Недобро прищуривается и фыркает:

— Понятия не имею о чем ты, и очень надеюсь на то, что у тебя есть объяснения для полиции, какого черта ты проник в дом моих родителей, потому что я собираюсь им позвонить.

Она тянется в карман за телефоном, и ее рука дрожит, мешая набрать номер. Если бы я правда собирался ей навредить, она бы ничего не успела сделать.

— Расслабься. Я здесь, потому что твой отчим дал мне запасные ключи. У меня есть договор, подписанный им и твоей матерью, который позволяет мне жить здесь все то время, пока они в Турции. Если тут кто и нарушает закон, так это... — я выразительно посмотрел на нее, и она покраснела до кончиков ушей. Я бы даже счел это милым, будь это не она.

— Громов, ты совсем уже с головой не дружишь?! Думаешь я поверю в эту чушь? Я здесь только потому, что пообещала маме присмотреть за ее котом! Если бы я знала, что они

сдали тебе квартиру, ноги моей бы здесь не было!

— Да что ты? — я насмешливо выгибаю бровь, наслаждаясь ее бессильной злостью.

— Представь себе! — она тяжело дышит, чуть ли не рычит, раздраженно сдувая прядь, упавшую ей на лицо, — У меня нет никакого желания встречаться или говорить с тобой. Мне с тобой нечего обсуждать.

Аня пытается обойти меня, отстраниться, но я и не думаю двигаться. Меня вполне устраивает текущее положение вещей, а именно: моя бывшая жена, зажатая между мной и дверью.

— Да ну? Правда что ли? И это после всего, что между нами было?.. — я наклоняюсь к ее шее, и мой голос становится хриплым, вкрадчивым. Я вижу, как ее кожа покрывается мурашками то ли от страха, то ли от предвкушения, и едва сдерживаюсь, чтобы не коснуться ее губами.

— А что между нами было? — фыркает она, — Несколько лет брака, большую часть времени проведенного в одиночестве, пока ты развлекался со своими секретаршами?

Улыбка сползает с моего лица, и я начинаю закипать от гнева, сжимая кулаки до побелевших костяшек.

— Не смей, — почти рычу я, и она вздрагивает, сжимается, точно нашкодивший котенок.

Я помню все так, будто это было вчера.

С того дня, как Аня ушла из моего кабинета, прошло несколько дней. Она ушла из нашего дома в тот же день. Забрала только те вещи, что когда-то привезла с собой. Не взяла ничего из того, что я ей дарил. Ни вещи, ни украшения. Она оставила даже мобильный телефон, и в тот же вечер сменила номер.

Я помню как сидел за своим столом, открыв дорогой виски, подаренный мне старым приятелем, и держал в руке документы о разводе. Я смотрел на них, и не мог поверить в то, что она действительно на это пошла.

А потом я узнал правду.

Я знал, что уже полгода кто-то сливает информацию нашим конкурентам. Искал крысу, расставлял ловушки, но, что бы я ни делал, я никак не мог ее поймать.

Это было одной из главных причин, почему мне приходилось задерживаться на работе. Но в тот миг, когда Аня ушла, это просто потеряло значение. Мне стало все равно. Или, по крайней мере, я так думал.

А потом мне позвонил он. Виктор. Глава конкурирующей компании. Тот самый, что получал слитую информацию.

— Чего тебе? — ледяным тоном спросил я.

Если бы голосом можно было убивать, он уже был бы мертв. Этот сукин сын все время играл грязно, из-за чего страдал не только мой бизнес, но и бизнес наших конкурентов. Я бы не удивился, узнав, что у него повсюду информаторы.

— Зачем же так грубо? — с издевкой хмыкнул он, — Неужели тебя так зацепило то, что я увел у тебя последнего клиента?

Я сжал челюсти, но промолчал, сделав еще один глоток из хрустального стакана. Горло обпекло горечью, в груди разлилось знакомое тепло, но от этого мне не полегчало.

— Или же все дело в твоей бывшей женушке?

В тот миг я сжал стакан в руке с такой силой, что он только чудом не лопнул, разлетевшись на множество кусочков.

— На твоём месте я бы следил за своими словами, — с угрозой прорычал я, но ему было все равно. Тогда я ещё этого не знал. Я был глупцом, который верил в то, что потерял любимую женщину. Я понятия не имел о том, что случилось на самом деле.

— Да ну? — фыркнул он, — А я на твоём месте следил бы за тем, кому доверяешь.

— Что ты имеешь в виду?

— А почему, по-твоему, за полгода поисков крысы в своей компании ты так никого и не нашёл?

Я недобро прищурился. Я не собирался воспринимать его слова всерьёз. Не видел смысла в том, чтобы выдавать собственного информатора. Если только...

— Говори.

— Знаешь, твоя бывшая хороша не только в постели, но и в добыче информации. Бедняжка, столько лет жила с мужчиной, что даже внимания ей не мог уделить! Неудивительно, что она выбрала меня.

На мгновение я даже перестал дышать. Мне показалось, будто мне врезали под дых, выбив весь воздух из лёгких.

— Ты лжёшь, — с ненавистью выплюнул я.

— Да ну? А почему, по-твоему, она отказалась от твоих денег? — с издевкой рассмеялся он, — Знаешь, она ненавидела тебя. Она давно планировала отомстить, и, когда мы познакомились поближе, сама предложила сливать мне информацию! Я говорю тебе это сейчас, потому что она все равно больше уже не сможет этого делать. И потому что она хотела, чтобы ты знал. Она выбрала меня.

Первым в стену полетел стакан. Пролетев через весь кабинет, он со звоном разбился на множество осколков.

Я был вне себя от ненависти и гнева. Казалось моя кровь превратилась в кипяток, и была способна сварить меня заживо.

Но в миг, когда я увидел фотографии, присланные этим ублюдком. Когда я увидел Аню, я взорвался. И весь мир взорвался.

В стену полетел телефон, документы. Все, что было на столе.

А затем я понял, что ничего не чувствую. Внутри меня было также пусто, как и на столе.

И вот сейчас, возвращаясь в настоящее время, стоя здесь, сжимая кулаки от ярости, я едва сдерживался.

Проклятье, я был готов ее убить.

Мне потребовалась почти минута, чтобы вернуть себе самообладание, и достать из заднего кармана наручники.

— Как бы там ни было, я считаю, что нам нужно о многом поговорить, — произношу я, защелкивая наручник на ее правой руке и, воспользовавшись ее растерянностью и шоком, тяну ее за собой в спальню, где застегиваю на ней второй наручник, фиксируя руки у нее над головой, у изголовья кровати.

— Ты псих! Совсем из ума выжил! — она смотрит на меня округлившимися от страха глазами, но по ее реакции ясно, что страх — далеко не единственное, что она испытывает, находясь в этой ситуации.

Перед глазами вновь всплывают фотографии, присланные тем ублюдком, и я хмыкаю со смесью презрения и интереса.

— Признайся, тебя это возбуждает?

Меня точно да. Я и подумать не мог, что женщина, оказавшаяся в таком положении,

совершенно беззащитная передо мной, может вызывать во мне такое желание вопреки ненависти.

От одного взгляда на нее в штанах мигом становится тесно. До боли. До невозможности.

Меня никогда и ни к кому так сильно не тянуло.

Когда мое дыхание обжигает ее чувствительную кожу за ухом, из ее груди вырывается тихий полувздых-полустон, и она раздраженно хмурится, злясь на себя ничуть не меньше, чем на меня.

— Отпусти меня, Громов! — пыхтит она, дергаясь подо мной, — Я не собираюсь участвовать в твоих извращенных играх! Оставь их для своих секретарш!

— Боюсь, что я не могу, — хриплым шепотом отвечаю я, и на моих губах появляется издевательская улыбка, — Видишь ли, мои секретарши не сливают информацию конкурентам, не спят с ними, но, что самое главное, они не рожают от меня детей, и не прячут их, надеясь, что я никогда об этом не узнаю.

На миг она замирает, и кажется даже перестает дышать. Я вижу, как осознание и страх отпечатываются на ее лице. Чувствую, как колотится ее сердце.

Она молчит, и, глядя на нее, я не могу удержаться. Я наклоняюсь ближе, втягиваю носом ее сладкий запах с нотками ванили, и легонько прикусываю чувствительную кожу на ее шее.

Она вздрагивает. Из ее груди вырывается стон — громче и искреннее предыдущего, и она с ненавистью смотрит на меня. Ее глаза прожигают во мне дыры.

— Я тебя ненавижу! — в ярости выплевывает она, — Ты — животное!

— А ты — маленькая лгунья, — отвечаю я, проводя пальцами по ее шее, и зарываясь в мягкие волосы на затылке, — Да, Аня. Нам предстоит многое наверстать...

Аня

Он сошел с ума. Совершенно свихнулся. И я тоже. Я не знаю чем еще объяснить то, что происходит.

Я все еще ненавижу его. И, наверное, никогда не смогу ему простить все то, что он сделал. И все же, как бы сильно я его ни ненавидела, мое тело отзывается на его голос, на его прикосновения.

Даже сейчас, когда этот придурок приковал меня к кровати и смотрел на меня свысока взглядом победителя, сама того не желая, когда он касается меня зубами, губами и языком, я не могу сдержать тихий стон.

На миг из головы вылетают даже его обвинения, и тот факт, что гребанный отчим все-таки сдал меня. Не знаю как, но видимо этот придурок догадывался о том, кто настоящий отец Алисы, или же просто ткнул пальцем в небо, лишь бы вытрясти из Андрея побольше денег.

Вопрос только в том, что мне делать теперь?

Много лет я скрывала правду. Я не хотела возвращения Андрея в свою жизнь после того, что он сделал, и не считала, что внезапное появление отца, которому плевать на все, кроме работы, пойдет Алисе на пользу. И сейчас ничего не изменилось.

А что было у него, кроме слов моего жалкого отчима и, возможно, фотографии Алисы? Ничего.

Я не указывала его в графе, как биологического отца. В свидетельстве о рождении Алисы в ней стоит прочерк. Так что по закону, без результатов анализа на отцовство, у него на нее нет никаких прав. Вот только добиться судебного решения для проведения такого теста для человека, вроде него, — не проблема.

А значит единственный способ уберечь Алису от него — это заставить его поверить в ошибку Георгия. Убедить в том, что я ему изменяла.

— Твоих детей? Большого бреда в жизни не слышала! — с ненавистью фыркаю я, стараясь сохранять презрительное выражение лица, но, находясь в моем положении, это не просто, особенно учитывая то, что Андрей продолжает касаться меня, и не просто касаться, а именно так, как я люблю.

Поверить не могу в то, что он все еще помнит все мои чувствительные точки. Помнит, как заставить меня стонать и терять голову.

Я чувствую, как по всему моему телу проносится пульсирующая волна жара, концентрируясь в одной точке, и до боли прикусываю губу, надеясь, что это отрезвит меня, позволит взять себя в руки, но это не помогает.

— Для того, чтобы появились дети, нужно заниматься сексом. А тебя, если ты помнишь, почти никогда не бывало дома, — рычу я, и, когда он легонько прикусывает мочку моего уха, мой рык перерастает в новый стон.

Я слышу его тихий, бархатный смех, и он отзывается приятной вибрацией в каждой клеточке моего тела.

— И все же я находил время, чтобы сделать тебе приятно. Разве нет? — прежде чем его язык снова касается меня, его хриплый шепот заставляет все мое тело покрыться мурашками.

— Не... Не припомню такого, — выплевываю, не задумываясь, хотя он прекрасно

понимает, что это ложь.

— Да? В таком случае, думаю, мне стоит освежить твою память...

Он опустился ниже, к моим ногам, и стал медленно, не сводя с меня потемневшего взгляда, освобождать их от тяжелых туфель. Когда его пальцы стали медленно, с чувством массировать мои ноги, я тихо застонала.

Это был всего лишь массаж ступней. Тот, что часто делали в салонах перед педикюром. Но ощущения... Ощущения были совсем другими.

То ли дело было в его взгляде, то ли в шумном, сбившемся дыхании, то ли во внезапно вспыхнувших воспоминаниях о нашем прошлом, но я ничего не могла с собой поделать. Я не могла оторвать от него затуманенного взгляда.

В какой-то миг у меня пересохло во рту, и я поймала на себе его улыбку. Улыбку победителя. Это слегка отрезвило меня, подогрело мою злость, и я дернула ногой, собираясь ударить его, но он ловко увернулся от удара, в один миг прижавшись ко мне так, что я охнула.

Он хотел меня. Черт возьми, он хотел меня так сильно, что я боялась, что его джинсы просто лопнут, не выдержав напряжения. И, пусть я и не была готова этого признать, я хотела его так же сильно. Вопреки ненависти, вопреки всему, что между нами было, в какой-то миг я хотела, чтобы он коснулся меня, даже если потом я возненавижу саму себя.

Но Андрей не заходил дальше. Он играл со мной, как кот с мышью. Ему нравилось дразнить и мучить меня. Наверное моя реакция приносила ему больше удовольствия, чем сам процесс.

— И что мне с тобой делать, маленькая врушка?

— Для начала отпусти, — прошипела я, но он и не подумывал о том, чтобы расстегнуть наручники.

— Даже не знаю... — издевательски улыбнулся Андрей, — Мне больше нравится, когда ты лежишь подо мной вот так, возбужденная и беззащитная.

— Ты точно больной придурок! — с пылающими щеками отвечаю я, — Тебе лечиться нужно!

Он резко наклоняется ко мне, заставляя меня испуганно вздрогнуть и замереть, и моего уха касается его хриплый шепот:

— Может быть, но тебе это нравится.

— Ты совсем с головой не дружишь? — прорычала я, — Кому вообще может понравиться, если его насильно пристегивают к кровати и целуют без его согласия?!

Отстранившись, он хохотнул.

— О, ты бы удивилась... Но, если честно, Аня, что-то я не заметил особого сопротивления с твоей стороны. Признайся, в глубине души ты этого хотела.

Злость накрывает меня новой ослепляющей волной, и я прожигаю его ненавистным взглядом.

— Единственное, чего я от тебя хочу, Громов, так это того, чтобы ты оставил меня в покое и навсегда исчез из моей жизни.

— Мы оба знаем, что это невозможно, Аня. Из-за твоей маленькой лжи, — с горькой улыбкой добавляет он, — И, прежде чем ты начнешь вешать мне лапшу про то, что она — не моя дочь, знай, что я буду добиваться анализа на отцовство через суд. Может ты мне и изменяла, но, в отличие от тебя, гены не лгут.

Я промолчала, боясь, что голос выдаст меня дрожью, но Андрей и так видел, что он

прав. Видел это по моим глазам.

— Мы можем решить все по плохому. Привлечь юристов. Поднять шумиху. Мне ничего не стоит засудить тебя за то, что ты скрывала ее от меня столько лет... Или сделать все тихо, по-хорошему.

Я знаю, что он прав. Именно поэтому я надеялась, что правда никогда не всплывет.

Сжав кулаки, я медленно вдохнула и выдохнула, пытаюсь сдержать слезы. Не хотела, чтобы он снова видел меня слабой и жалкой, как раньше. И все же мои глаза заблестели.

— Чего ты хочешь? — тихо спрашиваю я со смесью страха и усталости.

— Думаю ты и сама знаешь. Наша дочь. Я хочу стать частью ее жизни. Это меньшее, что ты можешь для меня сделать, учитывая то, сколько лет ее жизни я уже пропустил по твоей вине.

Я вспыхнула, собираясь возразить, но только крепче сжала челюсти, понимая, что от этого будет только хуже. У меня нет другого выхода. У меня недостаточно связей и средств, чтобы бороться с кем-то вроде него.

— Хорошо, — сдаюсь я, и он хмыкает.

— Я не ослышался?

Я с ненавистью смотрю на него и едва не рычу:

— Я не буду повторять дважды. Хочешь быть частью жизни Алисы — хорошо. Я дам тебе такую возможность. Но взамен у меня будет условие...

— И какое же? — Андрей насмешливо выгибает бровь, и я отвечаю:

— Вот это. Наручники. Массаж. Укусы и поцелуи. То, что ты сделал. Ты отпустишь меня, и это больше никогда не повторится.

Какое-то время он молчит, задумчиво глядя на меня. Я понятия не имею о том, о чем он думает, и, если честно, не хочу этого знать, а затем он хмыкает:

— Уверена, что не пожалеешь об этом, Аня? — хрипло спрашивает он, нависая надо мной, и я шумно сглатываю. Мое сердце стучит так громко, что я даже слышу его, и я с ненавистью выдыхаю:

— Единственное, о чем я жалею, так это о том, что правда вообще вскрылась.

Андрей снова хмыкает, и в последний раз прикусывает мою мочку уха, заставляя меня дрожать от злости и желания.

— Маленькая врушка, — шепчет он, обжигая мое ухо горячим дыханием, а затем раздается тихий щелчок, и Андрей освобождает мои руки от наручников.

Я вскакиваю с кровати, нервно одергивая одежду и поправляя волосы, и ищу взглядом туфли, одновременно с подозрением поглядывая на него.

К счастью, больше он не пытается ко мне приблизиться. Только стоит и смотрит на меня со своей раздражающей улыбкой.

Мои колени все еще дрожат от нервов и возбуждения. Натягивая туфли, я так тороплюсь, что несколько раз чуть не теряю равновесие, и только чудом не падаю, что неслабо его веселит, и одним богам известно, чего мне стоит не показать этому козлу средний палец.

А еще я чуть не забываю о причине своего прихода, и вспоминаю лишь благодаря тому, что в соседней комнате что-то с грохотом разбивается, заставляя Андрея мигом напрячься.

— Какого хрена? — спрашивает он, и на моих губах появляется издевательская улыбка. Я-то уже знаю с каким монстром ему предстоит жить, а вот он еще даже не догадывается.

— Это Степа. Мамин кот. Судя по звуку, опрокинул горшок с маминим фикусом. Удачи с уборкой! — фыркаю я, и, круто развернувшись на каблуках, выбегаю из квартиры, а потом и из подъезда.

Весь путь до метро мое сердце так стучит, словно вот-вот проломит грудную клетку. И даже там, запрыгнув в вагон, я никак не могу успокоиться.

Что это такое было? Какого черта он творил?! И какого черта я так реагировала на него?!

Почему он снова на меня смотрел так, как раньше? До дрожи в коленях и бабочек в животе? Проклятье! Там, в своей бывшей комнате, я чуть не потеряла голову!

Нет, больше я его к себе не подпущу. Никогда.

Только глупец дважды наступит на одни и те же грабли, а я, может и наивная, но не идиотка.

Это просто физиология. Проблема в том, что у меня давно никого не было, а этот придурок слишком хорошо знает меня и мое тело.

И все же я продолжаю злиться на саму себя.

Я снова позволила ему выиграть. Он получил то, чего хотел: мое добровольное согласие, и мое унижение.

От последней мысли на душе стало мерзко. Захотелось помыться, смыть с себя следы от его прикосновений. Стереть воспоминания о сегодняшнем дне.

Но я не могла забыть. Это въелось в мою память так же сильно, как и тот наш последний разговор перед разводом, в его офисе. Я помнила все, связанное с ним, даже не желая этого.

Стоило закрыть глаза, как я вновь видела, чувствовала его. И за это я ненавидела его еще больше.

Я почти доехала до своей остановки, как вдруг получила сообщение с незнакомого номера:

Это мой второй номер. Сохрани, чтобы не потерять.

И помни о нашей сделке. Я хочу встретиться с Алисой завтра вечером. Время и место обсудим завтра.

И даже не думай хитрить. Со мной твои игры не пройдут.

Глава 8

Андрей

Черт. Кажется я перестарался.

После ее ухода я еще почти час пытаюсь прийти в себя, с чем неплохо помогает справиться холодный душ. Но, стоит снова взглянуть на кровать, к изголовью которой все еще пристегнуты наручники, как меня снова накрывает.

Я добился своей цели. Выбил из нее согласие. Возбудил и подразнил, от чего сам получил немало наслаждения. Мне следовало бы радоваться, но с ее уходом я снова ощутил пустоту. Совсем как тогда, получив документы о разводе.

Проклятье! Неужели я зашел слишком далеко? Неужели, заигравшись, пробудил старые чувства к Ане?

Нет. Это невозможно. Только не после ее предательства.

Нет. Дело в другом. Я хочу мести. Хочу, чтобы она прошла через то же, через что и я. Но, не смотря на мои угрозы, я бы ни за что не стал впутывать в это нашего ребенка. Это слишком бесчеловечно даже для кого-то вроде меня.

Я не обманывался. Понимал, что, даже не смотря на свою коварную натуру Аня — хорошая мать. Видел это по ее глазам, полным страха потерять своего ребенка. А значит и Алиса скорее всего любит ее. Поэтому я не мог просто взять и забрать ее у Ани.

Но я мог отомстить ей иначе.

Не смотря на все ее взгляды, на все ее слова, она хотела меня так же сильно, как я ее. Она отвечала на все мои прикосновения так же, как и раньше, если не сильнее, чувственнее.

Если бы я не знал ее, то решил бы, что с нашего развода у нее никого не было, но это невозможно. Прошло слишком много времени. Даже я иногда искал утехи у других женщин. Не может быть, чтобы она...

Выругавшись, я отмахнулся от этой мысли, как от назойливой мухи, и нервно зашагал по комнате, а затем зашел в соседнюю и выругался еще громче.

Насчет фикуса Аня не ошиблась. Бедное растение лишилось не только горшка, но и пары листьев, да и его стебель надломился во время падения. А пушистый гад сидел на шкафу, медленно обмахиваясь белым хвостом, и смотрел на меня, как на своего персонального раба.

Прищурившись, я пригрозил коту кулаком и принялся убирать это безобразие.

Другого горшка не нашлось, так что несчастный фикус вместе с остатками земли переехал в старое ведро. Убрал осколки и следы преступления пушистого засранца, я вспомнил о том, что Аня собиралась его покормить, и пошел на кухню в поисках кошачьего корма. Нашел какой-то сухой в шкафу, и снова ругнулся, потому что дверца шкафа закрипела и повисла на одной петле.

Нахмурившись, я насыпал корм в миску, и попытался вернуть ее на место, но вскоре понял, что без инструментов не обойтись, и начал искать их. Кажется когда-то они хранились в коридоре...

Старый ящик с инструментами отца Ани нашелся там же, где и много лет назад. Судя по всему, с тех пор, как я в последний раз был в этом доме, к нему никто не притрагивался.

Достав отвертку и несколько саморезов, я вернулся на кухню и с горем пополам все

починил.

Пусть я и не собирался всерьез жить здесь эти две недели, когда устраивал ловушку для Ани, но не привык оставлять после себя бардак. К тому же это было неплохим местом для встреч с дочерью.

По крайней мере дом родителей Ани подходил для этих целей лучше отеля. Да и для других тоже.

От мысли о последних в штанах снова стало тесно. Тело требовало разрядки. Вот только у меня не было ни малейшего желания звонить Лизе или еще кому-то. По иронии судьбы я хотел ту, что ненавидел, и ту, что ненавидела меня. Хотел так сильно, что едва сдерживался благодаря ненависти, и единственным утешением для меня было то, что она испытывала то же самое.

Я чувствовал ее пульс, видел дрожащие колени, слышал, как она стонала.

Готов поспорить, Аня давно не была такой мокрой. Интересно, как сильно она ненавидела себя за то, что хотела меня? Надеюсь сильно. Потому что я себя ненавидел. Но это ни капли не умаляло моего желания.

Потянувшись рукой, я сжал пах и застонал сквозь зубы.

Было бы намного проще, если бы я просто взял ее там, когда мы оба этого хотели. Что бы из этого ни вышло, это было бы намного лучше, чем стоять посреди пустой квартиры с железным стояком.

Надеюсь ей сейчас так же плохо как и мне.

От мысли, что она просто примет душ и спокойно уснет, вернувшись домой, я сжал кулаки так сильно, что вогнал короткие ногти в кожу на ладонях.

Меня накрыло волной злости. Я был готов зарычать.

Нет уж. Я не дам ей выбросить из головы то, что случилось.

Думая об этом, я вспоминал ее глупое условие. Даже сейчас я слышал ее слова, произнесенные тихим, дрожащим от возбуждения голосом:

“Наручники. Массаж. Укусы и поцелуи. То, что ты сделал. Ты отпустишь меня, и это больше никогда не повторится”.

Хмыкнув, я потянулся рукой к напряженному паху и медленно провел рукой вверх и вниз.

Она пожалеет о том, что поставила это глупое условие. Я заставлю ее пожалеть. Она будет умолять меня об этом. Просить, чтобы я касался ее. Кусал. Целовал. Связывал. Она будет молить, чтобы я не останавливался.

И, когда она подчинится мне, когда не будет принадлежать самой себе от возбуждения, когда я сделаю ее своей, я заставлю ее пожалеть обо всем, что она сделала.

Это и будет моей мезтью.

За окном была уже глубокая ночь.

Достав из кармана телефон, я открыл переписку с Аней, и начал набирать сообщение, а затем отправил его, и стал ждать, предвкушая ее реакцию.

Когда сообщение было отмечено, как прочитанное, на моем лице появилась улыбка, больше похожая на оскал. Наверное со стороны я напоминал хищника, что играл со своей добычей. По крайней мере так я себя чувствовал.

Знаешь, кажется я начинаю понимать тех, что используют наручники и другие предметы в сексе. Я бы сделал это намного раньше, если бы знал, что это будет настолько возбуждающее зрелище.

Какое-то время ничего не происходило, и я был почти уверен в том, что Аня просто проигнорирует мое сообщение, но вскоре увидел, что она набирает ответ, и мой телефон завибрировал от входящего сообщения:

Я бы ушла от тебя раньше, если бы знала, что ты такой больной извращенец!

Наверняка она хотела, чтобы ее слова заделали меня, но вместо этого я представил ее: покрасневшую и возбужденную, сердитую, и испытал странное предвкушение.

Врушка. Если бы я сделал с тобой то, что собирался сделать сегодня, ты едва ли смогла бы от меня убежать...

Ты же знаешь, что я хотел с тобой сделать, Аня?

Я хотел избавиться от твоей гребанной одежды.

Несколько лет я был абсолютно уверен в том, что больше всего я ненавижу тебя, но сегодня я ненавижу тряпки, которые были на тебе надеты.

Я бы снял их все, кроме, может быть, твоих трусиков, потому что помню, как тебе нравится, когда я касаюсь тебя через них. Когда мой палец скользит по мягкой ткани, постепенно пропитывающейся влагой, пока та не станет совсем липкой, прежде чем отодвинуть их в сторону и проникнуть внутрь...

Я знаю, что ты тоже этого хотела.

Ее ответ заставляет меня тихо рассмеяться:

Ничерта ты не знаешь! Ты—больной извращенец!

Может быть. Но сегодня ты хотела этого больного извращенца так сильно, что еле держалась на ногах, когда убегала от меня.

Готов поспорить ты все еще мокрая.

Признайся, ты сейчас ласкаешь себя, думая обо мне? Касаешься себя, представляя мои пальцы?

Ответ приходит не сразу, с задержкой, и мне нравится представлять причины этого.

Ты ненормальный!

Я бы ввел их в тебя не сразу.

Я бы связал тебя и заставил развести ноги в стороны, и просить меня тебя коснуться, после чего медленно, до изнеможения, ласкал бы тебя пальцами через белье, пока оно не стало совсем мокрым.

А потом проник бы в тебя языком. Медленно. Сначала наполовину, двигая им туда-сюда, концентрируясь в твоей самой чувствительной точке, с каждым разом вводя его все глубже, заставляя тебя сжимать простыни и выгибаться мне навстречу.

Я ласкал бы тебя губами, зубами и языком, заставляя тебя стонать от наслаждения. Я наслаждался бы тобой, как самым вкусным на свете блюдом. Я бы не мог оторваться от тебя, и делал бы это снова и снова, пока ты не кончила.

Я ввел бы в тебя палец, и, чувствуя, как ты сжимаешь его от наслаждения, избавил бы тебя от белья, после чего медленно заполнил бы тебя до основания. А потом я заставил бы тебя просить, умолять меня продолжить...

Я бы ни за что этого не сделала!

Нет, сделала бы.

Ты бы сделала все, что бы я ни попросил, ради того, чтобы я сделал это. Ты умоляла бы меня снова и снова, наслаждаясь тем, как я проникаю в тебя. Ты бы

сделала все, чтобы я не останавливался.

Ты знаешь, что это правда.

Ты ведь ласкала себя все это время, читая мои сообщения?

Я знал, что она возбуждена, как и то, что она соврет. В последнем я не сомневался. Аня слишком горда, и слишком ненавидит меня, чтобы сознаться в подобном. Однако ей удалось меня удивить:

Ты что, следишь за мной?

Я хмыкнул, устраиваясь на кровати поудобнее.

На самом деле это не входило в мои планы, но соблазн был слишком велик, чтобы от него отказаться, и я решил подыграть ее милому заблуждению, чувствуя, как меня охватывает азарт.

Умница. Знал, что ты догадаешься.

И мне чертовски нравится то, что я вижу.

Извращенец.

Расхохотавшись, я снова и снова перечитываю ее последние сообщения. Улыбка не сходит с моего лица.

Говорит та, что стонала от наслаждения, представляя, что я ласкаю ее.

Не стоит этого стесняться, это вполне естественная реакция.

Отмени свое глупое условие и приезжай ко мне. Я покажу тебе, как хорошо тебе могут сделать мои пальцы и язык...

Даже не мечтай, придурок!

Если я захочу с кем-то перепихнуться, ты будешь последним в моем списке!

Отправив последнее сообщение, она выходит из онлайн, и я с улыбкой откладываю телефон в сторону. Хоть это и меньшее из того, что я мог сделать сегодня, и, пусть не полностью, но я удовлетворен.

Это лишь первый шаг на пути к моей мести. Маленький кусочек пазла.

Я знал, что сегодня Аня очень долго не уснет. А когда все-таки сделает это, будет думать обо мне. И при этом будет чертовски злой и возбужденной.

Мне хватило даже просто представить это, чтобы возбудиться, а она... Она уже наверняка кончила. Возможно не раз.

Ее последние слова должны были меня разозлить, но вместо этого я только улыбнулся.

— Еще посмотрим, — хрипло шепчу я, закрывая глаза, — Игра началась...

Глава 9

Аня

Проклятье! Он сошел с ума! Совершенно спятил!

Да и я ничуть не лучше.

То, что мы творили ночью... О боже, это было не по настоящему, я знаю. Он даже не казался меня, но это не имело никакого значения, потому что Андрей был прав. Я все сделала сама, представляя, что это он. Я, черт возьми, хотела этого. Хотела так сильно, что совершенно спятила.

И теперь я должна снова встретиться с ним. Еще и не сама, а с дочерью.

Я решила, что для первой встречи лучше всего подойдет семейное кафе, в которое мы с тетей часто водили Алису. Не только потому, что это знакомая и довольно приятная для нее обстановка, но и потому, что там я буду чувствовать себя в безопасности. И я совершенно точно не собиралась оставаться с этим придурком наедине.

Я смотрю на Лисичку, которая складывает игрушки в коробку, и чувствую, как сердце бьется в груди с такой силой, что кажется, сейчас разорвется. Как я могу сказать ей, что человек, который внезапно появился в нашей жизни, ее отец? Отец, который даже не знал о ее существовании все эти годы. Отец, который не присутствовал на ее рождении, не менял ей подгузники, не утешал ее, когда она плакала. Но теперь он здесь и хочет участвовать в ее жизни, и я ничего не могу с этим сделать.

Я чувствую гнев, смешанный со страхом и беспомощностью. Все эти годы я была уверена в том, то берегу Алису от его безразличия. Я не хотела, чтобы она прошла через то же, что и я. Но теперь назад дороги нет.

Я беру ее на руки, притягиваю к себе и целую в лоб. Она смотрит на меня большими голубыми глазами, полными доверия, и я понимаю, что сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить ее.

— Малышка, сегодня ты встретишь кого-то очень особенного. Мы идем в твое любимое кафе, дорогая, — говорю я, стараясь сохранять спокойствие в голосе. Не хочу ее волновать, — Там нас ждет один старый друг, который очень хочет тебя увидеть.

Я натягиваю на лицо улыбку, стараясь не думать о том, что будет, когда Андрею надоест эта игра в любящего отца. Как объяснить это Алисе потом, когда он исчезнет?

В то, что он останется навсегда, я не верила ни на секунду. Только не Громов.

Единственное, на что ему не плевать, это бизнес. Я знаю это как никто другой.

— Особенный? — спрашивает она, пытаясь осмыслить это слово. На детском лице проскальзывает любопытство.

— Очень особенный, — киваю я, взяв ее за руку. — И ты будешь вести себя как настоящая леди, хорошо?

Она кивает, с серьезностью взрослого, и я не могу не улыбнуться в ответ.

Алиса встает, забирая свою любимую игрушку, которую она всегда носит с собой. Ее маленькие руки крепко обхватывают зайчика, будто она ищет в нем утешение и поддержку.

Мы выходим из дома, и я понимаю, что этот день станет для нас обоих испытанием. Моя рука сжимает ее ручку крепче, чем обычно.

Воздух кажется тяжелым и влажным, словно предвещающая грозу. И, вспоминая о том, что

случилось вчера, я никак не могла успокоиться.

— Мама, все хорошо? — спрашивает она.

Я сбавляю темп, натягивая на себя вынужденную улыбку

— Все замечательно. Просто маме немного жарко, — отвечаю, пытаюсь звучать убедительно.

Наконец, мы заходим к кафе, в котором договорилась встретиться с Андреем. Здесь воздух пропитан ароматом молотого кофе и печенья.

Мы подходим к столику в углу, и я помогаю Алисе взобраться на яркий диванчик. Она мгновенно принимается рассматривать меню, украшенное героями из мультфильмов. На время ожидания нам приносят карандаши и раскраски, и Алиса принимается увлеченно елозить синим карандашом по бумаге. Я оборачиваюсь к двери, как раз когда в кафе входит Андрей, и проглатываю ком в горле, стараясь сохранять спокойствие.

— Алиса, ты будешь хорошей девочкой? — спрашиваю я, — Я скоро вернусь. Она кивает, даже не глядя на меня, и я встаю, направляясь к Андрею. Он выглядит уставшим, но в его глазах читается что-то еще — неуверенность, возможно, даже страх.

— Мы должны поговорить, — тихо начинаю я, привлекая его внимание. Его голубые глаза, такие же, как у Алисы, смотрят на меня с непониманием. Но, прежде, чем он успевает что-то ответить, я добавляю: — Это касается Алисы. Она... Она еще не готова знать правду. Она ещё очень маленькая, и для неё ты....

Андрей пристально смотрит на меня, словно пытается прочесть мои мысли.

— Чужой, — тихо произносит он, и в его голосе слышится сожаление.

Я киваю, стараясь не смотреть на него. В его глазах промелькнуло что-то, что я не смогла расшифровать.

— Она... Она ничего не знает о тебе, — произношу, чувствуя, как голос дрожит на последнем слове, и Андрей мгновенно напрягается.

— И кто же в этом виноват? — холодно спрашивает он.

Я мгновение я вздрагиваю от его слов, но тут же беру себя в руки. Уж кому-кому, а не ему винить меня в предательстве и тайнах. — Где она?

Я медленно поднимаю руку и указываю на нашу дочь. Его глаза широко раскрываются, и на мгновение он будто перестает дышать. В кафе все еще играют детские песенки, но мне кажется, что стало совсем тихо.

— Там, — шепчу я.

Алиса все еще увлечена раскраской, и даже не подозревает о том, какие изменения ее ждут.

Черт возьми, да я тоже понятия не имела.

Наступает молчание. Андрей все еще смотрит на Лисичку, но его лицо непроницаемо. Я не могу прочесть его мысли, не знаю, что он чувствует.

Когда Громов переключает внимание на меня, у меня обрывается сердце.

— С раскраской? Я киваю, сама не своя от волнения.

— Пойдем, она ждет тебя. Только... Не вываливай на нее все сразу. Она еще ребенок.

Лисичка сидит за столиком, сжимая в руке розовый карандаш, чтобы разукрасить бант у ослика, и поднимает голову только тогда, когда Андрей садится напротив нее.

— Привет, Алиса, — произносит он. Его голос едва заметно дрожит от волнения.

Алиса поднимает голову, с любопытством глядя на Андрея. Она привыкла к женщинам

вокруг, и мужчин видит редко. Это делает ее несколько настороженной.

— Привет, — она отвечает, затем неуверенно смотрит на меня.

— Это Андрей, дорогая. Старый друг, мамы — объясняю я, садясь рядом с Алисой.

— Рад познакомиться с тобой.

Я вижу, как она оценивает его, хмуря свой маленький лобик.

— Алиса, какие у тебя любимые блюда? — спрашивает он с улыбкой. Правда, вместо привычной обаятельной или наглой выходит какая-то нервная, неуверенная. Это настолько удивляет меня, что я даже перестаю нервничать.

Алиса задумчиво погружается в меню, больше глядя на яркие картинки, чем на названия блюд, а затем пальчиками проводит по строкам.

— Мне нравится вишневый торт... и мороженое.

— О, отличный выбор! — улыбается Андрей, закрывая меню. — я тоже люблю мороженое, особенно шоколадное. А какой твой любимый вкус?

— Ванильное, — Алиса улыбается, и моё сердце сжимается от теплоты этого момента.

— Замечательно. — Он обращается к официанту, который только что подошел к нашему столу, и заказывает им десерты, я же беру просто кофе.

— Тебе нравится ходить в садик?

Лисичка, моя маленькая милая девочка, встречает его взгляд, но вместо ответа она только смущенно пожимает плечами и опускает взгляд на игрушечного зайчика на столе.

— Алиса не ходит в садик, — объясняю я, ловя на себе вопросительный взгляд Андрея. — Она... много болела, и мы решили, что так лучше для неё. Тетя присматривает за ней, пока я на работе. Она ее учит.

Андрей смотрит на нашу дочь, и в его глазах проскальзывает тревога:

— Сейчас с ней все хорошо? — спрашивает он.

Я киваю, отводя взгляд.

— Да, она здорова. Просто... Ей больше нравится быть дома. Она любит рисовать, читать...

— Да, я очень люблю рисовать! Я рисую котиков, собачек, деревья, дома... — голос ее прерывается, когда она начинает считать на пальцах.

— Мне тоже очень нравится рисовать, — неожиданно заявляет Андрей, — Может быть, ты покажешь мне свои рисунки в следующий раз?

Алиса смотрит на него, затем спрашивает:

— Можно?

Я киваю, улыбаясь.

— Конечно, детка.

Андрей, со своим врожденным обаянием, легко пробивает лед. Он склоняется вперед, поддерживая контакт глазами с дочерью.

Размышляя о том, как эти двое смотрятся вместе, я даже не заметила, как малышка начала рассказывать ему о своих любимых сказках и игрушках.

Встреча проходит гораздо лучше, чем я ожидала. Алиса, не подозревая о том, кто на самом деле Андрей, общается с ним как с добрым знакомым. Она задает ему вопросы о его работе, о том, что ему нравится делать в свободное время, и Андрей с улыбкой отвечает на каждый из них, пока не наступает вечер

— Нам пора возвращаться, — говорю я, прерывая их разговор.

Алиса смотрит на меня с некоторым разочарованием, но ей пора ужинать и готовиться ко сну. Я встаю из-за стола, и Андрей поднимается вслед за мной.

— Позволь мне отвезти вас домой. Я бы хотел убедиться, что вы доберетесь в безопасности.

— Не стоит, — отказываюсь, опасаясь, что это может смутить ребенка, а также вызвать лишние вопросы у соседей.

Он помогает Алисе спуститься с кресла, и его рука остается зажатой в маленькой ручке.

— Пожалуйста, можно он нас отвезет домой? — спрашивает хитрая лисичка с надеждой.

Я ловлю на себе насмешливый взгляд Андрея и сжимаю губы, а затем сдаюсь.

— Хорошо. Но только сегодня.

Мы расплачиваемся за заказ, и выходим из кафе, Андрей открывает дверь своей машины и предлагает Алисе сесть на заднее сиденье. Я опускаюсь рядом с ней, чувствуя нервное напряжение.

Надеюсь я сделала правильный выбор.

Андрей

Весь вечер я не мог отвести взгляда от дочери. Даже в конце, сидя за рулем машины, я то и дело отвлекался, поглядывая в зеркало.

Она была такой маленькой и хрупкой, и в то же время взрослой. Глядя на нее я просто не мог не думать обо всем, что пропустил.

Ее первые слова, первые шаги... Все это прошло мимо меня. Из-за Ани. Из-за того, что она решила, что я недостойн быть отцом Алисы.

Я бросил взгляд на бывшую жену, и снова испытал прилив раздражения.

Какого черта она так поступила?

Может я действительно был не лучшим мужем, может и правда последние пару лет нашей совместной жизни уделял ей мало внимания, но я не был полной мразью.

Я ни в чем ей не отказывал, дарил подарки, и ничего не требовал взамен. Так почему?

И все-таки нам предстоит об этом поговорить. Особенно учитывая то, что это не последняя моя встреча с дочерью.

Когда мы подъезжаем к дому ее тети, у меня снова сжимается сердце. Я паркуюсь и смотрю на дочь, которая играет с плюшевым зайцем, а затем снова на Аню, и она замечает это, вздрагивает, краснея, и отводит взгляд, наверняка вспоминая то, что было ночью. На моих губах появляется злая, почти издевательская ухмылка. Мне приятно, что я ее задел, но этого недостаточно.

— Нам нужно поговорить, — произношу я, когда на горизонте показывается тетя Ани, и малышка, радостно вскрикнув, бежит к ней.

Аня нервно собирает игрушки и карандаши, рассыпанные на заднем сидении машины. Ее руки дрожат, и она явно хочет как можно быстрее и дальше убраться от меня, вот только я не планирую ее так просто отпускать. Мы еще даже не начали.

— Не думаю, что это хорошая идея, — хмуро отвечает она, бросая в мою сторону настороженные взгляды, — В прошлый раз ты ясно дал понять, что не способен на адекватную беседу. Не хочу, чтобы меня снова заковали в наручники.

— Только не ври, что тебе не понравилось, — хмыкаю я, не сводя с нее хищного взгляда, — Я знаю, что ты думала об этом ночью, и думаешь сейчас. В этом ведь и проблема, верно? Тебе понравилось быть связанной, и это пугает и бесит тебя.

Ее глаза сверкают от ярости, и она презрительно выплевывает:

— Ты несешь бред, Громов. В этом проблема. Ты неуравновешенный и непредсказуемый, как дикое животное.

— И тебя это возбуждает, — это не вопрос — утверждение.

Я приближаюсь к ней, перекрывая ей выход из машины, и, бросив взгляд ей за плечо, вижу как тетя Ани уводит малышку в подъезд. Это хорошо. Теперь я могу не сдерживаться.

— Ты больной, — шепчет она, вжимаясь в сиденье, когда я нависаю над ней. Аня тяжело, прерывисто дышит, стараясь не смотреть на меня, и я наклоняюсь ниже, к ее уху.

— Это ты меня таким сделала, — шепчу я, — Если бы не твое вранье...

— Я бы все равно ушла от тебя! Даже если бы ты знал про Алису, я бы ушла, потому что

больше не могла выносить твоего безразличия! У нас не было будущего, Громов. Мне нужна была свобода. Постоянная необходимость встречаться все бы только усложнила.

— Так вот, почему ты решила ее скрыть? Потому что тебе так было проще? — со злостью выплевываю я, — Ты хоть понимаешь, что сделала? С Алисой, со мной? Из-за тебя она даже не знает кто я такой. И что, если бы твой отчим промолчал? Ты бы никогда ей про меня не рассказала?

Аня вспыхивает, собирается дать мне пощечину, но я с легкостью перехватываю сначала одну, а потом другую ее руку, и прижимаю к спинке сидения у нее над головой. Она рычит.

— Да! Я бы молчала до конца своей жизни! Я не хотела тебя больше видеть, хотела начать все с чистого листа, не думая о том, почему тот, кого я люблю, на меня больше не смотрит! И не вздумай снова говорить, что работал ради нашего блага! Я была намного счастливее, когда у тебя не было этой чертовой компании!

— Поэтому ты решила уничтожить то, что так ненавидела?! — я теряю контроль, повышаю голос, и она вздрагивает, как от пощечины, смотрит на меня круглыми глазами, и, кажется, даже не дышит. Я понимаю, что переборщил, и делаю медленный вдох, пытаюсь вернуть себе самообладание, а потом отпускаю ее, отстраняюсь, — Забудь. Я смирился со всем, кроме того, что ты лишила меня возможности быть ее отцом. Но теперь я не отступлюсь. Как бы ты этого ни хотела, я не позволю тебе лишать меня этого и дальше. Я буду проводить с ней время и заботиться о ней. С тобой или без тебя.

Вернувшись в дом родителей Ани, я захлопываю за собой двери, и бросаю ключи на стол.

Я все еще на взводе после нашего последнего разговора с ней. Злой как черт, и в то же время у меня такое чувство, будто меня ударили.

Я без конца прокручиваю в голове свою первую встречу с дочерью, и не могу перестать думать о том, что, если бы не Аня, все могло бы быть по-другому. Проклятье, все было бы иначе. Должно было быть.

Сняв пиджак, я бросаю его на кровать, и натываюсь взглядом на перевернутое ведро с несчастным фикусом. Земля рассыпана по полу, и из одной комнаты в другую тянется грязная дорожка, оставленная кошачьими лапами. Но, отчего-то, вместо того, чтобы разозлиться, я лишь беззлобно фыркаю и принимаюсь за уборку. Сначала собираю землю в ведро, и возвращаю туда остатки фикуса, а потом принимаюсь за пол и кошачий лоток.

У мамы когда-то были коты, так что я знаю, что ругать их бесполезно — только озлобятся и будут пакостить еще больше, а мне такого добра не надо.

Когда я насыпаю корм и наливаю свежую воду пушистому гаду, тот появляется из ниоткуда, и с царским видом направляется в сторону миски.

— Спасибо, что почтили меня своим присутствием, — фыркаю я, и направляюсь на кухню. В холодильнике почти ничего нет — не думал, что после разговора с Аней еще вернусь сюда. Все-таки в отеле было спокойнее: ни кота-засранца, ни загибающегося фикуса, ни воспоминаний.

Я остался из чистого упрямства, на зло Ане. Потому что знаю, не смотря на то, что она редко там бывает из-за отчима, ей очень дорог этот дом. Наверняка сама мысль о том, что я здесь, вызывает у нее раздражение. Уже одно это стоит того, чтобы терпеть любые неудобства.

Перед глазами по-прежнему стоял образ Алисы. Моя дочь. Моё маленькое чудо, о

существовании которого я узнал всего несколько дней назад.

Я ничего не знал о том, как быть отцом. Мой отец был паршивым примером. Бросил мою мать, ушел к другой женщине, завел с ней детей, и с тех пор не вспоминал обо мне, до тех пор, пока не узнал о том, чего я добился.

Когда я был ребенком, то решил, что ни за что не стану таким, как он. Что буду лучше. Буду рядом. Всегда.

И вот, у меня появилась дочь, и пять лет... Почти пять лет росла без меня.

Не получала подарки на новый год и дни рождения, не сидела на моих коленях...

Случилось именно то, чего я никогда не хотел, и Аня это знала.

Я смотрел на свой телефон, не зная с чего начать. Все встречи, переговоры и важные дела казались теперь мелочами. Все еще взвинченный, я открыл нашу переписку с ней. Прежде, чем я набрал сообщение, мой палец ненадолго завис над экраном.

«Как Алиса?»

Стоило набрать это, как я раздраженно сжал челюсти. Меня раздражало, что ради того, чтобы узнать о дочери, приходилось полагаться на Аню, но выбора не было. Вскоре экран телефона мигнул. Пришел ответ. Фотография.

На ней была Алиса, спящая в своей кровати, с постельным бельем с мультяшными героями. Ее светлые волосы разметались по подушке.

«Она спит».

Я уставился на экран, мои пальцы на мгновение замерли над клавишами. Я не хотел благодарить ее. Не собирался. Только не после того, что она сделала. И все же поблагодарил.

«Спасибо».

«У меня много ее фотографий».

Я проглотил комок в горле, прежде чем ответить.

«Покажешь?»

Нажав “отправить”, я ждал. А потом телефон мигнул снова и снова.

Десятки, сотни фотографий.

Алиса в роддоме, еще совсем маленький, сморщенный комочек с пушком вместо волос и браслетом на руке. Первые дни дома. Первые месяцы. Праздники. Прогулки.

Я видел, как она росла. Училась ходить и держать ложку. Как впервые читала азбуку, каталась на горке и на велосипеде.

На многих фотографиях она была с тетей Ани, либо же с самой Аней. И, глядя на них, я не мог не думать о том, что на них мог быть я.

В этот раз я не благодарил ее, только продолжал смотреть на экран телефона, чувствуя опустошение. — Почему ты не рассказала мне о ней? — спросил я в пустоту, но ответа не последовало.

Аня

Мои пальцы нерешительно скользят по экрану, затем останавливаются. Я знаю, что была слишком резка там, в машине. Что, каким бы мерзавцем он ни был, как бы ни обидел меня, я поступила хуже. Это было жестоко. Я знаю это, но не нахожу в себе сил сказать это ему. Вместо этого я просто выключаю экран и откладываю телефон в сторону, сделав глубокий вздох.

Погружаясь в свои мысли, я слышу звук входящего сообщения. Обернувшись к телефону,

я вижу новое сообщение от Андрея.

«Я не уйду. Я хочу быть частью ее жизни».

Я чувствую, как мое сердце колотится и каждый удар будто напоминает о прошлой боли. Мысли о том, что Андрей может вновь войти в мою жизнь, вызывали во мне страх. Я не хотела вновь переживать те муки, которые испытала, когда мы расстались.

Я была готова рискнуть ради Алисы, ради ее счастья, ради того, чтобы она выросла, зная, что у нее есть отец, который любит ее. Но я не была готова снова рискнуть своим сердцем.

Утро начинается с головной боли. В комнату проникают яркие солнечные лучи, заставляя меня прищуриться. С кухни доносится смех Лисенка и строгие наставления тети.

Вспоминая о времени, я понимаю, что уже опаздываю. Я быстро сажусь на край кровати и протираю лицо, пытаюсь прогнать остатки сна. Если я задержусь дольше, то точно опоздаю.

Одеваясь, я смотрю на часы, понимая, что времени остается все меньше и меньше. Вызываю такси и нервно жду его прибытия, чувствуя, как злость накатывает на меня. Злость на саму себя за то, что проспала и теперь мне придется потратить лишние деньги на дорогу.

Перед выходом я прохожу на кухню. Там вижу Алису, завтракающую с тетей. Она радостно машет мне ручкой, когда я вхожу в комнату, и я не могу удержаться от улыбки.

— Привет, малышка! Приятного аппетита!

— Спасибо, мама!

— Мне нужно уехать на работу, будь умничкой и слушайся тетю, хорошо? — я нежно обнимаю ее, и она радостно кивает.

— Хорошо!

К счастью, я добралась до офиса быстрее, чем думала, благодаря везунчику-водителю, который находился за рулем.

Когда такси припарковалось возле здания офиса, мой взгляд упал на знакомую машину, которую я бы точно не хотела видеть здесь, и мое сердце сжалось от неприятного предчувствия.

Глава 11

Аня

То, что именно он стал моим боссом, — точно издевка судьбы. Виктор — главный конкурент Андрея, а еще он — единственный, кто согласился дать мне работу без опыта. Я хоть и наивная, но не идиотка. Я прекрасно понимала почему он сделал это. Я знала, что для него это просто очередной способ позлить Андрея, но мне было все равно. Мне нужно было заботиться о дочери, мне нужна была эта работа... Даже если приходилось иметь дело с таким засранцем. Если бы меня спросили, знаю ли я кого-то хуже Андрея, я точно вспомнила бы его.

Он никогда не упускал возможности пофлиртовать, даже когда я была замужем. На съездах, куда меня иногда брал с собой Андрей, он всегда смотрел на меня нагло, и с неким вызовом. Неприятные воспоминания от его якобы случайных прикосновений, непристойных шуток и пристальных взглядов вызывают лишь отвращение.

Проходя через холл, я замечаю удивленные взгляды коллег. Они шепчутся, переглядываются. Чувствуется, что что-то произошло, но я решаю не обращать на это внимания. Все это, наверное, из-за Виктора. Босс не часто радуется своим присутствием.

Я усаживаюсь за стол и пытаюсь сосредоточиться на работе. Ладони отчаянно липнут к мышце, а глаза устало пробегают по тексту на экране. От работы меня отвлекает звонкий перестук каблучков по мраморному полу.

Поднимаю глаза и вижу, что ко мне подходит моя коллега, которую я встречала всего пару раз. Она немного смущенно смотрит на меня.

— Аня, Виктор хочет, чтобы вы зашли к нему в кабинет, — проговаривает она, и я чувствую, как мое сердце замирает на мгновение.

Я знаю, что не могу отказаться. Это его офис, его компания. Я только киваю головой и встаю, собирая свои вещи. Встаю, отряхиваюсь и подхватываю сумку.

Постучав в дверь, я захожу в просторный кабинет. Воздух здесь как всегда наполнен ароматом дорогого одеколона и кожи. Такой тошнотворный, что у меня кружится голова.

— А, Анна, проходи, — он улыбается, его взгляд, полный нескрываемого интереса, впивается в меня, изучает, анализирует. Уверена, для него не секрет, что я его ненавижу, но я все равно натягиваю на лицо вежливую маску, имитируя уважение. Не прикопаешься.

— Вы хотели поговорить со мной? — спокойно спрашиваю я.

Он откидывается на спинку своего дорогого кожаного кресла, сверкая зубами, и его улыбка не предвещает ничего хорошего.

— Знаешь, Аня, — начинает он, и мне становится неприятно от того, как он произносит мое имя, — Ты очень красива. Я никогда не скрывал моего к тебе отношения.

Я отвечаю натянутой, фальшивой улыбкой, стараясь не показывать своего раздражения. Он ненадолго замолкает, как будто ждет моей реакции, но я упорно продолжаю молчать.

— Мне нужно, чтобы ты сопровождала меня на важном мероприятии сегодня вечером, — произносит, и я чувствую, как мое сердце проваливается. Я напрягаюсь, понимая, что ничего хорошего на этом мероприятии меня не ждет.

— Извините, но я не вполне понимаю, как это касается моих обязанностей, — выдыхаю, стараясь унять дрожь в пальцах. У меня нет ни малейшего желания идти с ним

куда-то, да и плохое предчувствие кричит, что ничем хорошим это не закончится.

И все-таки это не предложение. Не просьба. Скорее приказ.

Я поняла это по ненавистному блеску в его глазах и ухмылке победителя. Дрожа от злости, я пыталась взять себя в руки.

— Все просто. Мне нужно, чтобы ты там была со мной.

“И ты это сделаешь”.

Он не произносит этого, но эта фраза читается между строк, в его самоуверенной позе. Проклятье! Как будто мало мне проблем!

Сколько раз я представляла, как сотру с его лица эту мерзкую улыбку! Сколько раз хотела расцарапать ему лицо, отомстить за все скрытые домогательства! Но я знала, что, стоит мне сделать это, я потеряю работу. И, зная Виктора, новую мне найти будет после этого очень тяжело, если не невозможно.

И все-таки я делаю еще одну попытку отказаться.

— У меня много работы. В первую очередь я должна разобраться с текущими проектами.

Он усмехается и откидывается назад, заложив руки за голову.

— Стоит мне сказать слово, и эти проекты перейдут другому человеку, — его голос звучит уверенно и непреклонно, — Если хочешь, можешь считать это очередным проектом.

Я до боли руки в кулаки, вдавливая ногти в кожу на ладонях, и глубоко дышу, стараясь взять себя в руки. Ответить что-то ему. Что-то умное. Что-то, что заставит его остановиться и подумать. Но у меня нет идей. Я знаю, что никакие мои слова не заставят его передумать.

— Но сопровождать вас на личных мероприятиях не является частью моей работы.

Он смотрит на меня со смесью удивления и раздражения. Но мне необходимо установить границы и защитить себя.

— Ты всегда была такой упрямой... — произносит он, и его голос звучит менее самоуверенно, — Но не думай, что ты можешь отказаться от моей просьбы без последствий.

Я чувствую, как мое сердце ускоряется, но не поддаюсь его попыткам запугать меня.

Он встает из своего кресла и приближается ко мне. А потом останавливается так близко, что я чувствую его дыхание на своей коже.

— Ты играешь с огнем, — шепчет он, и я чувствую в его голосе нотки угрозы, — Надеюсь, ты готова справиться с последствиями...

— Я не готова ходить с вами на личные мероприятия, — упрямо повторяю я, — У меня дома маленькая дочь, которой я нужна, и это выходит за рамки моих обязанностей.

— Я дам тебе шанс, Аня. Последний. Сегодня вечером за тобой приедет водитель. Если откажешься, то завтра можешь не выходить на работу.

Я чувствую, как все во мне сжимается от злости. Он снова использует свою власть и авторитет, чтобы контролировать меня.

— Отлично. Не подведи меня, и, может быть, я начну ценить твои усилия, — в его словах очевидный намек, но я не собиралась становиться чьей-то содержанкой. Красивой вещью, от которой избавятся, как только она надоеет.

Не глядя на него, я направляюсь к двери. Напряжение, повисшее в воздухе, становится удушающим. Покинув его кабинет, я чувствую на себе взгляды коллег. Они шепчутся, переглядываются, и я меня тошнит от их внимания. От того, что все вокруг знает что здесь происходит. Но я не собираюсь позволить им увидеть свою слабость или отчаяние.

Собрав волю в кулак, я возвращаюсь к своему рабочему месту, медленно опускаюсь на стул, пытаюсь взять себя в руки. Мне нужно сконцентрироваться на работе, и ни на чем больше. Но его слова все еще звучат в моей голове.

"Сегодня вечером за тобой приедет водитель. Если откажешься, то завтра можешь не выходить на работу".

Когда рабочий день подходит к концу, я встаю, подхватываю свою сумку и направляюсь к выходу, оставляя позади шум и беспорядок.

Дома меня с порога встречает тетя. Она держит в руках коробку.

— Курьер был, — говорит она, — Принес что-то для тебя.

Удивленно моргнув, я беру коробку в руки, и взвешиваю. Она легкая и кажется совершенно безобидной. Открыв ее, я нахожу потрясающее красное платье. Мягкое, бархатное, именно моего размера. Оно выглядит невероятно элегантно и дорогим.

Касаясь ткани, я невольно улыбаюсь, до тех пор, пока не обнаруживаю записку. Стоит мне ее прочитать, как на меня волнами накатывает отвращение, и я отталкиваю коробку в сторону, будто чумную.

"Надеюсь, тебе понравится это платье. Жду тебя сегодня вечером".

Он все равно решил играть по своим правилам.

Я чувствую, как во мне растет раздражение, но понимаю, что у меня нет выбора. Это не просто приглашение, это условие моего продолжения работы. Слишком многое на кону, чтобы отказываться. Я не могу потерять эту работу.

Мне придется пойти, и быть милой с этим гадом, даже если я сотру зубы в пыль, скрывая ненависть за улыбкой. Я буду милой и буду терпеть, даже если меня будет тошнить от его близости.

— Ты в порядке? — тетя застывает на пороге комнаты и смотрит на меня с нескрываемым беспокойством.

Я улыбаюсь и киваю. Не хочу втягивать ее в это, потому что она точно скажет, что мне нужно уволиться. Что это не страшно. Что мы справимся, если подтянем пояса, пока я не найду новую работу. Но вся правда в том, что наши пояса уже затянуты.

— Да, все хорошо, меня пригласили на вечер. Это по работе. Она поднимает брови в немом вопросе, ожидая подробностей.

— Я обещала Алисе сходить в кино. Ты... Ты сможешь сходить с ней вместо меня?

Я ненавижу огорчать ее. Ненавижу себя за это. И меня накрывает новой волной ненависти к Сергею.

Она настороженно смотрит на меня.

— Аня, ты уверена, что это хорошая идея? Что-то ты не выглядишь счастливой — спрашивает она, складывая руки на груди.

Я улыбаюсь и киваю.

— Да, все хорошо, просто... Не хочу, чтобы она расстраивалась.

Но она не верит мне. Тетяслишком хорошо знает меня.

— Я знаю тебя с пеленок. Не пытайся обмануть меня, — она смотрит на меня строго, совсем как в детстве, и я чувствую, что не смогу от нее что-то скрыть.

Мне... — начинаю я, глотая комок в горле, — Мне придется идти туда... С Виктором.

Ее глаза расширяются от удивления, и она даже отступает на шаг назад.

— Ты имеешь в виду того самого... — начинает она, но я поднимаю руку, останавливая ее.

— Если ты говоришь о самом большом вонючем засранце, то да, про него. У меня нет выбора, тетя, — говорю я, и в моем голосе слышна усталость, — Если я откажусь, я могу потерять работу.

Она смотрит на меня с сочувствием и осуждением, качая головой.

— Это не звучит как работа.

— Я знаю, — говорю я, — Это всего на один вечер. Мы там будем не одни. Я не собираюсь оставаться с ним наедине, если ты об этом.

Я вижу, как она сжимает губы, и знаю, что она сопротивляется, но в конце концов кивает.

— Хорошо, но будь осторожна, Аня. Кто знает что у этого ублюдка на уме.

Подъезжая к одному из самых дорогих ресторанов в городе, я сжимаю руки в кулаки, оставляя складки на кошмарно дорогом платье. Я уже давно не была на подобных мероприятиях, и чувствую, как мои нервы начинают понемногу сдавать. Всё это — как аттракцион, на который меня посадили против воли.

Когда я выхожу, Виктор подходит ко мне, и я с трудом подавляю желание отстраниться. Он берет мою руку, припадает к ней своими губами с той же самодовольной улыбкой на лице. Его прикосновения, взгляды и и каждое слово, которое он говорит, вызывают во мне лишь отвращение, и только усиливают мое желание сбежать.

— Ты сделала правильный выбор, Аня, — произносит он, и я до скрипа сжимаю зубы, повторяя себе, ради кого я все это терплю, и молю бога, чтобы этот мерзкий вечер закончился как можно скорее.

Когда мы входим в ресторан, он ведет меня к столу, где уже сидят некоторые из его деловых партнеров. Они выглядят как хищники, безупречно вписавшиеся в этот клуб элиты.

Вечер проходит как в тумане. С каждой минутой мне становится все сложнее улыбаться, и поддерживать беседу. Время будто замедляется, каждая минута кажется вечностью. Музыка, играющая в зале, становится моим единственным утешением. На мгновение я закрываю глаза, позволяя себе утонуть в мелодии, но Виктор не дает мне расслабиться.

— Сейчас к нам присоединится еще один гость, — говорит он, и я сразу замечаю изменение в его голосе.

Я поднимаю глаза и замечаю, как в дверях ресторана появляется Андрей. Его глаза встречаются с моими, и я вижу в них нечто большее, чем просто недовольство. Он зол. Настолько, что даже воздух вокруг него становится накаленным.

Когда Андрей подходит к столу, я чувствую как мое сердце ускоряется. Он улыбается, но его улыбка больше похожа на оскал, и я чувствую, как этот и без того мерзкий вечер превращается в кошмар.

Моя кожа покрывается мурашками, и, пока Виктор не видит, я бросаю на него раздраженный взгляд.

Стоило сразу догадаться зачем этому выродку понадобилось тянуть меня сюда. Хотел покрасоваться мной, словно куклой, и заодно позлить своего главного конкурента.

Что ж, у него это получилось.

Андрей снова смотрит на меня, как в первый день, в отеле, когда я сбежала от него, и теперь мне снова хочется сделать это, хоть сейчас мы и не одни.

Он садится напротив, не обмениваясь ни словом с Виктором, все его внимание сосредоточено на мне, отчего мне хочется провалиться под землю. Я чувствую себя кроликом, что попал в пасть к удаву. Казалось, что Андрей с легкостью проглотит меня, как кусок стейка, который только что отправил в рот, и не подавится. А все из-за их дурацких игр.

Я пытаюсь улыбнуться, но выходит совсем неправдоподобно. Теперь, когда здесь еще и Андрей, я чувствую себя как в ловушке, и начинаю обдумывать пути отступления.

Проклятье! Что мне делать?

Сделать вид, будто мне нужно в туалет, и сбежать через окно? Сыграть отравление?

Обморок? Сделать вид, что дома начался пожар?

Один вариант хуже другого, да и фиговая из меня актриса. Раскусят и только посмеются. Еще и босса разозлю, а он и в хорошем настроении не подарок.

Черт! И угораздило же меня влезть между этими психопатами!

— Андрей, неожиданное удовольствие видеть тебя здесь... — с издевательской улыбкой произнес мой непосредственный начальник.

— Взаимно, — сухо ответил ему Андрей.

Кивнув, Виктор поворачивается к своим деловым партнерам, начиная беседу. Андрей молчит, его взгляд прикован ко мне, вызывая у меня нестерпимое желание сбежать.

Проходит несколько мучительно долгих минут, прежде чем Виктор обращается ко мне.

— Ты великолепно выглядишь сегодня. Я уже говорил тебе об это? — говорит он, обращаясь ко всем присутствующим, и я вижу, как на лице Андрея играют желваки, — Андрей, не правда ли, Аня выглядит потрясающе?

Господи, он спятил.

Он точно ненормальный.

Так, в открытую перед всеми, провоцировать ... Даже я не могла сказать чем это закончится.

Я благодарна длинной скатерти за то, что она скрывает от всех то, как я нервно мну платье под столом. Если бы это кто-то увидел, я бы точно умерла от стыда.

Когда Андрей наконец заговаривает, его взгляд меняется. Он становится обжигающим, как в тот день, когда он приковал меня к кровати, и я чувствую, как мое лицо становится пунцовым, а кожа покрывается мурашками совсем не от страха:

— Да, она всегда выглядит потрясающе, — хрипло произносит, а в следующий миг я забываю о том, как дышать, чувствуя как его горячие пальцы касаются моего колена под столом.

О боги.

Этого никто не замечает, но я все равно готова провалиться под землю от стыда, и сгореть от нарастающего возбуждения. Особенно когда его пальцы начинают скользить вверх по моей ноге, задирая юбку все выше и выше, но не пересекая черту.

Он дразнит меня. Соблазняет. Но в то же время не делает ничего неприличного.

Он сводит меня с ума. Но худшее в этом то, что мне это нравится.

После всего, что он сделал, я должна испытывать отвращение, но во мне нет ни капли этого. Черт возьми, так было с самого начала. В отеле, когда он прижал меня к двери, в квартире родителей, когда пристегнул меня наручниками к кровати, потом, когда писал те проклятые сообщения, заставляя меня... Даже думать об этом не хочу! После — в машине, и вот сейчас, когда он так нагло соблазняет меня, а я даже не думаю отодвинуться.

Похоже я действительно свихнулась.

Наверное все дело в том, что у меня давно не было секса.

С появлением Алиски мне было совсем не до того. Не было ни сил, ни времени, ни подходящего человека рядом. И вот теперь — пожалуйста, готова расплавиться от рук бывшего, изменника, лжеца и психа.

Судорожно втянув носом воздух, я встаю из-за стола, не думая о том, как отреагирует Виктор. Да и, если честно, сейчас меня это совершенно не волнует.

Как бы это его ни разозлило, мне нужно убраться отсюда, хотя бы на пять минут, чтобы собрать остатки своей гордости и самообладания, прежде чем вернуться. К счастью или нет,

в тот же момент у меня звонит телефон.

— Прошу прощения, — говорю я, вытаскивая телефон из сумки. На экране мерцает имя "Лена", — Мне нужно ответить.

В глазах босса сквозит раздражение, но он не может мне запретить, устроив скандал... только не перед кучей важных людей из его бизнеса.

Я выхожу на террасу, и вечерний воздух мгновенно охлаждает мои щеки. Ветер легонько трепает мои волосы, выбивая пряди из идеальной прически, и я вытаскиваю из нее шпильки, от которых у меня уже гудит голова.

— Лена, ты не представляешь, как я рада, что ты позвонила, — шепчу я, чувствуя облегчение, — Ты буквально меня спасла.

— Все так плохо? Знаю, ты не в восторге от Виктора...

— И это еще мягко сказано, — вздыхаю я, глядя на полную луну, — Он угрожал мне увольнением, если я не пойду.

— Знаю, потому и позвонила. Как ты?

— Не считая того, что я вынуждена ходить как собачонка за самым большим засранцем, пока неподалеку вертится мой бывший муж?

— Да, прости, глупый вопрос. Хочешь заберу тебя отсюда? Сыграю на публику, мол твою тетю увезли на скорой и ты срочно нужна в больнице?

Я насмешливо фыркаю, и не смотря на всю паршивость ситуации, на моих губах появляется улыбка.

— Не думаю, что Виктор купится на это. К тому же, если он узнает, что все это — ложь, тебе тоже попадет.

Она со вздохом соглашается, и говорит, чтобы я была осторожна. Я как раз собираюсь ответить, как вдруг замечаю приближающуюся фигуру, и замираю на месте.

— Аня? Ты слушаешь меня? — с тревогой в голосе спрашивает подруга.

— Да, Лена, я здесь.

— Все в порядке? У тебя странный голос...

— Да, все хорошо, — быстро отвечаю я, не желая втягивать во все это Лену, — Мне просто нужно...идти. Я перезвоню тебе позже, хорошо?

Когда я сбрасываю вызов, мое сердце бьется так быстро, что становится трудно дышать. Я поворачиваюсь и начинаю идти вдоль террасы, стараясь не бежать.

Когда я подхожу к двери, Андрей хватает меня за руку и резко разворачивает к себе.

Его взгляд прожигал меня, заставляя все тело покрываться мурашками, и даже я не знала что было тому причиной: страх или желание.

Тяжело дыша, я задираю голову и смотрю на него с вызовом, не смотря на то, что у меня слегка подрагивают колени.

— Какого черта... — начинаю я, но он прерывает меня.

— Ты что, думаешь, это такая игра, Аня? — хрипло произносит он, удерживая мою руку. Я пытаюсь освободиться, но его хватка только усиливается, и я сдаюсь.

— Я понимаю, что ты пытаешься сделать, — продолжает он, и его голос звучит на удивление спокойно, — Но этого достаточно.

— Отпусти меня, — шепчу я, чувствуя, как страх и гнев смешиваются с чем-то еще, вызывая неприятное ощущение в груди.

— Ты думаешь, что это все очень просто, да? — он наклоняется ко мне, заставляя меня отступить. — Что ты можешь просто прийти и уйти, как будто ничего не произошло?

— Понятия не имею что ты несешь! Как по мне, так ты — единственный, кто здесь играет! — я повышаю голос, стараясь звучать грозно, но не могу скрыть нарастающую дрожь.

— Тебе так кажется? — спрашивает он, обжигая горячим дыханием чувствительную кожу у меня за ухом, — А если я скажу, что это не игра?

Когда он смотрит на мои губы, я чувствую себя пойманной в клетку добычей.

— Я тебе не поверю. Какого черта ты устроил там, в зале? Хотел унижить меня? — тихо рычу я.

— Мне показалось, что тебе понравилось.

— Тебе показалось, — бурчу, и вздрагиваю, когда он замирает в нескольких миллиметрах от моих губ, — Что ты делаешь?

— Доказываю тебе обратное...

Андрей уводит мою руку вверх. Сначала одну, затем другую, припечатывая их к стене крепко, но не больно. Нависнув надо мной, он шумно выдыхает, а затем с жаром целует в губы, вырывая из моей груди приглушенный стон. Его вторая рука скользит по моему телу, заставляя мои щеки пылать, а колени — слабнуть.

Как и в прошлый раз, он помнит все мои эрогенные зоны, играя на них, как на струнах, делая меня податливым инструментом в своих руках.

Не знаю, на кого сейчас я злюсь больше: на него или на собственную слабость...

Когда он опускается ниже, его зубы слегка прикусывают кожу на моей шее, я судорожно вздыхаю и отклоняю голову в сторону, позволяя ему взять больше. Я понимаю, что проиграла. Сдалась, даже не сражаясь, отдаваясь его рукам и губам. Я ненавижу себя за это, но это не мешает мне хотеть большего. Хотеть его. Всего.

— Черт, ты такая красивая... — хрипло шепчет он, — Как только увидел тебя рядом с этим подонком, захотелось его разорвать. А потом украсть тебя с этого вечера, и сорвать с тебя это чертово платье... Что же ты делаешь, маленькая?

Я прижимаюсь затылком к стене, пытаюсь восстановить дыхание, и вижу в его глазах боль и решимость.

— Я не могу это больше терпеть, Аня. Я не могу просто смотреть, как ты... — его голос срывается, и он не договаривает. Я отвожу глаза, и шепчу:

— Отпусти.

Я даже думать не хочу о том, что будет, если нас кто-нибудь увидит. Особенно Виктор. Он будет в бешенстве.

А еще меня скорее всего уволят.

Но, что-то мне подсказывает, если я скажу об этом Андрею, кому-то сегодня точно набьют морду, и это никак не поможет мне избежать увольнения.

— Пять лет назад отпустил. В этот раз я не буду таким идиотом. Его шепот заставляет меня дрожать, но совсем не от страха.

Господи... Не смотря на всю мою ненависть и на горечь обиды от измены, иногда я мечтала услышать эти слова... Но это было неправильно.

— Андрей, мы не можем... — я покачала головой, уперевшись ладонями в его крепкую горячую грудь, и вздрогнула, почувствовав, как сильно бьется его сердце.

Я не ожидала этого.

— Еще как можем... — тихо выдыхает он с хрипотцой, и я... Черт возьми, мне больше всего на свете хочется забыть обо всем. Просто забыть обо всем и поддаться соблазну. Но

мне слишком страшно.

Я боюсь остаться без работы. Боюсь снова нырнуть в этот омут с головой, и пожалеть.

— Ты не понимаешь... Я должна идти.....

— К этому ублюдку?

Запрокидываю голову и раздраженно выпускаю воздух сквозь сжатые зубы.

— Да, к этому самому ублюдку! Думаешь, я не могу о себе позаботиться?

Его взгляд темнеет, но он не делает ни шагу в сторону.

— Да, именно так я и думаю. Иначе ты не пришла бы сюда с ним.

Вместо ответа я упрямо молчу, кусая губы.

Он видит меня насквозь, и меня это бесит... Или заводит.

Черт возьми, я уже не понимаю саму себя.

Ненавижу то, какой беспомощной становлюсь рядом с ним. Чувствую себя маленькой девочкой среди волков. Хотя, учитывая мое положение в их обществе, именно ею я и являюсь.

Во тишине я слышу знакомые шаги. Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы знать, что это Виктор. Сквозь нервное возбуждение Андрей тоже его узнаёт. Его тело напрягается, и он быстро поворачивается ко мне.

— Уходи, — хрипло произносит он, и я почти физически ощущаю исходящую от него угрозу. Вот только направлена она не на меня.

— Что... — растерянно начинаю я, но он перебивает меня, и в его голосе прорезаются стальные нотки.

— Уходи, Аня. Сейчас.

— Не знаю, что ты задумал, но я не собираюсь...

— Не сейчас, — отрезает он, — Просто уходи.

Сплотнув, я неуверенно поворачиваюсь и начинаю отходить, чувствуя на себе взгляды мужчин.

Андрей стоит на месте, и следит за мной до тех пор, пока я не скрываюсь из виду.

Моё сердце в панике бьется о ребра. Я знаю, что Андрей способен на многое, но в этот раз он кажется настолько злым, что я почти боюсь... Нет, не за Виктора, а из-за того, что сейчас может произойти.

Глава 13

Тяжело вздохнув, я обхватываю себя руками в попытке уберечься от холода, и бреду вдоль по улице, повторяя себе, что, что бы ни случилось между Виктором и Андреем, меня это не касается. У меня и без того предостаточно проблем. И все-таки я не могу об этом не думать.

От одной только мысли об этом к горлу подступает тошнота.

Нет. К черту. К черту их обоих.

Так больше не может продолжаться. Я найду выход, обязательно найду. Я проработала в фирме достаточно, чтобы меня взяли куда-нибудь еще.

Мои шаги отдаются эхом по темной пустынной улице, как вдруг ее освещает свет фар, отражаясь в мокром асфальте... Автомобиль останавливается, и я вижу в салоне знакомое лицо.

Андрей.

— Аня, — зовет он меня. Голос спокоен, но я чувствую, что что-то не так, — Садись в машину, я отвезу тебя домой, — добавляет он, но я застываю на месте, под мелким дождем, и смотрю на него. Ветер сдувает с моего лица слезы, оставляя холодные следы на щеках.

— Нет,

Мой голос дрожит, но я уверенно смотрю ему в глаза.

Я не знаю, что он скажет или сделает дальше, но знаю одно: в эту ночь я готова сражаться за свое право выбирать сама.

— Я доберусь сама, — добавляю я, и вижу как в его глазах отражается неподдельное удивление.

— Что? Аня, что за детский сад? — спрашивает он, вскидывая брови, — Ты уже вымокла. Хочешь заболеть?

Я сжимаю губы и упрямо отворачиваюсь, отказываясь признать его правоту. Мой взгляд скользит по улице, по мокрым брусчаткам, по мерцающим огням города. Когда он выходит из машины, и останавливается в шаге от меня, я смотрю на его блестящие туфли, мокрые от дождя, и чувствую, как мое сердце сжимается от воспоминаний о том, что мы делали сегодня. О том, что я позволяла ему делать.

— Я идиотка, да? — всхлипнув, спрашиваю я, обхватывая себя руками.

Он качает головой. В его взгляде мелькает сожаление.

— Ты не идиотка

— Нет. Идиотка. Потому что, когда ушла от тебя, поверила, что чего-то стою. Что я могу постоять за себя. Могу позаботиться о дочери. Что я — не просто кукла, что целыми днями сидит дома и ждет твоего возвращения... И Вот теперь...

Я не собиралась плакать при нем. Честно не собиралась. Не хотела быть ничтожной, как в тот день, когда решила уйти от него. Но я не смогла сдержаться.

Всхлипнув, я почувствовала, как по щекам текут горячие слезы.

— Он был единственным, кто согласился дать мне работу. Я не обольщалась. Я всегда понимала, что он сделал это только для того, чтобы разозлить тебя, но у меня не было выбора. Я должна была найти работу. Мне нужны были деньги. И я пошла работать к нему, зная, какой он урод.

— Ты могла обратиться ко мне. Могла рассказать мне все, — хрипло прошептал он, но я

только покачала головой.

— Нет. Ты не понимаешь. Ты никогда ни от кого не зависел. Я хотела хоть что-то в жизни сделать сама. Но теперь у меня нет даже этой паршивой работы... Зачем ты вмешался?

— Аня, я просто хотел...

— Защитить меня? Я не просила тебя об этом.

Он молча смотрит на меня, и я уже готова повернуться и уйти, как вдруг я поднимаю глаза, и замечаю кровь на его руке. Мой взгляд скользит к его лицу, я замечаю синяк под его глазом, и шумно выдыхаю.

— Что случилось? — тихо спрашиваю я, стараясь сохранить внешнее спокойствие. Он ловит мой взгляд и прячет руку в карман пиджака.

— Ничего особенного.

— Андрей, тебе нужно в больницу.

Он качает головой. Я вздыхаю, понимая, что не могу оставить его здесь.

— Руку нужно осмотреть. Возможно зашить. Крови довольно много.

Я собираюсь добавить что-то еще, переубедить его, но он останавливает меня, обхватив мое лицо ладонями.

— Все в порядке. Это всего лишь царапина..

— Да нет же... Я видела... — говорю я, пытаюсь перехватить его руку, но у меня не выходит.

— Тебе показалось, — спокойно отвечает он, оставляя легкий поцелуй у меня на лбу, а затем улыбается — Но мне очень приятно, что ты за меня волнуешься.

Его слова заставляют меня нахмуриться.

— Кто тут за тебя волнуется? — раздраженно фыркаю я, отворачиваясь, чтобы он не видел мои горящие щеки, — Просто не хочу, чтобы ты пугал Алису своим видом при следующей встрече.

Конечно это ложь, но упрямство не дает мне признаться в этом. Упрямство и страх того, к чему может привести это беспокойство за Андрея.

Но, вместо того, чтобы обидеться или разозлиться, этот засранец рассмеялся.

— Ты. И, если правда так переживаешь за меня, можешь обработать царапины. В машине есть аптечка.

Первым порывом было послать его и отказаться. Наверное так было бы правильно. Так и стоило поступить. Но я не смогла. Вместо этого, подавив раздражение, я вздохнула и согласилась.

Когда за нами закрывается дверь машины, дождь усиливается, превращаясь в ливень. Стучит по окнам, омывая их водой, и превращая внешний мир в одно размытое пятно.

Мы сидим напротив, я кладу аптечку себе на колени, и Андрей включает свет в салоне, а затем протягивает мне сухое полотенце.

— Лучше оставь для руки, — говорю я, но в ответ он только качает головой.

— У меня есть еще. Держи.

Смущенно поблагодарив, я промакиваю лицо, волосы и руки, а затем принимаюсь за дело.

Первым делом я осторожно промываю рану перекисью, стараясь не смотреть на Андрея, и осматриваю его руку.

Тут он не соврал рана действительно не такая страшная, как мне показалось с самого

начала. И все-таки ее не помешает обработать.

Все это время я чувствую на себе внимательный, задумчивый взгляд, чувствую его запах, такой знакомый, с древесными нотками, и стараюсь убедить себя в том, что меня это ни капельки не волнует. Но это ложь.

Мы находимся в тишине, только звук нашего дыхания и его периодическое приглушенное шипение нарушают эту тишину.

Закончив с обработкой раны, я накладываю на нее повязку и закрываю аптечку.

— Ну вот и все. Завтра обязательно сходи к врачу. Я тянусь к дверце машины, собираюсь уйти, но он хватает меня за руку и тянет на себя. Я вздрагиваю от неожиданности и в следующий миг нависаю над ним, упираясь ладонями в крепкий пресс под его промокшей рубашкой. Его глаза встречаются с моими, и мои губы оказываются в сантиметре от его губ. Его шумное, горячее дыхание касается моей кожи, и я понимаю, что сама почти не дышу..

— Что ты делаешь?.. — шепчу я.

Он будто не слышит, глядя на меня затуманенными глазами.

Я собираюсь сказать еще что-то, но он накрывает мои губы неожиданным страстным поцелуем.

На мгновение я застываю от неожиданности, а затем из моей груди вырывается приглушенный стон, и с жаром отвечаю на поцелуй. Во мне снова пробуждается желание, которое я так долго старалась подавить. Мои пальцы зарываются в его темные мягкие волосы, и я забываю обо всем, позволяя себе раствориться в моменте.

Я чувствую, как его мускулистые руки оказываются на моих бедрах, страстно прижимая меня к своему телу. Теплота его тела проникает сквозь мокрое платье, заставляя меня стонать.

Его губы на миг отрываются от меня и смыкаются на моей шее, заставляя мою кожу гореть. С каждой минутой его поцелуи становятся более требовательными, а прикосновения — более уверенными. И в этот момент мне становится ясно, что все, что происходит между нами, нельзя остановить. Но, что важнее, я не хочу это останавливать.

Дура! Какая же я дура! Как так получилось, что всего за несколько дней я угодила в его ловушку?

Зачем он это сделал? Зачем снова заставил подпустить к себе, довериться? Зачем бередить давно угасшие чувства?

Простонав, я падаю на подушку, лицом вниз. Такой беспомощной я себя не чувствовала уже давно. Как я могла позволить ему зайти так далеко?

У меня до сих пор колотится сердце.

Оторвав лицо от подушки, я дрожащими пальцами касаюсь горящих губ, все еще чувствуя послевкусие от его поцелуя.

Это неправильно. Этого не должно было случиться. Я не должна была подпускать его так близко. И тем не менее... Моя кожа все еще сохраняет его запах, от которого меня накрывают воспоминания о том, что было в машине.

Мне хочется сбежать от всего, забыть о том, что произошло. Весь ужас был в том, что глубоко внутри я ни капли не жалела о том, что случилось. Мне было хорошо с ним. Мне нравилось, как он касался меня, как смотрел на меня своими темными глазами, полными желания. Как кусал и посасывал мою кожу, покрывая ее поцелуями, будто в жизни не пробовал ничего вкуснее. Как я стонала и извивалась под ним, словно кошка, с каждым прикосновением и поцелуем подавалась вперед, желая большего.

Мне было мало. Господи, в какой-то момент я была готова сама наброситься на него, и я это сделала. Толкнула его так, чтобы он откинулся на сидении, и оседлала его.

Даже не знаю, что заставило нас опомниться, и добраться до дома родителей, прежде чем продолжить. Кажется Андрей не хотел, чтобы нас кто-то увидел, потому что в тот момент мне было абсолютно все равно. Я хотела почувствовать его в себе. Хотела забыть о том, как потеряла работу. Об унижении, которое испытала, когда поняла, что Виктор не примет моего отказа.

Чем бы закончился этот вечер, если бы не Андрей?

Сомневаюсь в том, что Виктор так просто отпустил бы меня. Не после того, как с угрозами притащил меня на этот вечер и потратился на платье.

Возможно он не стал насиловать меня, но вряд ли позволил бы остаться в компании после отказа. Такие, как он, не умеют принимать отказ. Да и им обычно не отказывают.

Может если бы я была другой... Корыстнее, наглее и безпринципнее, я бы использовала его нездоровую тягу ко мне себе на пользу. Я была бы точно такой же, как другие женщины Виктора, довольствуясь недолгим вниманием и дорогими подарками, но мне все это было не нужно. Никогда не было. Ни от него, ни от Андрея.

Я любила его еще задолго до того, как он стал успешным и богатым владельцем одной из самых крупных рекламных компаний. Тогда, когда он был просто Андреем.

И в тот миг, потеряв голову в машине, он ненадолго снова стал самим собой в моих глазах. Тем, кого я знала и любила всю свою жизнь. Тем, ради кого я когда-то была готова на все. Тот, память о ком заставила меня оставить Алису, и тот, чье отражение я каждый день видела в глазах дочери.

Едва ступив за порог, мы едва не снесли тумбу и все еще содержимое в коридоре, а еще, кажется, сбили несколько магнитов с холодильника, и один из них разбился, но я об этом

даже подумать не успела, когда Андрей снова прижал меня к себе, захватывая мои губы в жаркий плен.

В какой-то момент со стены упала картина. Мое платье осталось там же, неподалеку от разбитой рамы, как и рубашка Андрея, и мы упали на кровать. Ту самую, к которой он меня в прошлый раз приковал.

Воспоминания об этом должны были вызвать у меня раздражение или злость, вот только их не было. Я не чувствовала ни того, ни другого. Только приятное волнение, смешанное с предвкушением.

Андрей будто прочел мои мысли. Я видела, как в его глазах зажегся опасный огонек, и уголок его рта поднялся в намеке на улыбку.

Глядя мне просто в глаза, он мягко, но решительно поднял мои руки над головой и прижал их к кровати.

— Ты ведь ждала этого, правда? — хрипло прошептал он мне на ухо, обжигая чувствительную кожу жарким дыханием.

Я почувствовала, как кровь приливает к моему лицу и ушам, а затем закипает во всем теле, концентрируясь где-то внизу живота, и закусила губу, чтобы не застонать, прежде чем он меня коснется.

— Не придумывай, — хрипло прошептала я в ответ, прикрывая глаза, когда он прикусил нежную кожу за ухом, и слышала его тихий, искренний смех. Он разошелся мурашками под моей кожей, и с моих губ сорвалось тихое, прерывистое дыхание.

— Обманщица... — улыбнулся он, продолжая исследовать мое тело губами, зубами и языком, будто пытаюсь добраться до самой сладкой его части, — Готов поспорить, это тебя заводит. Тебе ведь нравится, когда я полностью контролирую ситуацию, как сейчас?

Я не отвечала, сжимая пальцами простыни, насколько это вообще позволяло мое положение, и изо всех сил старалась сохранить остатки рассудка. Андрей воспринял это как очередной вызов.

С каждой секундой его прикосновения становились все требовательнее, жарче, страшнее. Он сводил меня с ума, доводил до исступления. Это было похоже на пытку. Сладкую, мучительную пытку...

— Ну же, Аня, в этом нет ничего сложного. Просто будь честной. Скажи мне правду... — шептал он, пока его губы, зубы и язык дразнили меня. Когда к ним, наконец, подключилась освободившаяся рука — мои руки он все еще держал другой рукой — я не выдержала. Это было сильнее меня, моего упрямства или того, что было между нами раньше

— Да...

С моих губ сорвалось всего одно слово. Тихое, как шелест листвы за окном. Этого было достаточно.

Тихо зарывчав, Андрей впился в мои губы жарким, страстным поцелуем, и вслед за моим платьем и его рубашкой полетели его штаны, и мое белье. Затем он ненадолго отпустил мои руки, и, стянув с подушки наволочку, ловко связал ею мои запястья.

— Так не больно? — тихо спросил Андрей, заглядывая мне в глаза, и я, как замороженная, покачала головой. Только тогда он, еще раз окинув результат своих трудов страстным взглядом, снова прильнул ко мне.

Это было горячо до безумия. Настолько, что я полностью растворилась в этом желании. Совсем потеряла себя, и забыла обо всем: про обиды и гордость, про то, как тяжело и больно было склеивать себя по частям после предательства Андрея.

В тот миг все это не имело значения. Мне было все равно кто мы и где. Я отдавала всю себя, и получала взамен не меньше.

Мне было настолько хорошо, что я пришла в себя, только лежа на нем в кровати, в доме моих родителей. А потом... Потом на меня бурей накатили эмоции. Злость. Растерянность. Гнев. Унижение. Страх.

Все эти чувства смешались, превращаясь в ядовитый коктейль, пропитавший меня. А потом... Потом Андрей уснул и я сбежала, как последняя трусиха.

Выбежала из его квартиры, как воровка, прижимая к себе небольшую сумочку с остатками собственного достоинства, и, глотая слезы, вызвала такси.

Весь путь до самого дома мое сердце колотилось, как ненормальное. Казалось, будто я пробежала километр, и была готова бежать дальше. Вот только, как ни старалась, я не могла сбежать от воспоминаний, не могла сбежать от чувств и самой себя.

Не могла сбежать от отражения в зеркале. От следов, которые Андрей оставил на моей коже, а я — на его.

Слава богу и тетя, и Алиса уже давно спали и не увидели моего позорного возвращения. Если бы его еще не видела я...

Господи, что я натворила? Что мне теперь делать?

Теперь, когда он знает про Алису, я не могу просто вычеркнуть его из нашей жизни. Да и даже если бы могла... Я не знаю, решилась ли бы я на это.

Проклятье, нужно уснуть, дать своему мозгу отдых, дать себе шанс пережить это. Я поворачиваюсь на бок, надеюсь принять комфортное положение, и закрываю глаза, стараясь вытеснить из памяти звук его голоса, запах его кожи...

С одной стороны я ненавижу его за то, что он сделал со мной, а с другой — не могу перестать об этом думать, и это убивает меня. Только через несколько часов мне наконец удастся уснуть. К счастью, без сновидений.

Так я проспала до самого утра, пока меня не разбудила вибрация телефона.

— Андрей, чёрт побери! — раздраженно прошептала я, нащупывая телефон под подушкой.

Я сбрасываю вызов. У меня нет ни малейшего желания разговаривать с ним о том, что случилось вчера, но его, кажется, это слабо волнует.

Он звонит мне снова и снова, пока я не отвечаю, не скрывая раздражения в голосе:

— Господи, да что тебе нужно в такую рань? Ты вообще смотрел на время?

Смех из динамика лишь усиливает мое раздражение, но к нему примешивается что-то другое. Тепло, которое я не должна чувствовать. Только не к нему. Не после того, что между нами было.

Прошлая ночь была ошибкой. Это больше никогда не повторится.

— Ты всегда любила спать допоздна. Рад, что ничего не изменилось, но у меня есть планы на сегодня. — Рада слышать, у меня тоже, — соврала я.

Мне, наверное, стоило радоваться тому, что он не стал говорить о том, что случилось вчера. О том, что мы переспали, и мне это чертовски понравилось. О том, как я сбежала. О том, почему я это сделала.

Я была не готова говорить об этом. Если бы он спросил, я бы не смогла ответить ни на один вопрос.

— Правда? — в его голосе послышалось удивление.

“Да, собирать себя по кусочкам после вчерашнего, умирать от стыда и искать новую работу, но я лучше умру, чем признаюсь тебе в этом”.

— Я пойду на собеседование, раз уж с моей прошлой работой не сложилось, — снова ложь, еще абсурднее предыдущей. Со вчерашнего вечера я даже опубликовать резюме на сайте для поиска работы не успела, не то что разослать его потенциальным работодателям.

— Вот как... — его голос звучал как-то странно, задумчиво. Какое-то время он молчал, и я зевнула, раздумывая над тем, получится ли поспать еще немного, как вдруг он снова заговорил: — В любом случае это ничего не меняет. Я хочу увидеться с Алисой. Во сколько ты освободишься?

“Встретиться? Сегодня?”

От одной только мысли об этом у меня подскочило сердце.

— Разве у тебя нет других дел? — нервно спрашиваю я, стараясь скрыть волнение, — Сегодня же не выходной. Разве ты не должен быть занят какими-то супер важными проектами или чем-то вроде того?

Андрей устало вздохнул, словно пытаюсь найти правильные слова.

— Просто скажи во сколько освободишься, и я заеду за вами.

Я вздохнула, стараясь собраться с мыслями. Андрей, хоть и не такой урод как Сергей, но у этих двоих всегда было кое-что общее. Они оба привыкли добиваться своего. И, если он что-то задумал, ему проще уступить.

— Хорошо, — сдалась я, радуясь тому, что он не слышит, как колотится мое сердце, — После обеда тебе подойдет?

Договорившись о времени, я роняю руку с телефоном на кровать, и на какое-то время просто зависаю, глядя в потолок. Моя голова гудит от мыслей и воспоминаний. Но я не могу

прятаться в кровати вечно.

До встречи с Андреем я должна рассказать тете о том, что потеряла работу, провести время с дочерью, разослать резюме во все существующие компании и молиться, что хоть одна из них меня возьмет.

Тяжело вздохнув, я встаю с постели, дрожащими пальцами протираю свои глаза. Мои ноги, ведут меня на кухню. Пока кофеварка шипит, я пытаюсь собраться с мыслями и взять себя в руки.

Разговор с тетей был нелегким.

Я не сомневалась в том, что она поддержит мое решение уйти, но никак не могла избавиться от чувства вины за то, что снова вынуждаю ее тянуть всю нашу семью на себе.

— Ничего, дорогая, уверена, ты скоро найдешь себе новую работу. А пока мы немного подтянем пояс, — с улыбкой сказала она. Мне оставалось только кивнуть.

Через какое-то время, сидя перед ноутбуком, я смотрю на экран, пытаюсь сосредоточиться на своем резюме, как вдруг мое внимание привлекает знакомый, звонкий смех.

Алиса с улыбкой подбегает ко мне, и маленькие руки обвивают мою шею. Я улыбаюсь, поднимая ее, и сажу себе на колени.

— Мама, что мы сегодня будем делать? — спрашивает она, и ее голубые глаза сверкают от любопытства.

— Сегодня мы встретимся с Андреем, — говорю я ей, пытаюсь улыбнуться, — Ты помнишь его?

Я вижу, как ее глаза расширяются от восторга.

— Кажется ты обещала ему показать свои рисунки? — напоминаю я, поглаживая ее по голове.

— Ааа, да, мои рисунки!

Алиса с привычным энтузиазмом кивает и соскальзывает с моих колен, убегая в свою комнату.

— Я сейчас принесу их!.

Закрыв ноутбук, я погружаюсь в свои мысли, и они переносят меня назад, к прошлой ночи...

Я без понятия как теперь себя с ним вести. Как смотреть ему в глаза и делать вид, что между нами ничего не было? Что я скажу ему? Что он скажет мне?

Я глубоко вздыхаю, пытаюсь успокоиться. Сегодняшний день не для того, чтобы я разбиралась в своих чувствах. Он для того, чтобы Алиса могла провести время со своим отцом.

Вскоре Алиса возвращается, переполненная радостью и энергией, в руках у нее целая папка с рисунками. Она гордо поднимает их над головой, словно это сокровища.

— Вот! — с улыбкой заявляет она, и я не могу сдержать ответную улыбку. Искреннюю..

— Мы покажем ему их, — обещаю я ей, приглаживая волосы на ее маленькой головке. — Уверена, ему они очень понравятся.

Она кивает, прыгая на месте от волнения, и я смотрю на часы

— Время завтракать!

Я усаживаю ее за стол и подаю два бутерброда с вареной колбасой, помидором и свежими огурцами. К ним — чай и печенье.

Алиса вгрызается в бутерброд, и, жуя, продолжает щебетать об Андрее.

Видимо он ей правда понравился.

От этой мысли у меня странно потеплело в груди.

В такие моменты я просто не могла не думать о том, что мы могли бы стать настоящей семьей. Возможно у нас могло бы получиться. Но сама мысль о попытке пугала меня до чертиков.

Когда раздался звонок в дверь, мое сердце остановилось, а у Алисы наоборот — радостно подскочила.

Хлопнув в ладоши, она спрыгнула со стула, чудом не ударившись, и радостно запрыгала по кухне.

— Мама, мама, это Андрей! Открой скорее!

Она бросается к двери, так быстро, что едва не опрокидывает стул, на котором сидела. Я следую за ней, нервно сминая в руках кухонное полотенце. Отступить некуда.

Когда я открываю дверь, Андрей стоит на пороге в своем обычном элегантном костюме. Увидев Алису, он широко улыбается и опускается на одно колено, чтобы обнять ее.

Алиса со смехом ныряет в его объятия, и я сглатываю комок в горле, ищу куда спрятать взгляд.

Я отняла это не только у Андрея. Я забрала это у Алисы, когда решила растить ее сама.

На глаза навернулись слезы, и мне пришлось часто заморгать, до боли закусив губу, чтобы это осталось незамеченным.

— Привет.

Я улыбаюсь ему, стараясь скрыть напряжение, страх и чувство вины, но мне кажется, что он видит меня насквозь

— Привет. Я могу войти?

— Да. Тетя уехала и вернется только к вечеру, так что здесь только мы... — хрипло отвечаю я, закрывая за ним дверь.

Он входит, держа Алису на руках, с любопытством оглядывается по сторонам... Андрей проходит мимо меня, так близко, что я чувствую его запах, и мои ноги слегка подкашиваются.

— Хочешь кофе? — спрашиваю я, надеясь, что это даст мне отсрочку. Мне срочно нужно подышать. Возможно плеснуть в лицо ледяной водой. Что угодно, лишь бы не чувствовать себя растерянной идиоткой в его присутствии, — Я только что заварила.

Он кивает, и я поворачиваюсь к Алисе:

— Лисёнок, можешь пока показать Андрею свои рисунки. Я скоро вернусь.

— Ура! Пойдем, я покажу тебе свою комнату!

Алиса берет Андрея за руку и уводит его в другой конец квартиры, оставляя меня наедине с собой. Даже на кухне слышу их тихий смех, и все-таки не могу сдержаться. Отворачиваюсь к окну, и чувствую, как по щеке текут горячие слезы.

Тогда, много лет назад, я была обижена на Андрея. Я хотела сбежать от него, и была готова на все ради этого. Но сейчас... Сейчас я понимаю, какую ошибку совершила.

На месте Андрея я ненавидела бы себя за это до конца моей жизни. А Алиса? Боже когда она узнает что я сделала, она никогда мне этого не простит.

Всхлипнув, я закрыла рот ладонью.

Не хватало еще, чтобы Алиса увидела, что я плачу. Или Андрей...

Всхлипнув снова, я включила воду в кране и несколько раз умылась ледяной водой. Я

повторяла это снова и снова, пока мою кожу не стало покалывать от холода, а тогда насухо вытерла лицо полотенцем.

Вот так. Теперь они ничего не заметят.

Я все чувствую себя не в своей тарелке, но не позволяю этому выйти наружу. Не сейчас.

Почти не дыша, я захожу в комнату Алисы, держа в руках две чашки кофе. Андрей и Алиса сидят на диване, окруженные разноцветными рисунками. Дочь с восторгом рассказывает ему истории, которые она придумала для каждого из своих рисунков. Андрей слушает ее с улыбкой.

Я подхожу и протягиваю ему одну из чашек.

— Ты все еще пьешь без сахара? — спрашиваю я, стараясь не смотреть на него, но все же отмечаю, что он кивает.

На мгновение его пальцы касаются моих, и я вздрагиваю от тепла его кожи, обжигая пальцы горячим напитком, и только чудом удерживая чашку в вертикальном положении.

— Черт! — тихо шиплю я, жмурясь от боли, но, поймав испуганный взгляд Алисы, улыбаюсь, — Все хорошо, солнышко, просто мама чуть не уронила чашку.

Улыбнувшись, она возвращается к рисункам, и я ловлю на себе напряженный взгляд Андрея.

Забрав у меня обе чашки, он опускает их на тумбу, подальше от Алисы, и осторожно перехватывает мою руку.

— Пойдем, — Андрей решительно ведет меня к выходу из комнаты дочери, а я слишком растеряна, чтобы возразить, и послушно иду следом. Он ведет меня в ванну, открывает холодную воду в кране, и через мгновение подставляет мои обожженные пальцы под струю холодной воды.

Я тихо выдыхаю, чувствуя, как на место боли и жжению приходит облегчение, и ненадолго прикрываю глаза.

Вновь открыв их, я ловлю на себе пристальный взгляд Андрея. Он стоит близко. Слишком близко, чтобы я могла это проигнорировать. На его лице написана решимость, которой во мне нет. А потом... Потом он придвигается ко мне еще ближе, насколько это вообще возможно, и спрашивает:

— Поговорим?

Вздогнув, я затравленно смотрю на него, сжимая губы, и чувствую, что снова готова расплакаться.

И когда это я стала такой чувствительной?

— О чем? — тихо спрашиваю я, отворачиваясь, делаю вид, что рассматриваю собственные пальцы.

— Посмотрим... Даже не знаю с чего начать. Почему ты сбежала после того, что было ночью? Почему плакала?

Сглотнув, я прикусила губу.

— Я не готова отвечать тебе на эти вопросы, — тихо призналась я, и это было правдой. Я не знала что ему сказать. Как ему сказать о том, что я жалею о том, что скрыла от него то, что я была беременна. Что это, наверное, самый ужасный поступок в моей жизни. И что я сбежала, потому что испугалась своих чувств. Испугалась того, во что это может вылиться.

Андрей шумно выдохнул, так, что я почувствовала его дыхание на своей коже, которая тут же покрылась мурашками, и коснулся рукой моей щеки.

— Аня, посмотри на меня.

Я не хотела. Потому что боялась, что если сделаю это, уже не смогу сдержаться. А тогда... Тогда придется все объяснять. Но он не оставил мне выбора.

Посмотрев в его глаза, я чуть в них не утонула, но, прежде чем я успела что-либо сказать, в ванну вбежала Алиса. Видимо ей стало скучно, и она решила посмотреть, чем мы заняты.

Андрей отпрянул от меня, и я отвернулась к крану, делая вид, что умываюсь, так быстро, что она не увидела, как близко мы стояли, или не обратила на это внимания, и Алиса увела его обратно в комнату, показывать ему оставшиеся рисунки, а я...

Я снова осталась одна.

“И поделом”, — горько подумала я, отправляясь в свою комнату, где меня ждал только старенький, побитый жизнью, и местами Алисой, ноутбук. В этом году я уже дважды сдавала его в ремонт.

Сев за стол, я открываю его и переписываю свое резюме, но мне сложно сосредоточиться. Особенно когда Андрей здесь, с Алисой, через стену от меня.

— Что делаешь? — я не заметила, как он вошел, и его голос заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Я прикусила губу, возвращая себе самообладание, и пожала плечами, уткнувшись в экран.

— Пытаюсь составить резюме. Помнишь, я ведь осталась без работы...

— Я думал ты ездила на собеседование, — он выгнул бровь, ловя меня на лжи, и я зажмурилась, чувствуя себя последней идиоткой.

Я промолчала. Частично от неловкости, частично из упрямства, и он продолжил:

— Знаешь, Аня, я ведь могу помочь... С работой. У меня есть связи, и...

Я поднимаю руку, останавливая его.

— Не нужно меня жалеть, — хмуро отвечаю я, — Я могу справиться сама.

Он явно хотел возразить. Даже приоткрыл рот для этого. Но не успел. Ему позвонили.

Сжав губы, Андрей вынул телефон из кармана, взглянул на экран, и его глаза недобро сузились. Кто бы ему ни звонил, он был явно не рад этому.

— Ответишь?

Он покачал головой, сбрасывая звонок, и его взгляд заскользил по комнате. А тогда его телефон зазвонил снова.

Раздраженно выдохнув, он тихо извинился, и ответил на звонок. Когда он отошел, я расслышала по телефону слащавый, капризный голос женщины.

Я видела его напряженную спину и почти как наяву видела его насупленные брови. Секунду спустя он взглянул на меня, едва слышно выругался, и зашипел::

— Я уже говорил, не звони мне с рабочего номера...

— Новая подружка?

Мой голос прозвучал чуть резче, чем я планировала.

Я чувствую, как во мне растет давно забытое чувство. Ревность.

Откуда она взялась?

Мои слова повисли в воздухе, точно гром. В глазах Андрея промелькнуло что-то похожее на удивление, смешанное с раздражением. Покраснев, я закусила губу и отвернулась к экрану ноутбука, спряталась за ним, словно за щитом.

— Забудь, что я спросила, — шепчу я, игнорируя его смешок, — Мне все равно.

— Как скажешь, — отвечает он, и, даже не глядя на него, я знаю, что он улыбается, — Мне нужно уехать, но я обязательно вернусь, чтобы мы могли продолжить наш разговор.

Не найдя что на это ответить, я просто машу ему рукой, жду пока он попрощается с Алисой и закрываю за ним двери. Усталая, Алиса засыпает, и я возвращаюсь к тому, чем занималась раньше.

Я глубоко дышу, пытаюсь отвлечься и подавить ту безумную искру, которая вспыхивает каждый раз, когда мы вместе.

Мне не нужны проблемы, связанные с Андреем. Мне нужна работа. Мне нужно, чтобы моя дочь была счастлива.

Разослав резюме, я стала ждать ответа, нервно кусая себя за щеку, чтобы погасить нарастающую панику.

Наверняка после моего увольнения Виктор позаботился о том, чтобы меня не взяли ни в одну приличную компанию. Даже думать не хочу о том, что он мог наплести про меня потенциальным работодателям.

Он никогда не умел проигрывать, и я не сомневаюсь в том, что он сделал все, чтобы нагадить мне напоследок. Это будет чудо, если до конца недели мне ответит хоть кто-нибудь.

Сидя на стуле, я глубоко дышу, стараясь унять нарастающую панику.

Вздыхнув, беру в руки телефон и пролистываю контакты.

Лида...

Мой запасной вариант.

В моих мыслях возникает образ подруги. Ее упрямый взгляд, ее непоколебимая уверенность в себе. Она всегда знала, чего хочет. Мы были такими разными во времена учебы. И теперь, ее жизнь — это ее решение, ее мечта, а моя — лишь куча неосуществленных надежд и разочарований.

Она превратила свою страсть в профессию. Её мечта о дизайне одежды всегда казалась мне недостижимой, но она бросила университет и пошла за зовом сердца.

Это было смело и рискованно, но у нее получилось. Теперь она владела сетью магазинов мужских костюмов, разбросанных по всей стране. Один из них был в самом центре нашего города.

Собравшись с духом, я набираю номер. Я слушаю гудки, кажется, целую вечность, прежде чем она отвечает мне. — Аня? Это ты? — её голос звучит удивленно, но радостно, — Ну наконец-то! Как дела?

Ее искренность заставляет меня улыбнуться, несмотря на то, что моя жизнь кажется такой неразберихой.

— Не слишком хорошо, если честно... — я не пытаюсь скрыть свою тревогу, — На самом деле я хотела попросить тебя об одолжении. У тебя есть минутка?

— Конечно, — ее голос звучит ласково, с ноткой искреннего беспокойства, — Что случилось?

И я начинаю. Рассказываю о своем увольнении, о моем бывшем начальнике, который вероятно сделает все, чтобы никто, не предложил мне работу. Она терпеливо слушает, не прерывая меня, позволяя мне выплеснуть все свои чувства.

Когда я заканчиваю, Лида вздыхает.

— Что за урод... — бурчит она, а затем тихонько смеется. — Ну, что ж, похоже, у меня для тебя есть предложение. Мне нужен новый менеджер в магазине. Что скажешь?

Я застываю от удивления. Конечно я надеялась на то, что она предложит мне работу, но и представить не могла, что моя должность окажется такой важной.

— Ты серьезно?

— Абсолютно, — в ее голосе чувствуется решимость, и я благодарна за это не меньше, чем за ее предложение, — Мне всегда нужны умные и надежные люди. Такие как ты, Аня. Я уверена, что ты справишься с этим. Ну так что? Ты согласна?

— Да... Но это точно нормально? Я ведь никогда не работала в этой сфере...

— Я не альтруистка, Аня. Я просто знаю, что ты можешь быть настоящей находкой для моего бизнеса.

— О Боже, Лида, — мой голос дрожит от благодарности, — Я не знаю, что сказать...

— Просто скажи 'да', Аня. И все. Это не сложно.

— Спасибо!.

Подключив телефон к зарядке, я устало опускаюсь в кресло. Глубоко вздыхаю, позволяя облегчению растечься по моему телу теплой волной. Может быть, это и не работа моей мечты, но лучше чем ничего. И это гораздо больше, чем я могла ожидать.

Услышав скрип двери, я оборачиваюсь и вижу тетю.

Она всегда была проницательной женщиной, так что я знала, что приезд Андрея не скроется от нее. Единственное, что всегда оставалось для меня загадкой, — это ее реакция.

— Аня, детка ты ничего не хочешь мне рассказать? — спрашивает она обманчиво-сладким тоном, — Алиса все уши прожужжала про доброго дядю, что приходит к нам в гости.

— Да... — тяжело вздохнув, я провожу ладонью по лицу, отгоняя усталость, и пытаюсь подобрать подходящие слова для ответа.

— Что там у тебя с Андреем? — спрашивает она, между глотками кофе, когда я пытаюсь сделать вид, что занята чем-то важным

Я прикусываю губу и смотрю вниз, избегая её взгляда. Что я могу сказать? Что мы пересекли границы, которые мы не должны были пересекать? Что мои чувства к нему стали гораздо более сложными и запутанными?

— Ничего, — вру я, стараясь звучать уверенно. — Андрей... он просто хочет проводить время с Алисой, вот и все.

Моя тетя смотрит на меня с недоверием, но не спорит. Ее темные глаза изучают меня, как на допросе. — Ты уверена, что это все?? — ее глаза сужаются, как у кошки, и она качает головой, — Аня, мне не нужны подробности, но пожалуйста, будь осторожна. Ты помнишь чем все кончилось в прошлый раз.

— Я знаю.

— Просто... Помни о том, что теперь у Андрея своя жизнь, и у тебя — твоя.

Её слова заставляют меня вздрогнуть, как от удара. Она права, но от этого мне совсем не легче.

— Я буду осторожна, — обещаю я, хотя и не уверена в том, что смогу его сдержать.

Тетя кивает, кажется, довольная моим ответом, и переводит тему на что-то менее напряженное. Она начинает рассказывать о своих собственных проблемах на работе, о скандалах и сплетнях, которые окружают ее каждый день.

Я слушаю ее, но мои мысли снова и снова возвращаются к Андрею. К нашей ночи. К тому, как он обнимал Алису. К тому, как он смотрел на меня. К его предложению..

Когда тетя выходит из комнаты, оставляя меня наедине с собой, я тяжело вздыхаю, а потом мое внимание привлекает телефон.

Он вибрирует, и на экране высвечивается незнакомый номер.

Я не успеваю ответить на звонок, как вдруг мне приходит сообщение. Мои брови удивленно взмывают вверх, а в следующий миг мой желудок закручивается в узел от неприятного предчувствия.

Горечь настойчиво взбирается вверх по моему горлу, заставляя меня сжать челюсти.

Лиза.

Я была уверена в том, что мне удалось закрыть эту главу, что я наконец-то освободилась от этого мучительного трио: она, Андрей и я. Я больше не хотела быть частью этого, и не желала ничего знать об этой женщине.

Я понятия не имела о том, как она нашла мой номер, и не хотела этого знать.

Глядя на экран, я чувствую, как гнев и боль вспыхивают внутри меня, заполняя каждую клеточку моего тела. К черту. Я не обязана и не собираюсь на это отвечать.

Когда-то эта женщина уже раздавила меня одним своим появлением. Больше это не повторится.

Дрожащими пальцами я нажимаю несколько клавиш и блокирую ее номер, а затем, недолго думая, удаляю сообщение, жалея о том, что не могу стереть его из своей памяти.

Аня

Я выхожу из здания и чувствую, как свежий вечерний воздух обволакивает меня. Я всё ещё нахожусь под впечатлением после своего первого рабочего дня на новом месте. Лида — не только моя подруга, но и отличная начальница, которая собрала вокруг себя чудесный, и совсем не токсичный коллектив.

Неудивительно, что на каждую вакансию в ее бутике приходится так много желающих. Когда ветер колышет мои волосы, я позволяю себе улыбнуться.

Впервые за последние несколько недель я чувствую, что мне действительно удастся хоть что-то контролировать в своей жизни.

Первый день на новой работе оказался на удивление приятным, а когда Лида заговорила о зарплате... Я даже не могла представить, что она будет такой хорошей.

Мне до сих пор сложно поверить, что Лида готова платить мне так много.

Размышляя об этом, я почувствовала, как к горлу подступили слезы и застряли там комом. Я едва не расплакалась, подписывая контракт.

Наша встреча была короткой, но приятной. Мы выпили кофе, Лида познакомила меня с другими сотрудниками бутика, мы подписали контракт и она уехала по делам. А я... Я, кажется, уже давно не была такой счастливой.

Продолжая идти по улице, я не могу сдержать улыбки.

“Я все-таки сделала это!”

Но, когда я замечаю черный внедорожник, стоящий на углу, моя радость сменяется тревогой.

Черный кузов, тонированные стекла, он кажется знакомым, и в то же время пугающим...

Когда я вспоминаю что уже видела такой же автомобиль, вчера во время прогулки на детской площадке и сегодня утром возле своего дома, мой пульс ускоряется, подскакивает почти до предела.

Тогда я решила, что просто слишком перенервничала из-за недавних событий и наверняка это всего лишь совпадение. Но теперь, видя этот же автомобиль снова, я начинаю беспокоиться.

Какие шансы, что два таких же автомобиля появятся в моей жизни в один и тот же день?

Я стряхиваю с себя эти тревожные мысли и ускоряю шаг.

Не стоит себя накручивать. Он, вероятно, принадлежит кому-то, кто живет поблизости или просто в гостях у соседа.

Я пытаюсь убедить себя в этом, но внутренний голос продолжает настаивать, что что-то не так.

Я чувствую, как к моему горлу подкатывает тошнота, и мое беспокойство только усиливается.

Господи, пожалуйста, пусть это будет просто паранойя.

Подрагивая от холода и навязчивого страха, я продолжаю идти по улице, стараясь сфокусироваться на дыхании и подавить внутренние тревоги. Быть настолько напуганной одним автомобилем — это как-то глупо. Возможно, я просто устала, и мне просто нужно

отдохнуть.

Но в глубине души я не могу отделаться от страха.

Когда я думаю об этом, на ум приходит только одно объяснение: Андрей.

Может ли он быть настолько обеспокоен, чтобы следить за мной? Или, может быть, его забота обернулась паранойей, и он теперь подозревает меня в чем-то? Неужели он действительно нанял кого-то следить за мной?

Этот сценарий кажется бредовым. Невозможным. Но, если я не права, и это кто-то другой, я в полной заднице.

Каким бы ни был ответ, мне это совсем не нравится.

Я, смотрю на черный внедорожник на углу и понимаю, что единственный способ развеять свои опасения — это поговорить с Андреем напрямую.

Когда я набираю его номер, моя рука слегка дрожит. Мое сердце колотится, ожидая его ответа.

Пока гудки идут, я продолжаю идти, стараясь держаться поближе к людным местам.

— Это ты устроил? — шепотом спрашиваю я.

— Что ты имеешь в виду? — я не вижу его лица, но почти уверена в том, что он хмурится.

— Черный внедорожник, Андрей. Утром он был возле моего дома, а сейчас он стоит на углу моей улицы. Это твоя работа? — я не выдерживаю, и мой голос начинает дрожать от паники.

С той стороны ненадолго повисает тишина, а затем я слышу тихое ругательство.

— Послушай меня внимательно. Ты должна делать то, что я сейчас скажу, хорошо? Где ты? Рядом есть кафе, магазин или что-то вроде этого?

Мое сердце бешено стучит в груди, и я с трудом глотаю ком в горле, упираясь в стену, чтобы сохранить равновесие, и осматриваюсь по сторонам.

— Я в центре, недалеко от торгового центра.

— Хорошо. Иди туда, старайся держаться поближе к людям и охране. Никуда не уходи и оставайся на связи. Я приеду и заберу тебя. Ты дождешься меня?

— Д-да... — всхлипнув, я снова оглядываюсь и забегаю в большие стеклянные двери торгового центра.

Оказавшись внутри, я обнимаю себя за плечи, и стараюсь успокоиться.

“Здесь я в безопасности. Кто бы за мной ни следил, здесь он мне ничего не сделает”.

Однако, как ни стараюсь, я не могу успокоить себя. Меня бьет мелкая дрожь.

Когда Андрей звонит мне, он говорит, что подъехал к торговому центру, и спрашивает где меня найти, и вскоре он обнимает меня, и я позволяю себе расплакаться у него на груди.

Его руки успокаивающе гладят меня по голове и спине, и я прижимаюсь к нему ближе.

— Все хорошо, — шепчет он, — Теперь все хорошо. Я здесь. Я рядом.

Я закрываю глаза и вдыхаю его запах, слушаю биение его сердца, пытаюсь успокоиться.

Он здесь.

— Я так испугалась!

— Ш-ш-ш... — его губы мягко касаются моей макушки, — Пойдем, я отвезу тебя домой. Позвони тете, предупреди, чтобы никуда не выходила и никому не открывала дверь. Если кто-то кроме нас постучится — пусть вызывает полицию.

Когда он это произносит, мое сердце проваливается в пятки, а из легких будто выбивает весь воздух.

Путь до машины Андрея проделываю на негнущихся ногах, а, оказавшись внутри, наконец спрашиваю:

— Ты думаешь они в опасности?

— Я не знаю, — его челюсти плотно сжаты, во взгляде — решимость, — Ты сказала, этот ублюдок выслеживал тебя от самого дома. Мы не можем этого исключать. Звони тете, а я позвоню кое-кому из своих ребят. Кажется он живет неподалеку. Он будет там раньше, чем мы.

Я не стала спорить, слишком напуганная тем, что произошло, и его словами, так что позвонила тете и быстро рассказала ей о том, что произошло.

К счастью, когда мы припарковались у подъезда, никакого черного внедорожника поблизости не было, но моя тревога никуда не делась.

Правда, когда мы наконец встретились со знакомым Андрея, ее ненадолго приглушило удивление. Им оказался Алексей — тот самый парень с собакой, что однажды отбил меня от грабителя.

Подъем на третий этаж оказывается непривычно тяжелым, но в этом есть определенная доля облегчения. Вытаскиваю ключи из сумки, едва заметно дрожащей рукой вставляю ключ в замок и открываю дверь.

Я открываю дверь своей квартиры и почти ментально чувствую волну облегчения. Это мой дом, моё убежище. Кладу свою сумку и ключи на кухонный стол и прислоняюсь спиной к двери, пытаюсь успокоить свое бешеное сердце. Андрей с Алексеем заходят внутрь вслед за мной.

В коридоре нас встречает тетя. Ее взгляд непривычно строгий, а губы плотно сжаты, и только то, как она нервно теребит кольцо отца на пальце, выдает ее волнение.

— Алиса уже спит? — тихо спрашиваю я. Она кивает, и я испытываю облегчение. Не знаю, смогла ли бы я скрыть это от нее.

— Где мы можем поговорить? — спрашивает Андрей.

Тетя смерила его внимательным взглядом и кивнула в сторону кухни.

Там, сидя за столом, мы продолжили обсуждение того, что случилось.

— Ты запомнила номер машины? — спросил он меня, и я с сожалением покачала головой.

— Я не особо рассматривала его, но...

— Что? — спросила тетя.

— Не уверена, что он вообще был...

Алексей пожал плечами.

— Это не лишено смысла, когда занимаешься чем-то противозаконным. Нет знака — нет следов. Найти этого ублюдка будет очень непросто.

— Но что же нам тогда делать? — мой голос снова дрожит, и я чувствую, что как никогда близка к истерике.

— По-моему это очевидно, — произносит Андрей, — Кем бы ни был этот ублюдок, он знает где вы живете. Ему ничего не стоит подкараулить вас возле подъезда или по пути домой. Вам нельзя здесь оставаться.

Аня

Вздрогнув, я испуганно перевожу взгляд с Андрея на Алексея, а потом на тетю. Они согласно молчат. На их лицах написана решимость.

Я же чувствую себя испуганной и растерянной, как ребенок.

— Андрей... — сглотнув, тихо произношу я, и в этом кроется намного больше, чем я могу передать, но он понимает меня без слов.

— Все будет в хорошо. Но вам придется переехать на какое-то время, пока я не выясню, что происходит.

Я киваю, даже не задумываясь. Безопасность Алисы прежде всего, и в этом мы заодно. Не смотря ни на что, я действительно доверяю Андрею. Он не зря был первым, кому я позвонила, осознав, что меня преследуют.

На то, чтобы собрать вещи первой необходимости, у нас с тетей уходит чуть меньше часа. Он сказал что остальное потом в случае чего привезет Алексей.

Когда Андрей осторожно подхватывает спящую Алису на руки, она ненадолго приоткрывает глаза, и почти сразу проваливается обратно в сон.

На протяжении всего пути он не говорит ни слова. Тетя и Алексей тоже молчат, и от этого мне становится еще тревожнее, но я слишком напугана, чтобы задавать лишние вопросы. Да и Алиску не хочу разбудить.

Глядя в окно машины, я наблюдаю за сумеречными улицами, которые мелькают за стеклом. В голове крутятся мысли о том, кто мог следить за мной, и зачем это вообще кому-то, но у меня нет ни малейшего понятия. Из всех неадекватных личностей, которых я знала, была только бывшая любовница Андрея и мой бывший начальник, но я не думаю, что они способны на что-то подобное. Это слишком даже для них.

Когда мы подъезжаем к отелю, Алексей перехватывает наши вещи, Андрей поднимает на руки Алису, а я тихо следую за ними вместе с тетей, чувствуя слабость в коленях.

Андрей занимается регистрацией на ресепшн, договариваясь, чтобы нас заселили прямо сейчас, не смотря на позднее время, в то время как я обнимаю дочь. Она прячется в моих волосах, и я чувствую, как её маленькое тело дрожит. Я глажу её по спинке и тихо нашептываю успокаивающие слова.

Наконец, Андрей возвращается к нам с ключом от номера в руке. Мы поднимаемся на лифте на шестой этаж, проходим по длинному коридору и входим в наш номер. Алексей входит за нами, помогая занести вещи.

— Можно я помогу уложить ее? — тихо спрашивает Андрей, глядя на Алису. Я с сомнением оглядываюсь на дверь, ведущую в одну из смежных комнат номера, за которой скрылась тетя, и прикусываю губу. Знаю, ей не нравится ситуация, в которой мы оказались, и понравится еще меньше, если Андрей будет здесь в такое время.

Видимо что-то такое отражается на моем лице, что заставляет его тяжело вздохнуть.

— Я справлюсь, — перебивает он меня. — Отдыхай.

С этими словами, он мягко забирает у меня Алису и несет ее в комнату тети. Я наблюдаю за ними, чувствуя, как тревога медленно уступает место облегчению, и устало оседаю на диван.

От усталости и стресса ноги почти не держат меня, а в глаза и вовсе будто насыпали песка.

Когда за ними закрывается дверь, я остаюсь в гостиной, в полном одиночестве, и позволяю себе ненадолго прикрыть глаза. Мое сердце все еще колотится, но уже не от страха, а от усталости.

Через некоторое время Андрей возвращается. Он тихо подкрадывается ко мне, и я открываю глаза, чтобы посмотреть на него.

Я чувствую, как он мягко касается меня, проводит рукой по волосам, словно обещая, что все будет хорошо, и на моих губах появляется слабая, неуверенная улыбка.

— Она уснула, — тихо шепчет он, и я благодарно киваю ему, — Тебе тоже нужно, но не здесь. Этот диван — кошмарное место для сна.

Это прозвучало так, словно он сам пытался здесь спать, и от этой мысли у меня вырвался нервный смешок.

Когда Андрей отводит меня в спальню, я устало сажусь на край кровати и спрашиваю:

— Как ты думаешь, что происходит?

Я внимательно слежу за ним. Какое-то время он молчит, осторожно подбирая слова, а затем вздыхает:

— Я не знаю. Но я обещаю, что вы будете в безопасности. Я не позволю, чтобы с тобой, Алисой или твоей тетей что-то случилось. Мы найдем того, кто за этим стоит, и вы вернетесь домой.

Его голос звучит уверенно, я киваю, а затем мы оба еще какое-то время молчим, погруженные в свои мысли.

Я медленно перевожу взгляд на кровать. Всего одну кровать. Мое сердце замедляет свой бешеный темп, и я осознаю, что нам предстоит провести эту ночь рядом. Андрей и я... В одной кровати.

Мысли возвращают меня к недавней ночи, проведенной вместе. Я вспоминаю его взгляд, поцелуи: нежные и дразнящие, смелые прикосновения, его теплое дыхание на моей коже...

Я чувствую, как мои щеки вспыхивают от неприличных мыслей, и молча молюсь, чтобы он этого не заметил.

— Надеюсь ты не против. Этот номер — максимум, который я смог из них выбить в это время...

Я молчу, и он продолжает:

— Если ты против, я могу лечь на диван.

Я задумываюсь. Это решило бы все проблемы, но я неожиданно осознаю, что меня это ни капельки не устраивает.

— Ты же сам сказал, что он — кошмарное место для сна, — тихо возражаю я, — Останься. Нам обоим нужен отдых.

Андрей еще какое-то время смотрит на меня, словно давая мне возможность передумать, но в конце концов сдается.

По очереди приняв душ, мы залезаем в кровать, каждый со своей стороны, и в тишине слышится только наше размеренное дыхание.

Вскоре усталость пересиливает, и я засыпаю, чувствуя рядом его тепло.

Я просыпаюсь ближе к утру, от того, что он прижимается ко мне во сне. Его рука

оббивает мою талию, а голова упирается в мою грудь. Он спит, так спокойно и безмятежно, что я не могу не улыбнуться, наблюдая за ним.

Пользуясь моментом, я внимательно рассматриваю его лицо.

Во сне он выглядит таким невинным. Тихо, как бы случайно, я прикасаюсь кончиками пальцев к его губам, коря себя за этот порыв, но просто не могу сдержаться.

Мои пальцы скользят по его лицу, отмечая выдающиеся скулы, легкую небритость, а затем снова спускаются к губам.

Они такие теплые и мягкие...

Эта мысль наполняет меня странной, почти болезненной сладостью.

Мне так хочется его поцеловать...

Я слышу, как он вздыхает во сне, и мне кажется, что я могу услышать биение его сердца. Это звук наполняет меня теплом и спокойствием.

Очень осторожно, чтобы не разбудить, я прикасаюсь губами к его губам. Этот поцелуй легкий, почти невесомый.

Наслаждаясь тишиной и близостью, я продолжаю целовать его, позволяя себе исследовать его тело пальцами. Как только мое прикосновение достигает кубиков на его прессе, я чувствую как его дыхание становится неровным, прерывистым.

Его ресницы подрагивают, подсказывая мне, что он проснулся, и Андрей издаёт негромкий стон, но не отталкивает меня, лишь удерживает на небольшом расстоянии, как будто хочет убедиться, что я в этом уверена.

— Аня, остановись... — хрипло шепчет он, — Если ты не остановишься сейчас, я не смогу сдержать себя.

Но я не могу остановиться. Нет, не так. Я не хочу останавливаться. Я чувствую, что это правильно. Что это и есть то, чего я хочу больше всего на свете.

Почти не дыша, я снова целую его, и он с тихим рыком притягивает меня ближе.

Этот жест грубый, почти звериный, но его касания и поцелуи нежные.

Его руки скользят вдоль по моему телу, задирая ночную сорочку почти до груди, вызывая у меня волны мурашек. Я чувствую на себе его затуманенный, полный желания взгляд, и инстинктивно глотаю.

По мере того как он продолжает, у меня пересыхает в горле.

Я хочу его. До боли. До иступления. И он чувствует это.

Тихо рыкнув, он притягивает меня к себе за затылок, впиваясь в мои губы жадным поцелуем, беззастенчиво исследуя меня языком.

— Черт, Аня... — хрипло выдыхает он мне в шею, и его голос кружит мне голову.

Я смотрю ему в глаза, и чувствую, что он хочет меня так же сильно, как я — его.

Не в силах терпеть, я начинаю двигать бедрами, почти умоляя его войти в меня.

— Андрей... — едва слышно шепчу я.

Он отвечает поцелуем, глубоким и страстным. Я чувствую, как его руки скользят по моей спине, спускаются все ниже, оставляя за собой волны возбуждения.

Его руки подхватывают меня за бедра, приподнимая, а потом резко опускают вниз, и я вздрагиваю от потрясающего чувства наполненности.

Обхватив его ногами, я поддаюсь вперед, и мы двигаемся в едином ритме: возбужденные и ненасытные. И в тот миг, когда мое наслаждение достигает наивысшей точки, я понимаю, что окончательно пропала.

Аня

Я просыпаюсь раньше Андрея. Мягкий утренний свет пробивается сквозь темные занавески, делая его лицо еще привлекательней.

Проведя рукой по его щеке, я осторожно поднимаюсь с кровати, стараясь не разбудить его.

Не совершаю ли я ошибку подпуская его ближе? Начиная доверять, как когда-то, и, возможно, чувствовать что-то еще.

Этот человек уже однажды разбил мое сердце, и может сделать это снова. И что тогда будет со мной? Как это скажется на Алисе?

Шумно вздохнув, я падаю на диван, словно тряпичная кукла. Мои мысли путаются, и мне сложно сконцентрироваться, но одно ясно: уже поздно думать об этом.

Я уже позволила ему вернуться в свою жизнь, и в свое сердце.

Мы преодолели стену, которую я выстроила между нами, и я понятия не имею о том, что будет дальше, но в то же время... Впервые за долгое время я чувствую себя по-настоящему хорошо.

С его возвращением в моей жизни будто нашелся давно потерянный элемент пазла. То, чего мне всегда не хватало глубоко внутри, еще задолго до того, как я ушла. Когда мы только начали отдаляться друг от друга.

Умывшись, я переодеваюсь и иду к комнате Алисы. Когда я вижу пустую кровать, у меня на секунду останавливается сердце, в панике я забываю о том, как дышать, и даже не могу позвать Андрея на помощь, но потом включаю мозги и решаю набрать номер тети. Мне нужно знать, где моя дочь. Ее голос в трубке успокаивает меня: они спустились на завтрак.

Вздохнув с облегчением, я закрываю глаза и опускаюсь на пол рядом с кроватью. Мое сердце все еще бешено колотится от страха, но я глубоко и медленно дышу, пытаюсь вернуть себе самообладание.

Кажется я схожу с ума. Мне срочно нужно к специалисту.

В какой-то момент Андрей входит в комнату и встревоженно смотрит на меня.

— Что случилось? — спрашивает он, опускаясь рядом со мной на корточки, — Ты в порядке?

Я с трудом собираюсь с мыслями и пытаюсь выдавить из себя улыбку.

— Все в порядке, — успокаиваю я его. — Я просто испугалась за Алису. Она уже с тетей на завтраке.

Андрей осторожно поднимает меня с пола, придерживая за талию. Я чувствую его силу, она исходит от него, наполняя меня спокойствием, и он ведет меня обратно в спальню.

Когда мы подходим к комнате, я чувствую как в груди возникает легкое волнение. От его слов, от его взгляда, от самой мысли о том, что он может сказать или сделать.

Как только мы переступаем через порог, он осторожно усаживает меня на кровать. Слегка наклонившись, он с заботой вглядывается в мои глаза..

— Мне пора идти, — говорит Андрей, вглядывая на часы. — У меня встреча с людьми, которые могут помочь нам узнать, что происходит.

Я киваю в ответ, отпуская его с волнением, легким разочарованием, и в то же время облегчением. Если он уйдет, нам не придется говорить о том, что произошло... О том, что

происходит между нами

Я не готова. Еще не готова обсуждать все это, понимая, про это проведет последнюю черту, после которой не будет возврата..

— Удачи на встрече, — шепчу я, и ловлю его ответную улыбку, прежде чем он.

выходит из комнаты, оставляя меня наедине с тревожными и навязчивыми мыслями. По крайней мере теперь у меня будет немного времени, чтобы разобраться в себе.

Андрей

Когда я включаю зажигание и выезжаю со стоянки отеля, мои руки дрожат от напряжение. Эта неопределенность, это ожидание — всё это меня бесит. Какая-то тварь угрожает моей семье, и я должен уничтожить ее, прежде чем она сделает следующий шаг.

Я с трудом подавляю гнев, который накатывает на меня. Мысли о том, что кто-то преследовал Аню, и, возможно, Алису тоже, вызывают во мне звериную ярость.

Я никогда не забуду ее испуганный взгляд, слезы и дрожащие от страха губы. Уже за это я был готов убить того, кто довел ее до такого состояния.

Сжимая руль изо всех сил, я глубоко дышу, пытаюсь успокоиться. Сейчас мне понадобится вся моя концентрация.

Годы в бизнесе научили меня избавляться от врагов, прежде чем те сделают свой ход. Бить на опережение. Именно это я и собираюсь сделать, как только найду того, кто за этим стоит.

Переведя взгляд на экран телефона, я набираю номер старого друга, Лео. Он работает в частном детективном агентстве, и сейчас занимается нашим делом в частном порядке.

— Скажи, что у тебя есть хорошие новости, — прошу я, и он не разочаровывает.

— Мы нашли человека. Сейчас он у нас, на допросе. Приезжай.

— Я уже в пути, — быстро отвечаю я, и перевожу взгляд на экран навигатора.

Весь путь до офиса Лео проходит как в тумане.

Я паркую машину неподалеку от входа в здание и вхожу через главный вход, практически не замечая встречных людей.

Леон встречает меня в коридоре, и, пока мы идем, коротко рассказывает о том, что смог узнать. По мере его рассказа я чувствую, как растет мое напряжение.

Как и ожидалось, они нашли только исполнителя. Парня, который следил за Аней и передавал всю информацию нанимателю

Сжимая кулаки почти до хруста, я жалею, что сам не допрашивал этого ублюдка, потому что прямо сейчас с удовольствием набил бы ему морду.

— Кто его нанял? — холодно спрашиваю я, и Леон тяжело вздыхает.

— Он не знает. Ему платили с анонимного виртуального кошелька, передавая указания на анонимную почту. Мы попытались отследить его, но безрезультатно. Кто бы ни стоял за этим, он позаботился о защите.

Выругавшись сквозь зубы, я не сдержался и ударил кулаком по стене, так, что по руке потекла тонкая струйка крови. Друг осуждающе качает головой.

— Вот только не надо тут все крушить. Мы поймаем этого ублюдка, но нам нужно время. Это не дело пяти минут. Я киваю, пытаюсь вернуть себе самообладание, и Лео продолжает:

— Мы можем приставать к ним парочку моих парней. Им можно доверять.

Я не в восторге от мысли о том, что рядом с Аней будут ошиваться какие-то левые парни, но понимаю, что без этого никак, и киваю, соглашаясь с его предложением. Я не могу

быть рядом с ними двадцать четыре на семь. Им нужна защита.

— Сделай это, — говорю я. — Я хочу, чтобы они приступили к работе как можно скорее. Но только осторожно. Аня не должна ничего узнать.

— Понял. Я устрою все так, чтобы она даже не заметила.

Уходя из офиса, я оставляю Лео позади. Он — один из немногих людей, которым я действительно доверяю, и я знаю, что он сделает все, что в его силах, чтобы защитить мою семью.

Покидая здание, я думаю о том, кто может стоять за всем этим.

Виктор? Другие конкуренты?

Я не святой. Никогда не был. У меня достаточно врагов, чтобы составить целый список. Но без зацепок в этом нет смысла.

Сев в автомобиль, я завожу двигатель и направляюсь обратно в отель. Мне нужно увидеться с Аней и Алисой, убедиться, что они в безопасности. Я должен рассказать о новых обстоятельствах, не пугая их, но давая понять, что я делаю все возможное, чтобы их защитить.

Аня

— Аня, посмотри на этот шелк, — Ольга показывает мне образец ткани, и ее глаза горят от восторга, — Я думаю, это будет выглядеть потрясающе в новой коллекции, — когда дверь магазина открывается, она замолкает на полуслове, и я застываю.

Твою мать...

Я чувствую, как мне становится трудно дышать, и я с трудом удерживаю свои чувства под контролем.

Лиза, бывшая любовница моего бывшего мужа, входит в магазин и брезгливо морщит нос, глядя по сторонам. В этот миг в моей голове проносится целая куча вопросов, начиная от “за что мне это?” и заканчивая “Какого хрена она забыла в магазине мужской одежды?”.

— Черт... — шепотов выругалась я, отворачиваясь.

Это издевка судьбы, не иначе. Лиза выглядит уверенно, словно знает, что ей здесь нечего бояться.

Её присутствие заставляет меня нервничать, но я не хочу, чтобы она это знала. Мне удалось сохранить свое достоинство в прошлый раз, и я не собираюсь ударить в грязь лицом теперь, спустя столько времени..

Глубоко вздохнув, я возвращаю на свое лицо маску невозмутимости.

Она для меня никто. Что бы она ни задумала, от меня она этого не получит. Ей меня не сломить.

Развешивая товар, я слежу за тем, как Лиза отмахивается от девушки-консультанта с отсутствующим взглядом, словно она здесь не для покупок. Когда она замечает меня, ее глаза полны решимости, и она направляется в мою сторону.

— Я хотела с тобой поговорить, Аня.

— Я прошу прощения, но, если вы здесь не ради того, чтобы приобрести мужской костюм, я ничем не могу вам помочь, — холодно отвечаю я, даже не глядя на нее.

“Держи себя в руках. Она того не стоит”, — повторяю я себе, продолжая работать, а затем ловлю взгляд Оли с другого конца магазина. На ее лице застыл немой вопрос: “Тебе помочь?”

Едва заметно улыбнувшись, я качаю головой, и, кивнув, она возвращается к своим обязанностям, но ее взгляд говорит: “Если что — я буду неподалеку...”

— Я понимаю, что ты можешь меня ненавидеть. Но есть то, что я хочу тебе сказать. Ты должна кое-что знать... — произносит она с притворным беспокойством, и я раздраженно сжимаю губы, настойчиво игнорируя ее.

Лиза всегда казалась мне фальшивой. Видимо некоторые вещи никогда не меняются.

Я сжимаю кулаки, едва сдерживая рвущееся наружу раздражение.

— Я работаю. И, может быть это будет для тебя сюрпризом, но у меня нет ни малейшего желания с тобой общаться. Меня не интересует какого черта ты тут делаешь и чего ты хочешь. Оставь меня в покое.

Но Лиза не отступает. Её глаза наполнены решимостью.

— Аня, я просто... — начинает Лиза, но я поднимаю руку, чтобы остановить ее.

Её слова, её присутствие — все это подводит меня к срыву, и это плохо. Я не собираюсь терять еще и эту работу из-за нее.

— Замолчи, — перебиваю я ее. — Что бы ты ни затеяла, оставь меня в покое. Я не собираюсь снова играть в эти игры с тобой и Андреем. Если тебе от него что-то нужно — иди к нему. Не впутывай в это меня.

Я чувствую, как все внутри меня клокочет от злости, и, внезапно для себя, осознаю, что во мне нет ни капли ревности, потому что я знаю, она ничего не значит для Андрея. В этот раз он мне не солжет.

— Я не уйду пока ты не поговоришь со мной, — упрямо повторяет она, и из меня вырывается тяжелый вздох.

Соблазн вызвать охрану или Андрея, чтобы ее отсюда забрали, почти такой же сильный, как мое желание дать ей пощечину.

Я оборачиваюсь в сторону коллег, которые делают вид, что заняты работой, незаметно наблюдая за нами, и проглатываю комок в горле.

У меня нет ни малейшего желания делать это, но я могла бы выпроводить ее намного быстрее, если бы дала ей то, чего она хочет.

— Хорошо, — раздраженно соглашаюсь я, — Но мы выйдем на улицу. И, после того, как ты скажешь то, что хотела сказать, ты уйдешь, и больше не появишься. Меня тошнит от одного твоего присутствия.

Ее глаза светятся чувством победы, но я стараюсь не обращать на это внимания. Я дала ей возможность говорить, но это не значит, что я буду слушать.

Мы выходим из магазина, но не отходим слишком далеко. Не то, чтобы я ее боялась... Но с некоторых пор я никому не доверяю. Лиза нервно оглядывается, сминая в руках рукава, словно правда волнуется, но я почти уверена в том, что это лишь игра.

— Ну, — начинаю я, раздраженно глядя на нее, — Ты хотела говорить. Говори. У тебя есть пять минут моего перерыва.

— Я знаю, что ты не обязана слушать меня, но это важно для меня... и для Андрея. Я едва сдерживаю едкое фырканье.

“Ты даже не представляешь насколько мне плевать”, — говорил мой взгляд, но она этого, кажется, не замечала.

— Четыре минуты, — с непривычным безразличием сообщаю я.

“Давай уже. Говори, что хотела, и проваливай. Хватит уже тянуть кота за яйца”.

— Я прошу тебя, оставь Андрея.

В первую секунду мои брови удивленно взметнулись вверх, а затем из меня вырвался истеричный смешок. Я не могла поверить в то, что она действительно сказала это.

— Ты что, издеваешься? — сквозь смех спрашиваю я.

— Аня, я понимаю, что это трудно... Андрей... мы с ним... мы не вместе, — призналась Лиза, — но это временно. Сейчас у нас сложные времена.

— С какой радости я буду тебя слушать? — выдыхаю, усмехаясь сквозь зубы, — Ты не в том положении, чтобы просить меня об одолжении.

Я разворачиваюсь, не собираясь и дальше слушать этот бред, но Лиза резко хватает меня за руку.

— Убери от меня свои руки, — раздраженно рычу я, выдергиваю свою руку из ее захвата.

— Аня! Я знаю, что ты меня ненавидишь. Но это не меняет того, что происходит.

Она делает глубокий вдох, будто набирается смелости, и я чувствую, как меня наполняет холодная ярость.

— Я беременна.

Её слова звучат как пощечина и на мгновение мир вокруг меня останавливается.

— Что? — переспрашиваю я, стараясь сохранять спокойствие.

“Это ничего не значит. Ей нельзя доверять. Она фальшивая и лживая сука”.

— Андрей еще не знает, — говорит она, глотая фальшивые слезы. — Я хотела сначала поговорить с тобой.

Я прищуриваюсь, с презрением глядя на нее.

— И с какой это радости?

— Ты мать, Аня, — говорит Лиза тихо. — Ты должна понять меня...

Мать. Да, я мать, и была вынуждена растить ребенка одна, из-за тебя. Моя дочь росла без отца не только по моей вине.

— Понять тебя? — раздраженно фыркаю я, — Ты действительно думаешь, что меня волнует твое положение после того, как ты разрушила нашу семью? — мой дрожит от ярости.

“Разрушила меня”.

Я угрожающе нависаю над ней, и Лиза отшатывается, как от удара, она бледнеет.

— Проваливай. Если то, что ты сказала — не ложь, иди к Андрею. Это его проблема. Не моя.

Она пытается остановить меня, но я не позволяю. Не хочу больше тратить ни секунды на эту тварь.

— Я знаю, я совершила ошибку. Я не пытаюсь оправдаться.

— Мне не нужны твои оправдания, — шиплю я ей в лицо, — Не нужны твои слезы и интриги, которые ты плетешь. Мне плевать на то, что ты беременна. Не смей больше ко мне приближаться.

— Ты не понимаешь, — произносит она, ее слезы миглом высыхают, и голос Лизы становится резким, — Если ты меня не слушаешь, ты пожалеешь об этом, — с угрозой добавляет она.

Я напрягаюсь, глядя на нее, и замираю от возникшего подозрения.

— Это ты... Ты за мной следишь? — спрашиваю я, но уже знаю ответ. Лиза молчит, и ее молчание говорит больше, чем любые слова. — Что, ты хотела меня запугать? — спрашиваю я, чувствуя, как страх медленно уступает место ярости.

— Я предупреждаю тебя, — говорит она, глядя мне прямо в глаза. — Оставь его в покое.

— Катись к черту, Лиза.

Резко развернувшись, я ухожу, оставляя ее позади. Мир кружится, готовый уйти у меня из-под ног. Я чувствую, как горькие слезы наворачиваются на глаза, но не даю им вырваться наружу.

Не здесь. Не сейчас. И уж точно не из-за нее.

В отражении витрин я вижу, как Лиза пытается идти за мной, но не собираюсь останавливаться. Мои ноги двигаются вперед практически на автомате, унося меня от этого кошмара.

Почувствовав прохладный ветер на своем лице, и слышу, как Лиза продолжает кричать мое имя, но ее слова тонут в буре моих собственных мыслей.

"Черт бы ее подрал", — думаю я, закипая от ненависти, но знаю, что это не решит проблемы. Это не вернет мне моего мужа, не вернет мне мою семью. Все, что это даст

мне, — кратковременное облегчение.

Я не помнила, как добиралась до отеля.

Войдя в номер, я берусь за свои вещи, запихивая их в чемодан, трясясь от гнева.

"Пошло все к черту. И он, и она..."

Мы оставались здесь, думая, что над нами зависла реальная угроза, но, если за всем этим стоит Лиза, то нам нечего бояться. Она нам ничего не сделает.

Я снова чувствую себя одинокой, преданной и обманутой. Воздух в комнате кажется каким-то свинцовым.

Идиотка. Снова купилась. Поверила в то, что все может стать как прежде. Что мы можем стать семьей.

Я совершила ошибку.

Я позволила ему вернуться в мою жизнь, позволила себе поверить в его обещания.

Обещания? А разве он что-то обещал мне?

Мой затуманенный взгляд скользит по комнате. Вещи, которые я собрала, кажутся лишь напоминанием об этой ошибке.

А теперь... Теперь мне придется столкнуться с последствиями.

"Я беременна".

Ее слова эхом звучат в моей голове, и я чувствую, как боль в груди усиливается. Я хочу закричать от бессилия. От ненависти к Лизе, Андрею и самой себе.

Тихо открыв дверь комнаты Алисы, я вхожу внутрь. Она сидит на полу, окруженная книгами и игрушками. Некоторые из них я вижу впервые. Видимо Андрей купил ей новые на замену тем, которые остались дома.

Сглотнув очередной комок, я натягиваю на лицо улыбку.

— Солнышко, нам пора возвращаться домой.

Аня

Возвращаюсь домой, в родные стены, которые, казалось бы, должны были принести мне облегчение. Но нет.

Я сбрасываю сумку на пол и, переодев, накормив и отправив Алису рисовать, опускаюсь на диван, уставившись в пустоту. Все, что я сейчас хочу — это забыть обо всем.

Благо тетя считывает мое состояние и не донимает вопросами, хотя ее явно беспокоит то, как мы сорвались с места, и я знаю, что рано или поздно нам придется это обсудить. Но не сейчас.

Тяжело вздохнув, я закрываю глаза и пытаюсь успокоить свое сердце.

Ощущение горечи и обиды переполняет меня, и я позволяю себе несколько минут слабости. Чувствую, как глаза наполняются слезами, и даю им стечь по моим щекам.

Я рада, что завтра выходной. В моем состоянии было бы просто невозможно сконцентрироваться на работе.

Когда телефон разрывается от неожиданного звонка, я вздрагиваю и беру его в руки. Я вижу имя на экране, и мое сердце пропускает удар.

Андрей.

Ну конечно он позвонил. Мы уехали, ничего ему не сказав, только оставив на ресепшене сообщение о том, что волноваться не о чем.

От мысли о предстоящем разговоре мое сердце болезненно сжимается в груди.

Интересно, Лиза уже рассказала ему, или он еще ничего не знает?

Спустя несколько секунд телефон ненадолго замолкает, а затем снова звонит, а я просто сижу, смотрю на него, и не знаю, что делать. Ответить? Игнорировать?

В прошлый раз, когда я узнала о них с Лизой, все казалось намного проще, а сейчас...

Когда звонок повторяется, я нажимаю на кнопку "отклонить", откидываюсь на спинку дивана, и прикрываю глаза. Мне кажется что весь мой мир рухнул, как картонный домик.

Через какое-то время я встаю с дивана, мои ноги ведут меня к тумбочке возле окна.

Я перебираю всё: книги, старые фотографии, счета... И вот она, пачка сигарет. Я не курила уже много лет, но сейчас мои нервы на пределе.

Прикосновение холодного металла зажигалки к моим пальцам напоминает о прошлом.

Первая сигарета после долгих лет перерыва. Я ожидала от нее чего-то... Облегчения, может быть. Но вместо этого, все, что я чувствую — это отвратительный вкус во рту.

Дым вдыхается с трудом, горький и сильный, и вызывает глухой кашель. Я почти забыла о том, как это. Я пытаюсь привыкнуть, затягиваясь глубже.

С трудом докуриваю первую до конца и выбрасываю оставшиеся сигареты. Меня накрывает отвращение, и оно не проходит, даже когда дым исчезает, оставляя за собой мерзкий привкус во рту.

Когда я вижу под окном машину Андрея, мое сердце останавливается.

Ну конечно он сюда приехал. Было бы наивно думать, что он просто оставит все как есть. Он хочет объяснений, и, наверное, имеет на них право. Как бы тяжело ни было мне.

Я сжимаю занавески в руках, будто это может как-то помочь.

Мне не надо смотреть в окно, чтобы знать, что он там. Я чувствую его присутствие, как будто он уже находится рядом со мной в комнате.

Глубоко вдохнув, я пытаюсь успокоиться и настроиться на предстоящий разговор. Нет смысла откладывать неизбежное. Я не могу и не обязана прятаться. С этим нужно разобраться, прямо сейчас.

Мне кажется, что я набралась решимости, но, когда я подхожу к двери, мои руки трясутся, как в детстве перед уколом. Прежде чем я успеваю сделать шаг, в коридор врывается Алиса. Ее глаза полны радостного предвкушения, как будто это какое-то рождественское утро, а не мой личный кошмар.

— Андрей пришел! — заявляет она, — Я видела его в окне!

— Я знаю, лисичка, — отвечаю я, и сглатываю ком в горле, пытаюсь скрыть свою тревогу.

Она спешит к двери, чтобы встретить его, но я мягко останавливаю ее.

— Подожди немного в своей комнате, хорошо? Нам нужно поговорить, — прошу я, надеясь, что она послушает. Мой голос звучит устало и слегка хрипло.

Алиса удивленно смотрит на меня, но не спорит, просто кивает и убегает, позволяя мне открыть дверь.

Я глубоко вдыхаю, открывая дверь.

— Привет, — хрипло произношу я, не глядя на него.

Просто не могу смотреть после всего, что случилось. После того, что сказала Лиза. После того как я снова сбежала, забрав Алису.

Он, наверное, волновался.

Из-за этого я почувствовала внезапный укол вины и закусил губу.

— Привет? — холодно переспрашивает он, словно не веря в то, что я это сказала, — Что, черт возьми, ты делаешь?

Сглотнув, я наконец поднимаю на него глаза.

Я знаю, что должна сказать что-то. Рассказать о том, что Лиза заявила ко мне в магазин. Как требовала выслушать ее и оставить Андрея в покое, потому что она беременна от него. Как она практически призналась в том, что преследование — ее рук дело, но не могла найти слов. Я будто лишилась голоса.

Андрей смотрел на меня со смесью тревоги и раздражения. Он не понимал что происходит.

Значит Лиза еще ничего ему не сказала.

— Давай, скажи что-нибудь, — его резкий, грубый тон заставил меня вздрогнуть, — Какого черта происходит, Аня? Я возвращаюсь в пустой номер, и единственное, что меня успокоило, это то, что вы уехали по своей воле. Мне казалось, мы обо всем договорились. Казалось ты понимаешь, как это важно для вашей безопасности, и согласна на это. Поэтому я жду ответа. Что ты творишь?

— Нам лучше поговорить на кухне, — тихо говорю я, обводя взглядом его широкую фигуру. — Не хочу, чтобы Алиса слышала.

Его лицо становится жестким. Он стискивает челюсти, выдавая напряжение, но в конце концов кивает, и я благодарна ему за это.

Когда мы проходим на кухню, Андрей не садится на стул. Вместо этого он застывает у стены угрожающей статуей, скрестив руки на груди, и уставившись на меня с осуждением, и, тяжело вздохнув, я тоже остаюсь стоять.

— Я знаю, кто нас преследует. И нам больше не нужно от него скрываться.

Андрей удивленно вскидывает брови, а затем хмурится, глядя на меня. В его глазах

застывает немой вопрос, и он его озвучивает.

— Кто?

— Лиза. Она... — сглотнув, я осторожно подбираю слова, а затем выдавливаю: — Она недвусмысленно намекнула, что причастна к этому.

Андрей замирает, словно не в состоянии поверить в услышанное, и я его не виню. Готова поспорить, он ждал не такого ответа. Я тоже думала, что нам угрожает кто-то серьезный. Кто-то, кого действительно стоит бояться.

— Что? — наконец хрипло переспрашивает он. Из него рвется нервный смешок, и я почти готова к тому, что он начнет все отрицать, но вместо этого он просто спрашивает: — Ты... ты уверена?

— Я говорила с ней сегодня. Она пришла в мой магазин.

— Магазин мужской одежды?

— Да. Я не хотела с ней говорить, но она сказала, что иначе не уйдет, и я согласилась... — сглотнув, я отворачиваюсь к окну и смотрю на дерево, чья листва едва заметно колыхается на ветру: — Она сказала, что беременна от тебя, и требовала, чтобы я оставила тебя в покое. Она сказала, что иначе я пожалею. Я спросила что это значит. Спросила ее ли это рук дело. Преследование. Она не ответила прямо, но я уверена в том, что это она.

После моих слов на кухне ненадолго повисла тишина. Даже воздух стал каким-то густым. Тяжелым.

А потом Андрей произнес:

— Я разберусь с этим.

Он собирается шагнуть ко мне, но я качаю головой, останавливая его.

— Я не хочу снова проходить через это... — тихо признаюсь я, и, к своему ужасу, чуть не плачу. Мой голос дрожит. Но я смотрю ему прямо в глаза, не отводя взгляда.

Андрей вздрагивает, как от пощечины, и, кажется, собирается шагнуть ко мне, но я отступаю от него на полшага, насколько позволяет пространство кухни, и он замирает.

— Аня, послушай...

— Нет, Андрей. Я не могу. Я сказала тебе это, потому что ты заслуживаешь знать. Тебе решать, что делать. С Лизой, с ребенком, со всем этим... Но я не буду в этом участвовать. Я не могу. Я не буду запрещать тебе видеться с Алисой, но мне нужно немного времени. Сейчас тебе лучше уйти.

— Аня... — тихо повторяет он, почти отчаянно, и я отворачиваюсь, обнимаю себя за плечи чтобы он не видел моих слез.

— Пожалуйста, Андрей, дай мне время.

Закрыв за собой дверь, я выхожу из дома Ани и чувствую, как злость пожирает меня изнутри. Она кипит в моих венах, прожигает меня словно лава и... Опустошает.

Мне кажется, будто от меня оторвали кусок.

Подходя к машине, я сжимаю кулаки до боли, и едва сдерживаюсь, чтобы не нанести удар по ближайшему столбу.

Я не верю в то, что она наговорила Ане. Это невозможно. Лиза всегда была хитрой и искусной в манипуляциях, но этот раз она перешла все границы.

После развода у меня было множество других женщин, десятки встреч и коротких романов, и я всегда был аккуратен. Я не мог допустить случайности.

Я хватаюсь за телефон, быстро набирая номер Лизы, и она отвечает почти мгновенно.

— Привет, дорогой! Как ты?

На секунду сладость в ее голосе заставляет меня опешить, но я быстро беру себя в руки и отвечаю:

— Какого черта ты творишь?! — рычу я, не в силах скрыть злобу в голосе.

— Андрей, я приехала за тобой. Все это время я думала о тебе...

— Нам нужно встретиться, — перебиваю ее, не желая слушать лживые извинения и объяснения, и она тут же соглашается.

— Конечно, дорогой, я готова в любое время...

Назначив встречу, я завершаю разговор, сжимая телефон в руке так сильно, что корпус скрипит, угрожая треснуть.

Аня ведь права, я сам в этом виноват. Все это время я просто отмахивался от Лизы, как от назойливого насекомого, вместо того чтобы ясно дать понять, что, между нами, все кончено.

Я всегда был уверен, что могу справиться с ситуацией, что Лиза не будет проблемой. Но я ошибался. Эта ошибка обернулась для меня неприятным сюрпризом, и теперь мне приходится расхлебывать эту кашу. Я чувствую, что моя злость смешивается с разочарованием.

Больше всего на свете я не переношу таких женщин, которые не умеют принять отказ. Женщин, у которых в сознании отсутствует понимание того, что "нет" это не провокация для дальнейшей борьбы.

Я подъезжаю к ресторану, в котором мы договорились встретиться. Это было еще одно отличие Лизы от Ани. Она не признавала обычные кафе. Они были ей не по статусу четыре года назад, и с тех пор ничего не изменилось.

— Лиза, — произношу я вместо приветствия, подходя к столу.

Она поднимает голову, и я вижу тревогу в ее глазах, смешанную с радостью.

Бойся. И правильно делает.

— Андрей, — отвечает она, пытаясь улыбнуться. Но я вижу, что улыбка ей дается с трудом. — Я заказала кофе...

Не вино? Вот так сюрприз...

Видимо решила отыгрывать роль до последнего.

— Я приехал сюда не для того, чтобы пить кофе, — грубо обрываю я.

Она вздыхает и откладывает меню в сторону, встречаясь со мной взглядом.

— Андрей, я...

— Какого черта ты пошла к Ане? Ты действительно думала, что это хорошая идея?

Думала я ни о чем не узнаю?

— Я... — начинает она, но я перебиваю.

— Что за игры ты затеяла? Что это за бред о беременности?

Секунда, и она прикусывает губу. В ее взгляде читается решимость.

— Это не бред. Я приехала сюда, потому что думала, что тебе нужно знать правду.

Я смотрю на нее с такой ненавистью, на которую только был способен, и сжимаю челюсти, едва сдерживаясь, чтобы не наорать на нее.

— Не лги мне, — ледяным тоном произношу я.

Она начинает плакать, но я не чувствую жалости. Все, что осталось во мне к этой женщине, это гнев и разочарование.

— Андрей, я... Я думала, что беременна.

Я оглядываю ее, ища признаки лжи в ее выражении лица, но вижу только усталость и страх.

— Что?

По ее щеке скатилась слеза, но я ни капли ей не поверил. Она была лживой от нарощенных ресниц до кончиков волос.

— Я сделала тест, и он был положительным. Но я пошла к врачу, и... оказалось, что это была ошибка.

Я смотрю на нее, не зная, что сказать.

— Значит ты не беременна?

Я чувствую облегчение, смешанное с раздражением. Она кивает.

— Андрей, это ничего не меняет, — говорит она мягко, и в её голосе звучит отчаяние, смешанное с надеждой. — Я всё так же тебя люблю! Давай начнём всё сначала. Мы можем забыть обо всём этом, как о плохом сне...

— Я не могу, Лиза. Это... Это конец.

Как только я произношу эти слова, ее лицо искажается от ярости и разочарования. Наигранные слезы исчезают, и в её глазах появляется что-то похожее на злобу.

— Ты думаешь, что бывшая тебя примет? — шипит она, словно змея, готовая к укусу.

Лиза замахивается, чтобы дать мне пощечину, но я, предвидя её движение, с легкостью перехватываю ее руку. Её глаза расширяются от удивления и злости, и я вижу в них бешенство.

— Ты уволена. — говорю я твёрдо, не отпуская её запястья. — И, если ты ещё хоть раз попытаешься приблизиться к моей семье, ты очень сильно пожалеешь об этом.

Она пытается вырваться, но я держу её крепко.

— Пусти.

— Я не буду повторять дважды. Не смей к ним приближаться. Не смей им звонить, писать и угрожать. Если я еще хоть раз услышу о чем-то подобном, оглядываться придется уже тебе.

— Нет, это ты пожалеешь... — тихо шипит она, но я этого не слышу. Отбросив ее руку, словно раздражающую муху, я поднимаюсь и выхожу из ресторана.

Через какое-то время, сидя в машине, я недоуменно трясую головой, усмехаясь во весь рот.

«Она действительно думала, что это сработает?»

Черт. Я уверен, что дрянь специально разыграла этот дешевый спектакль перед Аней. Её слова, её манера, всё в ней кричало об обмане.

Я ускоряю машину. Руки крепко сжимают руль, пока я нажимаю на педаль газа. Машина реагирует немедленно, несясь вперёд с нарастающей скоростью. Мир за окном начинает мелькать всё быстрее, когда я прокладываю путь через вечерний город, оставляя за собой лишь скрежет шин и рев двигателя. Каждая клетка моего тела кричит, требуя действий, разрядки.

Я думаю о том, что только начал понимать, как вернуть все на свои места, как вдруг все снова полетело к черту. Словно замкнутый круг, из которого нет выхода.

Аня... я знаю, что она закроется вновь. Она вновь построит эти стены вокруг себя, которые мне так трудно было разрушить. В ее глазах снова будет страх и недоверие, и мне придется столкнуться с ее сомнениями и обвинениями. Но я справлюсь. Должен справиться. Потому что теперь мне есть за что бороться.

Я как раз подъезжаю к дому Ани, когда мне звонит Лео. Паркуюсь на специальном месте и отвечаю на звонок, и, после нескольких секунд, в которые друг пытается объяснить мне что случилось, рычу в микрофон:

— Что значит пропала?!

Андрей

Мне казалось, я полностью успокоился после встречи с Лизой, но нет. Злость, которую я с таким трудом приглушил в себе, вспыхнула с новой силой.

— Не паникуй, — напряженно повторил Лео, — Мы уже ищем ее. Мои парни получили доступ к камерам в том районе и проверяют зацепки. Также мы пытаемся отследить ее телефон, но, если похитители — не полные кретины, они первым делом избавились от него, или попытаются использовать его, чтобы увести нас по ложному следу. Камеры надежнее.

Твою мать.

— Как это случилось? — несмотря на бурю, бушующую у меня в груди, мой голос звучит на удивление ровно.

Я смотрю в окно Аниной квартиры, и вижу как ее тетя кормит Алису и гладит ее по голове. От мысли о том, что она узнает, что с Аней что-то случилось, мне хочется убить всех, в том числе и идиотов, которые должны были охранять ее. Защищать.

Лео тяжело вздохнул, он явно был не в восторге от ситуации. Его люди допустили серьезную ошибку, и это может стоить ему репутации, а мне — любимой девушки.

Нет. Я не должен думать об этом. Они ее найдут. Я ее найду. Даже если придется снести к чертям каждый дом в этом проклятом городе.

— Это случилось во время пересменки, за несколько часов до конца ее рабочего дня. Буквально за две минуты, что мои ребята отсутствовали. Мы уже опросили ее коллег. По их словам Аня вышла выпить кофе и не вернулась. В последний раз ее видели заходящей в туалет кофейни через дорогу. Похоже ее вывели через вход для персонала, как раз когда бариста вышла покурить. Но мы обрабатываем все версии. Она все еще на допросе.

Сжав челюсти, я не сдержался и изо всех сил ударил по рулю.

— Мы найдем ее, Андрей, — повторяет Лео, — Мы уже в курсе кто за этим стоит. Мы ищем Лизу. И, когда найдем ее, вернем Аню. Ты знаешь где она могла остановиться? Отель? Семья? Может быть друзья?

Тяжело вздохнув, я ненадолго прикрыл глаза и устало провел рукой по лицу.

— Я пришлю тебе список адресов.

И часть проверю сам.

— Только не делай глупостей, Андрей. Я понимаю что ты чувствуешь, но не действуй в одиночку. Не будь идиотом.

Я не стал спорить.

В одном Лео был прав. Мы оба знаем кто за этим стоит.

Я как раз собирался позвонить Лизе.

Не то, чтобы я всерьез рассчитывал на то, что она возьмет трубку после того, что выкинула в ресторане и после, но стоило по крайней мере попытаться с ней поговорить.

Однако не успел я набрать ее номер, как она позвонила мне сама.

От неожиданности я затормозил так резко, что машину чуть не занесло, и ответил на звонок.

— Ты совсем спятила... Если с Аней хоть что-нибудь случится, я тебя уничтожу... — прорычал я, но она остановила меня холодным смешком.

— Ой, оставь свои угрозы кому-нибудь другому. Мне казалось ты достаточно разумен,

чтобы понять, что я тебя не боюсь.

Я сжал руль так сильно, что у меня хрустнули пальцы. Я был готов разорвать ее на части.

— Какого черта ты творишь?! Неужели ты правда думаешь, что это заставит меня вернуться к тебе?!

— Нет... — приторно-сладким голосом промурчала Лиза, она явно наслаждалась своим преимуществом передо мной, — У тебя был шанс там, в ресторане. Этот поезд уже ушел...

— Тогда чего, мать твою, ты хочешь?! — прорычал я, — Что тебе нужно?!

Она тихо рассмеялась, и я тихо выругался.

Черт возьми, она точно ненормальная. Ей нужно лечиться.

— Я хочу мести, — наконец сказала она, и я почувствовал, как внутри меня все леденеет. А Лиза тем временем увлеченно продолжала, как клишированный злодей: — Хочу чтобы ты и твоя сука страдали. Если честно, если бы решала я, у тебя не было бы шанса ее спасти. Но, к твоему счастью, я — лишь одна из исполнителей.

— Я догадался, — прошипел я сквозь зубы, не скрывая ненависти, — Что от меня нужно?

— Ну ты же всегда был умным мальчиком, — довольно промурчала она, и я почувствовал, что меня тошнит от отвращения. Как я мог быть с этой безумной женщиной?! — Попробуй догадаться...

— Компания, — твердо произнес я.

Догадаться и правда было несложно. Не считая Ани и Алисы, компания — единственное, что у меня есть.

— Именно. Он хочет уничтожить ее. Так, чтобы ты при всем желании не мог ее восстановить.

Я прищурился.

— Он? — холодно произнес я, и Лиза хмыкнула.

— Ты же не ждешь, что я скажу тебе кто это, правда? Как бы там ни было, все зависит от тебя. Что ты выберешь: девку, которая уже предала тебя однажды или свою компанию?

Я сцепил зубы так, что они только чудом не раскрылись.

Для меня это не было вопросом. Мне нечего было выбирать.

— Передай своему хозяину, что он получит то, чего хочет, — холодно ответил я, — Но, если на теле Ани появится хоть одна царапина, я уничтожу и тебя, и его.

— Не веди себя так, будто это ты — хозяин положения. Не советую меня злить, — из ее голоса исчезло самодовольство, на смену ему пришла безумная ярость, — Если, конечно, не хочешь, чтобы я начала отправлять тебе твою Аню по кусочкам...

От ее последней фразы я заледенел.

— Так-то лучше, — довольно хмыкнула она в ответ на мое молчание, — От твоего поведения зависит, вернется ли твоя дорогая Анечка домой живой и невредимой. Очень советую не забывать об этом.

Я не стал на это отвечать. Не хотел доставлять ей такого удовольствия.

— Я все сделаю. Не трогай ее.

Лиза весело хохотнула, и я почувствовал, как у меня обрываются внутренности.

— Я-то не стану, если не будешь меня провоцировать, а вот он... Лучше тебе поторопиться. Часики тикают, Андрей... Тик-так... Тик-так...

— Подожди! Я же сказал, что согласен! — прокричал я, но она уже сбросила вызов.

Тишина, повисшая в машине, казалась почти оглушительной. А потом я позвонил единственному человеку, который мог помочь.

— Лео, она связалась за мной. Кажется я знаю где она...

Аня

Некоторое время назад...

Оля подходит ко мне, ее голубые глаза исполнены заботы.

— Аня, ты хорошо себя чувствуешь? — с беспокойством спрашивает она. Я пытаюсь улыбнуться, но знаю, что получается криво.

— Просто устала, — лгу я. Она кивает, не вникая, и я благодарна ей за это. Последнее, что мне нужно сейчас, это чья-то жалость или расспросы.

Меня тошнит, то ли от голода, то ли от несвежего бутерброда, который я съела на обед. Голова просто раскаляется, а сил едва хватает на то, чтобы стоять.

— Взять тебе кофе? — спрашивает она, и, должна признать, это звучит довольно соблазнительно, но я качаю головой. Мне не мешает подышать свежим воздухом.

— Нет, спасибо, я сама схожу...

Я выхожу из офисного здания и устало иду в сторону небольшой кофейни через дорогу.

Сделав заказ на два капучино "с собой", я направляюсь в дамскую комнату.

Войдя в женский туалет, я умываю лицо холодной водой, пытаюсь отогнать ощущение тяжести в моей голове. Моё отражение в зеркале выглядит просто ужасно, глаза красные от недосыпа и усталости. Но это лишь внешнее отражение внутреннего состояния.

Я замерла, заметив в отражении зеркала незнакомого мужчину. На его лице застыла усмешка, а уголки губ хищно приподняты.

Он был высок и казался еще больше в маленьком помещении женского туалета. Черные волосы свободно падали на широкие плечи, а взгляд был настолько холоден и безразличен, что мне стало не по себе.

— Это... это женский туалет, — шепотом произнесла я, наблюдая за тем, как его усмешка становится еще шире.

Он стоит на пороге, перегораживая мне дорогу к выходу, и я чувствую, как мое сердце начинает биться все быстрее. Он делает шаг вперед, и я отступаю, упираясь спиной в раковину.

— О, я знаю... — произносит он, и я едва сдерживаю желание закричать.

Мое сердце стучит как сумасшедшее. Воздух в комнате стал густым и тяжелым, с трудом проникая в легкие. Мне становится трудно дышать, и я хватаюсь за край раковины, стараясь удержаться на ногах.

Прежде, чем я успеваю что-то сделать, его рука сдавливает мое лицо, прижимая к носу платок. Мои глаза расширяются от ужаса, а затем мир вокруг начинает вращаться, стремительно погружаясь в темноту...

Я пришла в себя, лежа на кровати в незнакомой комнате. Моя голова разрывалась от боли. Я попыталась подняться, но мир вокруг вновь начал вращаться, и меня накрыло волной тошноты.

Что здесь происходит? Кто этот человек? И что он собирается делать?

Меня поглощала паника. Страх, непонимание, злость...

Наконец, с трудом поднявшись на локтях, я попыталась осмотреться.

Комната была просторной. Не имея ни малейшего представления о времени и месте, я

снова опустилась на подушку, стараясь успокоиться.

Когда дверь медленно открылась, мое сердце остановилось. Мои глаза расширились от удивления, и я несколько раз моргнула, пытаюсь выгнать образ из головы, а затем покачала головой.

Все было намного хуже, чем я думала.

— Ты сумасшедший ублюдок, — прошептала я, стараясь не смотреть на него.

Мой голос звучал слабо, с ноткой обреченности. Я знала, что не смогу противостоять ему. Даже будь я в лучшем состоянии, он выше и сильнее меня.

Виктор ухмыльнулся, как будто мои слова его развеселили. Он медленно подошел ко мне, прикоснулся к моему подбородку, и, повернув мое лицо к себе, произнес:

— Ну, Аня, не стоит вести себя так грубо.

— Иди к черту.

Наверное мне стоило быть осторожнее со словами, учитывая мое положение, но в тот момент я плохо соображала.

Он просто засмеялся в ответ и продолжил смотреть на меня.

Он протянул руку, и я инстинктивно отстранилась, скользнув дальше по кровати.

— О, Аня, — он протянул мое имя, словно тянул время, — Не стоит беспокоиться. Все будет в порядке.

Мой страх уступил место злости.

Я попыталась встать, но голова закружилась, и я упала обратно на кровать.

— Ты в порядке? — я слышу в его голосе тень насмешки.

— Что ты хочешь, от меня? — спрашиваю я, пытаюсь вернуть себе равновесие, но чувствую себя как на корабле.

— О, от тебя ничего такого, — ответил он, усаживаясь на стул рядом с кроватью.

Внезапно, он потянулся и коснулся моего лица.

— Что... что ты делаешь? — мое голос звучал слабо, и я поняла, что у меня почти нет сил противостоять. — Не надо...

Виктор наклонился, и его лицо оказалось совсем близко.

— Ш-ш-ш, все будет хорошо.

— Пожалуйста...

Вопреки моим протестам, Виктор садится на край кровати, и его руки начинают блуждать по моему телу. Они скользят по моему бедру, поднимаясь выше, и я чувствую, как к горлу подкатывает тошнота, а по щеке катится горячая слеза.

Я пытаюсь оттолкнуть его, но он слишком силен. Мои пальцы просто скользят по его рубашке, не в силах сдвинуть его даже на миллиметр.

— Не надо, пожалуйста, — шепчу я, чувствуя, как мир начинает расплываться перед глазами.

Но он не слушает.

— Пожалуйста, — повторяю я, но он лишь усмехается и приближается еще ближе.

Мои руки не слушаются меня, и я не могу сделать даже самую малую попытку чтобы защититься. Я закрываю глаза, желая исчезнуть, но это только усиливает ощущения его прикосновений.

Меня начинает мутить, и я с трудом дышу. Не знаю, что делать. Я совершенно бессильна. В последний момент, перед тем как сознание уходит, я слышу полукрик-полурыв, и чувствую, как тело Виктора отшвыривают от меня, как бейсбольный мяч.

А потом мир погружается в тишину. Все становится черным. И я проваливаюсь в спасительную пустоту...

Андрей

Когда Виктор отлетает в сторону от моего удара, он ударяется о стену, и из его рта вытекает струйка крови. Посмотрев на меня, он рассмеялся как безумец.

Увидев его над Аней, я и сам почти обезумел. Я был готов его убить, и наверное убил бы, если бы вслед за мной в комнату не ворвались бы люди Лео. Они в мгновение ока скрутили его, заломав ему руки за спиной, а он все смеялся и смеялся, как будто больше не контролировал себя.

Плюнув на него, я бросился к Ане. Она лежала на кровати без сознания, беспомощно раскинув руки.

На секунду, глядя на нее, я почувствовал, как у меня оборвались внутренности, но нащупав пульс и убедившись в том, что она дышит, почувствовал облегчение.

Все еще смеющегося Виктора вывели из комнаты, и вслед за тем в комнату вошел Лео.

Бросив напряженный взгляд на Аню у меня на руках, он спросил:

— Она?..

— Без сознания, — ответил я, глядя на ее лицо, ее ресницы слегка дрожали во сне.

— Думаю ее стоит показать врачам, — сказал он, — Кто знает чем ее могли накачать.

Я кивнул.

Вспоминая безумный смех, его лицо, перемазанное в крови, я почувствовал холодную ярость и... Страх.

Я знал, что он — урод, каких только поискать. Знал, что Виктор — не из тех, что играют честно. Но никогда не ждал от него чего-то настолько безумного.

Я недооценил его. Недооценил Лизу. И из-за этого пострадала Аня.

— Вы поймали ее? — холодно спросил я.

— Поймаем, — ответил Лео, — Мы патрулируем все дороги, вокзалы и аэропорты. Следим за всеми, к кому она могла обратиться за помощью. Ей не сбежать из города. Это лишь вопрос времени...

Он хотел добавить еще что-то, но не договорил. Мы вышли из дома и увидели как ублюдок пытался вырваться, когда его садили в машину.

Наконец за ним закрылась дверца, и, заметив меня в открытом окне, он вдруг широко улыбнулся и закричал:

— Думаешь все закончилось?! — его голос дрожал от нервного возбуждения. Я все еще держал Аню на руках, чувствуя как напрягается каждый мускул в моем теле.

— Что ты имеешь в виду? — холодно спросил я.

Мне не нравилась кровожадность, с которой он смотрел в нашу сторону. Не смотря на то, что он был в наручниках, несмотря на то, что для него все было кончено, это не был взгляд проигравшего. Виктор чувствовал себя победителем. А значит он либо окончательно свихнулся, либо дело дрянь.

Лео покачал головой, явно против этого разговора, но я должен был услышать ответ. Внутри меня появилось нехорошее предчувствие, и я сделал шаг в его сторону, игнорируя предупреждающий взгляд друга.

Огонек безумия, горящий в глазах моего бывшего конкурента, будто бы стал ярче. Он практически прилип к дверце машины с той стороны, не сводя с меня и Ани жуткого,

одержимого взгляда.

— Тебя предупреждали, Андрей. Предупреждали, что ты пожалеешь, если не выполнишь наши условия. И ты пожалеешь о том, что решил, будто бы умнее всех. Будешь жалеть об этом до конца своих дней. Аня возненавидит тебя за то, что ты сделал. Она ни на что тебя не простит!

Произнеся последнюю фразу, он расхохотался, и только Аня, все еще без сознания на моих руках, останавливала меня от желания вцепиться ему в горло.

Лео положил тяжелую руку мне на плече и покачал головой.

— Мы выпрясем из него все, что он знает, а ты позаботься об Ане. Ты нужен ей, Андрей. Оставь грязную работу мне и моим ребятам.

Выдохнув сквозь зубы, я ненадолго прикрыл глаза, успокаиваясь.

Он был прав. Я был нужен Ане.

— Я отвезу ее в больницу, — кивнул я, и услышал тихий стон.

Открыв глаза, Аня посмотрела на меня затуманенным взглядом, а затем расплакалась.

Я гладил ее по голове и шептал какие-то глупости, пытаюсь успокоить, пока она рыдала, спрятав лицо у меня на шее, обнимая меня.

— Ты... Ты нашел меня... — тихо сказала она.

— А как же иначе? — прошептал я, прислоняясь лбом к ее лбу.

— Я... Я думала... — начала она, но не договорила, задержав затуманенный взгляд на моих губах, а затем потянулась вперед и поцеловала меня, зарываясь пальцами в мои волосы. Тихо засмеявшись, я ответил на поцелуй, привлекая ее ближе, забывая обо всем, пока не услышал тихое покашливание друга.

Вздрагнув, Аня тихо ойкнула, прикрывая рот ладонью, а я недобро посмотрел на Лео.

Мой взгляд будто бы спрашивал:

«Ты все еще здесь?» — но он не обратил на это внимание.

Вместо этого он сказал:

— Мы поехали. Я позвоню, как только узнаем что-нибудь важное.

— Конечно.

Когда мы остались одни, я посадил Аню на переднее сидение своей машины и спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Сглотнув, Аня немного помолчала, будто прислушиваясь к себе.

— Бывало и лучше, — наконец призналась она, пока я пристегивал ее, — но я не думаю, что мне нужно в больницу.

— Ты слышала, — это был не вопрос, и она кивнула, — Послушай, я знаю, тебе может казаться, что с тобой все хорошо, но ты потеряла сознание, и я должен убедиться в том, что это не повторится. Это не займет много времени. Обещаю.

Я видел, не смотря на мои слова она сомневается, но я не собирался отступать. И в конце концов она согласилась.

— Она не беременна, — сказал я, пока мы ехали в сторону больницы, и, поймав на себе удивленный взгляд Ани, добавил: — Лиза никогда не была беременна. Думаю она придумала это, чтобы сделать тебе больно, и чтобы Сергей и его наемники смогли добраться до тебя.

Какое-то время мы оба молчали, а затем я сказал то, что давно должен был.

— Я хочу, чтобы ты знала. То, что происходит между нами, никакая не игра. Это важно для меня. Ты важна для меня. Не только из-за Алисы.

Вздвргнув, Аня посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, будто видела меня впервые.

— Что ты хочешь сказать? — тихо спросила она.

Остановив машину у светофора, я повернулся к ней и посмотрел ей прямо в глаза.

— Я хочу сказать, что не хочу тебя потерять. Никогда не хотел. Знаю, ты думаешь, мне было все равно, но твой уход уничтожил меня. Уничтожил все доброе во мне. По крайней мере я так думал. И я не собираюсь терять тебя снова. Знаю, это эгоистично, но я не отпущу тебя. Я люблю тебя, и сделаю все, чтобы вернуть твое доверие.

На секунду Ане перехватило дыхание.

— Андрей, я... — тихо начала она, но ее прервал звонок телефона. Глядя на экран, я выругался сквозь зубы. Это был звонок от Лео.

— Прости, это касается твоего похищения. Я должен ответить.

Аня

Открыв глаза, я зажмурилась от яркого, слепящего света. Он был раздражающим, навязчивым, словно комар, залетевший в комнату посреди ночи.

Меня окружали белые стены больничной палаты, рядом с кроватью стоял монитор для измерения давления, а рядом, на стуле, скрестив руки на груди, спал Андрей.

На секунду я залюбовалась им: его длинными темными ресницами, подрагивающими во сне, мышцами, проглядывающимися через черную ткань футболки, и не смогла сдержать желание дотронуться до него.

Протянув руку, я коснулась его щеки кончиками пальцев, чувствуя легкую небритость, и он тут же открыл глаза.

Какую-то секунду Андрей был дезориентирован, словно не помнил как и где уснул, а затем его взгляд метнулся ко мне и он резко поднялся со стула, и обнял меня. А затем, вздрогнув, будто испугавшись того, что сжал слишком сильно, осторожно отстранился.

— Прости. Как ты себя чувствуешь? — хриплым голосом спросил он, глядя на меня.

— Я... Вроде нормально, — неуверенно ответила я, прислушиваясь к себе, — Меня слегка тошнит, но думаю это пройдет, и... О боже... — у меня упал голос, — Тетя, Алиса...

На меня резко накатило осознание произошедшего, и я почувствовала, как меня накрывает ужас, я начинаю дрожать, и земля уходит у меня из-под ног. Если бы Андрей не придержал меня, я бы, наверное, свалилась с больничной койки.

— С ними все хорошо! — испуганно проговорил он, придерживая меня, а затем уже спокойнее добавил: — Дыши. Они в порядке.

На мгновение меня накрыло волной облегчения, но я не могла успокоиться. Не после того, что случилось.

— Но как же... — растерянно прошептала я.

Андрей покачал головой.

— Лео вывез их задолго до произошедшего. Когда все случилось, они были в безопасности, но думаю вам с тетей придется какое-то время пожить у меня.

От того, как он это сказал, будто переезд — настоящая проблема, на фоне того, что меня похитили, у меня вырвался нервный смешок, и Андрей улыбнулся, а потом из меня вырвались слезы облегчения.

— А Виктор и Лиза? Их поймали?

От мысли о том, что один из них может все еще быть на свободе к горлу подступила новая волна тошноты. К счастью, в этот раз мне удалось удержать все в себе.

— Да. Виктора арестовали в комнате, где он... Держал тебя.

На секунду глаза Андрея потемнели от ярости.

Мы оба знали, что он меня там не просто держал. Что он собирался сделать и сделал бы, если бы Андрей не вмешался. Если бы он не нашел меня. Не защитил.

— Если бы не Лео и его парни, я бы его убил, — признался Андрей, и я ни секунды в этом не сомневалась.

— Он не успел, — хрипло сказала я, — Ты появился раньше, чем он смог...

Андрей покачал головой.

— Это не все, что он сделал.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась я.

Тяжело вздохнув, он отвел взгляд в сторону.

— Помнишь как все закончилось несколько лет назад?

Ему явно было неприятно об этом говорить, как и мне, но я чувствовала, что это важно, и кивнула.

— Тогда ублюдок подставил тебя. Конечно, он действовал не один. Они с Лизой заставили меня думать, что ты передавала ему сведения из моей компании.

— И с чего бы мне это делать? — холодно спросила я.

Наверное, учитывая все, что случилось за последние несколько недель, было странно сердиться на него за то, что случилось много лет назад, но я ничего не могла поделать с чувством обиды и несправедливости.

— У них были доказательства того, что ты мне с ним изменяла. Фотографии. Конечно сейчас я понимаю, каким идиотом я был. Если бы тогда я не был так зол из-за твоего ухода и проблем компании, я бы понял, что это подделка, но...

Сжав зубы, Андрей виновато посмотрел на меня.

— Знаю, извинения не изменят того, что было, но...

— Все в порядке, — сглотнув, тихо ответила я, — Это было давно... Я..

Конечно, это была не совсем правда. Но я могла понять его чувства.

— Ты поэтому изменил мне с Лизой?

Я сразу пожалела о том, что спросила. Это было глупо, но я не могла взять свои слова назад. Да и... Я хотела знать правду. Должна была узнать.

Вздохнув, Андрей посмотрел на меня.

— Я никогда не изменял тебе. До нашего развода мы с Лизой никогда... Я любил тебя, Аня. Мне не нужен был никто, кроме тебя... Но, думаю, она хотела, чтобы ты так думала.

— А она?..

— Ее поймали час назад, в аэропорту. Она была в парике и с поддельными документами, пыталась покинуть страну. Теперь она ждет суда. Мои юристы позаботятся о том, чтобы они не вышли из тюрьмы.

Кивнув, я обняла себя за плечи.

Все закончилось. Они целы.

— Когда я смогу с ними увидеться? С Алисой и тетей.

— Думаю через пару часов, как только врачи закончат с анализами, — неуверенно ответил он, — Врач сказал, что у тебя легкая форма анемии на почве стресса и неправильного питания. Тебе поставили несколько капельниц, и в ближайшее время придется принимать некоторые препараты, соблюдать специальную диету, и периодически проходить проверку в больнице, но в целом ничего страшного не нашли. Вот только...

Андрей не договорил, отведя взгляд, и я настороженно посмотрела на него, переспросив:

— Вот только что?

Он не ответил, неловко проведя рукой по волосам, и я нахмурилась, поднимаясь с кровати, как вдруг ощутила новый приступ тошноты, в этот раз сильнее предыдущего, и меня вывернуло прямо на пол.

Откашлявшись, пока Андрей придерживал мои волосы и гладил меня по спине, я прошла к раковине в углу палаты, умылась и прополоскала рот холодной водой. Когда вернулась, лужи на полу уже не было. Вызвал Андрей кого-то или сам убрал — я не знала.

— Прости, мне просто внезапно стало нехорошо, — тихо сказала я, беря в руку бутылку с прохладной водой, которую Андрей мне протянул, будто с самого начала знал, что она пригодится.

А потом меня осенило догадкой.

— У меня язва желудка, да? Тетя говорила, что с тем, как я питаюсь, это только вопрос времени, но мне казалось...

Договорить я не успела. Плечи Андрея затряслись от беззвучного смеха, а потом он расхохотался, прикрыв рот ладонью.

Я нахмурилась.

— Что смешного? — переспросила обиженно.

— Прости. — Андрей перестал смеяться, но его широкая улыбка никуда не исчезла, когда он присел на больничную койку рядом со мной.

— Значит у меня нет язвы?

Весело фыркнув, он покачал головой, и на секунду его взгляд задержался на моем животе.

О. Боже. Мой.

Проследив за его взглядом, я закрыла рот ладонями, чувствуя, как мое сердце забилося сильнее, а затем положила одну руку на живот.

— Ты хочешь сказать?..

— Срок ранний. Если бы не обследование, мы бы не узнали, но... Ты не рада?

В ответ я тяжело вздохнула и покачала головой.

— Рада, просто... Все так сложно... Мы только все начали сначала, и случилось столько всего. ... Тетя и Алиса могли пострадать. Если бы не ты и Лео...

Рука Андрея накрыла мою руку, согревая меня. В его глазах была решимость.

— Этого больше никогда не случится.

— Ты не можешь этого знать, — мне было горько это признавать, но это правда. Я не хотела отталкивать его, но не могла думать только о себе.

— Нет, — тихо согласился он, — Но я сделаю все, чтобы защитить вас. Всех. Тебя, Алису, твою тетю, нашего будущего ребенка. Если понадобится, я всю Землю переверну ради вас. Ради тебя.

Говоря это, он потянулся к карману своих штанов, и вынул из них синюю бархатную коробочку.

— Андрей... — ахнула я, и на его губах появилась нерешительная улыбка.

— Не думал, что второй раз буду нервничать больше, чем в первый, — тихо признался он. Из его груди вырвался нервный смешок, и он опустился на одно колено передо мной, — Аня, ты выйдешь за меня?

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net